

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИН

БЕЗ ПРАВА На мысль

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИН

БЕЗ ПРАВА
На мысль

Историки в эпоху Большого Террора.
Очерки судеб

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1994

Литвин А. Л.

Л64   **Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб).**—Казань: Татарское кн. изд-во, 1994.— 191 с.

ISBN 5—298—00474—1

«Без права на мысль» — своеобразное продолжение книги Литвина «Запрет на жизнь», вызвавшей широкий общественный интерес. Новая книга основана на материалах ранее засекреченных архивов КГБ и посвящена историкам, ставшим жертвами тоталитаризма. В ней не только описание страданий людей, но и поиск ответа на вопрос: почему люди позволили себя убивать?

СОДЕРЖАНИЕ

Победа над собственной памятью.....	3
Два лица Владимира Адоратского.....	30
Как Николай Ванаг «покушался» на Сталина.....	47
«За отсутствием состава преступления...»	61
Революционер или историк?.....	72
Против Нострадамусов XX века.....	84
Выбор судьбы и судьба выбора.....	95
Последний социал-демократ в ВКП(б).....	122
Мингарей Сагидуллин и «сагидуловщина».....	139
Нахамкис. Он же Стеклов.....	152
Рыжий профессор в «одиночке».....	167
Послесловие.....	188

ПОБЕДА НАД СОБСТВЕННОЙ ПАМЯТЬЮ

В последние годы термин «репрессированная наука» стал расхожим штампом. Лишение свободы мнений, права на сомнение, заведомое неравноправие конкурирующих идей есть смерть любой науки. Тоталитаризм подвергал репрессиям физику и биологию, философию и историю, военное дело и медицину. Собственно говоря, в стране «победившего социализма» не было ни одной фундаментальной или отраслевой научной дисциплины, которая не понесла бы тяжких и невозполнимых потерь. Более того, репрессиям подвергались не только творцы, но и плоды их интеллектуальных усилий: более трехсот тысяч названий книг, более пятисот шестидесяти тысяч журналов, не менее одного миллиона газет, перепись населения в 1937 году и многие другие результаты труда ученых, до недавнего времени хранившиеся в спецхранах библиотек и секретных фондах архивохранилищ¹.

И все-таки среди прочих историческая наука, наверное, была наиболее пострадавшей. Учитывая военно-стратегическое значение медицины, биологии, физики, власти скрепя сердце шли на допущение — пусть и дозированных — свобод в их развитии. Этим дисциплинам было в 20-е годы отпущено некое время для творческих поисков, и их представители не утратили связи с мировым научным сообществом. У историков таких возможностей не было.

Ответить на вопрос, почему именно историческая наука стала первой заложницей тоталитаризма, можно простым указанием на то, что, как известно, «историю пишут победители», — а историков среди последних не числилось. Джордж Оруэлл писал о манипулировании памятью народа, когда партия может запустить руку в прошлое и сказать о том или ином событии, что его вовсе не было. «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым... Все очень просто. Нужна всего-навсего непрерывная цепь побед над собственной памятью»².

Историческая наука в советской России сразу же стала развиваться как официозная, с установкой на «единственно верное» теоретическое обоснование — на марксизм-ле-

низм и «партийно-классовое восприятие» прошлого и настоящего. Утверждение идеологического и политического единомыслия началось с ликвидации существовавшей до октября 1917 г. исторической науки. Большевики исходили из представления, будто обществоведение в России переживало упадок, из которого могла вывести лишь марксистская методология, как самая прогрессивная из всех возможных методологий. В соответствии, надо полагать, с нею началась (и продолжалась долгие десятилетия) классовая «селекция» научных направлений: «реакционная» историография, «мелкобуржуазная», «марксистская», «прогрессивная» и т. д. Разумеется, никто бы толком не сумел объяснить, почему С. Ф. Платонова, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского и других русских историков, бывших гордостью российской исторической науки, следует считать реакционными?!

Р. Ю. Виппер в лекции, прочитанной в Москве в 1920 г., заметил: «А вот перед нашими глазами изумительный факт: количественно небольшая группа овладевает колоссальным государством, становится властью над громадной массой и перестраивает всю культурную и социальную жизнь сверху донизу. Согласно чему? — Своей идейной системе, ...своей утопии земного рая, жившей до тех пор лишь в умах немногих экзальтированных романистов».

Парадоксальным образом победа идей, овладевших массами, превратила его, убежденного материалиста, в идеалиста. В этом превращении и состоял, по его мнению, кризис исторической науки³. В его замечании несомненна изрядная доля иронии: материалист умнее и истиннее идеалиста, потому что материалистом был Маркс, чье учение, в свою очередь, «всесильно, ибо верно».

Возможно, в первые годы Советской власти историки переносили страдания и лишения, связанные с гражданской войной, голодом, болезнями и террором, ничем в этом смысле не выделяясь из рядов интеллектуальной элиты. В 1918—1920 гг., вследствие голода и болезней, скончались А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов. В январе 1919 г. «в порядке красного террора» — в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта» — расстрелян почетный академик великий князь Николай Михайлович. Под арестом побывали член-корреспондент А. А. Кизеветтер, многие другие профессора-историки. С. П. Мельгунов до своей эмиграции, последовавшей в 1922 г., арестовывался пять раз. Дневниковые записи Мельгунова, Ю. В. Готье тех лет свидетельствуют не только о трудностях быта, неустроен-

ности, но и неуверенности в будущем, сомнениях в необходимости своих творческих изысканий. 2 декабря 1917 г. Мельгунов записал: «Лукин, большевик, говорил Сыроечковскому, что Ленин и компания разочаровались в возможности социалистической революции в России и решили, что для ее ускорения надо ввести жестокий монархизм, хуже прежнего...»⁴. Готье в записи от 20 февраля 1919 г., когда комиссия из коммунистов решала судьбу историков Московского университета, отметил, что считает себя по-прежнему профессором университета. «Я не сделал ничего, чтобы так или иначе заявить свое отношение к князьям мира, и буду продолжать их игнорировать до тех пор, пока меня или выгонят из университета или я сам выберусь из Совдепии»⁵.

По данным профессора И. А. Курганова, жертвами «красного террора» в годы гражданской войны стали 160 тысяч студентов, учителей, художников, писателей, профессоров и академиков. П. Н. Милоков говорил о 6775 погибших профессорах и учителях и высказывал предположение, что «красный террор имел целью вовсе не истребить поголовно специалистов, а лишь сломить политическую волю интеллигенции и подчинить ее своим видам»⁶.

По мнению П. Сорокина, «самыми ужасными годами... для профессуры были 1918—1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием на три месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других, «необходимых для существования», благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это — и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, профессор Хвостов и еще кой-кто. Третьих унес тиф. Кое-кого расстреляли»⁷.

Летом 1922 г. в Москве прошел громкий политический судебный процесс над лидерами партии правых эсеров и одновременно была осуществлена депортация с советских территорий большой группы ученых. Среди них были философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, экономист Б. Бруцкус, историки А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов и многие другие. Такого рода сигналы, посылаемые властью лучшей части интеллигенции, воспринимались ею однозначно и вызывали бегство из страны. По разным подсчетам к 1930 г. за рубежом работало примерно 500 ученых, в том числе 5 академиков и около 140 профессоров российских

университетов, хотя, по мнению Л. К. Шкаренкова, в действительности их было значительно больше⁸.

В начале 20-х годов быт научной интеллигенции улучшился лишь абсолютно, но не относительно: оплата профессора в вузе была во много раз ниже зарплаты дворника или курьера⁹. Разумеется, те, кто работал в марксистских учреждениях, имели «специальные привилегии» в виде пайков, более высоких окладов, приличных жилищных условий, их не «уплотняли» и т. д., не говоря уж о том, что в ходе проходивших в 1924—1929 гг. неоднократных «чисток» вузов увольнялись, точнее, изгонялись прежде всего «немарксистские элементы».

Удушение «реакционной» историографии¹⁰ совершалось двумя способами. С одной стороны, разрушались «старые» научные учреждения и вытеснялись «старые» историки. С другой, основным направлением государственной политики стало открытие сугубо коммунистических научных центров и резкое сокращение субсидий и иных пособий на проведение исследований, не нацеленных на усвоение нового мировоззрения. В короткое время были открыты Социалистическая академия общественных наук (1918), Истпарт (1920), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1920), Институт В. И. Ленина (1923), Институт красной профессуры (1921), Коммунистические университеты (1919—1921), Истпроф (1922), общество историков-марксистов (1925), Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН — 1924) и др. Все они получили право на выпуск периодических изданий и научных сборников. В РАНИОНе, где более, нежели в других вновь созданных научных учреждениях, работали старые специалисты, им предлагали изменить тематику, сделав упор на преимущественном изучении революционного движения, социально-экономической истории, а для аспирантов вводились специальные экзамены по марксистскому минимуму, которые принимали преподаватели-члены партии большевиков.

Во главе этих учреждений, ведущими преподавателями в них были, как правило, партийные функционеры, не имеющие специального исторического образования. Во главе Истпарта стал М. С. Ольминский, Институт Ленина возглавил Л. Б. Каменев, Истпроф — Ю. К. Милов. Многие учреждения возглавлял М. Н. Покровский, занимавший тогда не менее 19 должностей¹¹.

Торжественно открывшаяся 1 октября 1918 г. Социалистическая академия состояла из 4-х отделений: социально-исторического, политико-юридического, финансо-

во-экономического и технико-экономического. Лишь немногие члены Соцакадемии были профессорами (М. А. Рейснер), больше было доцентов (Н. М. Лукин, В. П. Волгин) и лиц без законченного высшего образования (Бухарин, Луначарский, Рязанов). Задачей всех отделений была подготовка марксистских кадров, координация всей исследовательской работы в области марксизма.

Покровский считал название академии скорее эсеровским, чем большевистским¹², и в 1924 г. она была переименована в Коммунистическую. Академия просуществовала 18 лет и была ликвидирована в 1936 г., когда, по выражению ее бывшего выпускника А. Г. Авторханова, «два сексота НКВД на «философском фронте» Митин и Юдин сумели одним лишь заявлением посадить в подвал всю Коммунистическую академию при ЦИК СССР, считавшуюся ранее теоретической лабораторией ЦК ВКП(б)»¹³. Но в 20-е годы Комакадемия считалась «кузницей марксистских кадров», высшим авторитетом во всем, что относилось к обществоведению. Устав 1926 года определял ее задачи так: «а) разработка вопросов марксизма-ленинизма; б) борьба с буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма; в) борьба за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в обществоведении, так и в естественных науках и разоблачение пережитков идеализма»¹⁴.

Подобные цели ставились и перед Институтом красной профессуры. Покровский вспоминал, что идея его создания родилась у Ленина в ноябре 1920 г., который сказал тогда ему, Покровскому, о плане подготовки преподавателей высшей школы. «Всем преподавателям по общественным наукам была поставлена задача: изучить в кратчайший срок основы марксизма и впредь вести преподавание только по марксистским программам»¹⁵. В соответствии с этой задачей шел и подбор слушателей — скорее в зависимости от их пролетарского происхождения, чем исторической подготовки, что привело к выпуску воинственных, но малокомпетентных «красных профессоров», в большинстве своем принесших в вузы догматическое мракобесие и безнравственную склонность к доносительству.

Основой для написания работ, которые лишь с большой натяжкой могут быть отнесены к историческим, стали произведения Ленина и «верных ленинцев» (вскоре, впрочем, ставших «злейшими врагами народа»), распространявшиеся невиданными доселе тиражами. Достаточно сказать, что только с ноября 1917 г. по декабрь 1923 г. было выпущено более 650 изданий ленинских работ, в том

числе примерно 200 — на языках народов СССР и иностранных языках общим тиражом более 6 млн. экземпляров¹⁶. Выпущенные впоследствии пять изданий собрания сочинений Ленина не были полными, включали в себя купированные тексты его работ, сводя тем самым на нет научную значимость самого факта публикации¹⁷. Одновременно отдельными изданиями и в виде собраний сочинений издавались работы Троцкого (21 том), Зиновьева (16 томов), Рыкова (4 тома), Каменева (12 томов), книги, брошюры, статьи Бухарина. Понятно, что в скором времени на первый план — как по тиражам, так и по значению — выдвинулись «труды тов. Сталина».

Все годы советской власти действовала цензура, была установлена монополия на пользование документами и их издание. 4 апреля 1925 г. ЦК РКП(б) принял постановление «О порядке опубликования писем и документов В. И. Ленина», согласно которому вся работа в этом направлении должна вестись исключительно через Институт В. И. Ленина. 26 февраля 1926 г. секретарь ЦК В. Молотов и заведующий истпартотделом ЦК С. Канатчиков подписали указание о прекращении свободного доступа к архиву жандармского управления всем, кроме сотрудников истпартов, ОГПУ и Верховного суда. Вскоре последовал декрет СНК РСФСР о порядке пользования материалами архивов.

ЦК распределял кадры историков, устанавливал тиражи исторических журналов; Истпарт, а затем и Институт Ленина стали отделами ЦК, т. е. вошли в полное подчинение Генеральному секретарю партии. Только в сентябре 1927 г. архив Октябрьской революции получил право получать эмигрантские издания. В январе 1928 г. Оргбюро ЦК признало неправильным сдачу в набор Центрархивом протоколов Петроградского ВРК без предварительной редактирования их партийными инстанциями. Специальной комиссии (Адоратский, Бубнов, Покровский, Савельев, Уншлихт) было поручено редактирование протоколов и решение вопроса об их издании. И. П. Товстухе, доверенному лицу Сталина, предлагалось решить вопрос о месте хранения подлинников.

В мае 1928 г. ЦК принял постановление о слиянии Института Ленина с Истпартом, а в марте 1929 г. был создан институт истории Комкадемии, куда был «влит» институт истории РАНИОН. Покровский оправдывал этот акт тем, что «встала проблема создания смены в области исторической науки. Когда мы увидели, что нам начинают готовить аспирантов по рецепту 1910 г.,... выходом было

решение передвинуть институт истории из РАНИОНа в систему Комакадемии с тем, чтобы он, во-первых, попал в чисто марксистскую обстановку, в чисто марксистскую атмосферу, а во-вторых, чтобы он при этом отделился от тех своих элементов, которые уже абсолютно никакому использованию в советских условиях не подлежат»¹⁸.

Организационные новации не могли не коснуться системы подготовки кадров историков. Вместо устоявшихся, прошедших испытание временем историко-филологических факультетов в университетах стали создаваться факультеты общественных наук (ФОНы), программа преподавания на которых была откровенно ориентирована на пропаганду и утверждение марксистской методологии. Историко-филологические факультеты были восстановлены в ряде университетов только в 30-х годах, когда сталинская генеральная линия торжествовала полную и окончательную победу.

В июне 1929 г. был официально закреплён статус партийных архивов. ЦК менял составы редколлегии исторических журналов, утверждал тематику и списки докладчиков на научных конференциях, разрешал или запрещал преподавание отдельным лицам и т. п. Таким образом, создавался механизм целенаправленного и тотального контроля над наукой, её превращения в идеологическую и политическую службу текущей политики.

Историки должны были понять, что без ведома ЦК они — ничто. Кроме того, закрытость архивов, необъяснимая атмосфера секретности позволяли манипулировать прошлым — этим плацдармом для битв за будущее. Точнее — за власть¹⁹.

В начале 1923 г. Троцкий жаловался в ЦК РКП (б), что инициатива «обращений к прошлому» целиком принадлежит Сталину, затем он заявил, что многие из инкриминируемых ему документов принадлежат уже «целиком Истпарту», т. е. истории. На что Сталин многозначительно ответил: «Истпарт есть не только хранилище, но и истолкователь партийных документов...»²⁰.

Важной вехой в истории исторической науки стал выход в свет четырех томов «Истории ВКП(б)» (1926—1929 гг.) под редакцией Ярославского. После нескольких замечаний Сталина эта работа стала объектом резкой критики. Полуграмотный Каганович назвал ее «фальсифицированной историей, подкрашенной под цвет троцкизма», а более эрудированные рецензенты тут же обозвали авторов «школкой троцкистских контрабандистов»²¹. Ярославский покаяться, переработал свой учебник по истории ВКП(б), где

подчеркнул роль Сталина как вождя, стоявшего рядом с Лениным,— и был высочайше прощен. (Каялись все авторы, но помогло это не всем).

В 1931 году продолжались организационные перемены: институт К. Маркса и Ф. Энгельса соединился с Институтом Ленина в рамках единого института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Тогда же историки были ознакомлены с письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». А. М. Панкратова, послав это «Письмо» Покровскому, заявила, что оно является для историков «политической» и исторической вехой, «особенно в отношении реализации главного лозунга — партийности в исторической науке». В связи с этим «Письмом»,— продолжала Панкратова,— «у нас сейчас поставлена на ноги вся историческая общественность»²².

История написания самого «Письма» изучена недостаточно, зато известны результаты его публикации²³. В нем Сталин по сути заявил о себе как единственном интерпретаторе марксизма-ленинизма, он высказал снисходительное пренебрежение к «архивным крысам» и значению документов, продемонстрировал образец того, как возвести политические обвинения в ранг научных аргументов. Его письмо было воспринято как директива к выявлению «троцкистских контрабандистов» и «фальсификаторов». Прославлению этого «Письма» в самом верноподданническом тоне посвятили свои передовые все исторические журналы. «Гнилой либерализм» и «примиренчество» некоторых историков были осуждены на собрании институтов Ком-академии, общества историков-марксистов²⁴.

С. А. Пионтовский отметил в своем дневнике (12 ноября 1931 г.), что «проработка письма Сталина на практике сводилась к тому, что десятки преподавателей вузов были сняты и исключены из партии, людей за какие-то ошибки, сделанные пять лет тому назад, выбрасывали, выгоняли, доводили чуть ли не до самоубийства и умопомешательства. Сам Ярославский был доведен до такого состояния, что производил впечатление человека, получившего огромную психическую травму, почти что помешанного. В самом деле, нелепо и дико: человека, прошедшего основную борьбу с Троцким, вдруг провозгласили перед всей партией самого троцкистским контрабандистом. Когда я был у него, он сидел в пустой комнате в кабинете ЦКК, подперши голову рукой, и с диким видом смотрел в окно. Более всего меня поразило то, что он не сумел подвести теоретическую базу под всю происходящую проработку и все это объяснял лишь тем, что Сталин не доволен тем, что в четырехтомнике не

отведено ему основной роли, личными мотивами, а не принципиальными».

Помимо «отеческих внушений» тем, кто еще настаивал на праве «свое суждение иметь», Сталин посылал и более зловещие сигналы. Так, в 1930 г. прошел процесс над «Промпартией», в 1931—над «Трудовой крестьянской партией» и «Союзным бюро ЦК РСДРП меньшевиков». Инспирированный характер этих процессов был ясен каждому, кто не желал обманываться. Кроме того, только за 1931 год во внесудебном порядке Особое совещание ОГПУ и его коллегия рассмотрели дела «в отношении 2490 лиц, из них: профессоров—85, инженерно-технического персонала—1152, экономистов—249, агрономов—310, ветврачей—22 и прочих служащих (как-то: бухгалтеров, ответственных работников по меньшевистским делам) — 666», что составило более 4% всех старых специалистов, работающих в стране²⁵.

Наконец, самым непонятливым Генеральный прокурор республики Н. В. Крыленко напоминал: «В 1926 году мы расстреляли 26 белогвардейцев во главе с бывшим князем Павлом Долгоруким; в 1930 — расстреляли 48 вредителей-снабжение и этим показали, что мы не собираемся складывать оружие террора, мы не отказываемся от него»²⁶.

Процесс огосударствления и централизации в управлении исторической наукой нарастал. Так, постановлением 15 мая 1934 г. создавались унифицированные школьные учебники по истории, все учителя истории должны были посетить курсы переподготовки, началось издание носившего директивный характер журнала «История в средней школе», в Московском и Ленинградском университетах вновь открылись исторические факультеты. Вскоре они стали создаваться и в других вузах. В 1935 г. были ликвидированы общества старых большевиков и бывших политкаторжан и ссыльных. В 1936 г. прекратил свое существование институт истории Коммунистической академии, «слившись» с историко-археографическим институтом, он послужил основой для создания института истории АН СССР.

В марте 1937 г. в «Правде» под заголовками типа «Об идиотской болезни — беспечности в журнале «Историк-марксист»; «Политическая слепота и беспечность» вышел ряд статей, где о Фридлянде, Ванаге и других ученых писали как о «врагах народа», а их работы именовались «всевозможной белибердой явно контрреволюционного пошиба». 31 октября 1937 г. среди слушателей и преподавателей отделения истории Института красной профессуры,

где до этого годы проработали многие из арестованных, с докладом «Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте» выступил А. В. Шестаков. Смысл его доклада состоял в тезисе: Покровского следует критиковать, а Ванага, Пионтковского, Дубровского, Томсинского, обвиненных в терроризме и бандитизме, следует уничтожить как «врагов народа»²⁷.

Возможно, эти статьи и их обсуждение, хронологически совпавшие со «знаменитым» февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), явились последним предупреждением о надвигающихся штормовых 37—38 годах. Уже готовился к печати «Краткий курс истории ВКП(б)» — эта «библия эпохи сталинизма», к созданию которой приложили руки Е. Ярославский, В. Кнорин, П. Пospelов. Вышла в свет суперапологетическая биография «отца народов» (Г. Александров, М. Галактионов, В. Кружков, М. Митин, В. Мочалов, П. Пospelов). Народилась когорта «историков», готовая писать что угодно, лишь бы написанное удовлетворяло примитивному вкусу «начальства», и проклинать своих недавних коллег, управляемых на эшафот²⁸.

История — в том числе и история исторической науки — это всегда и прежде всего люди. Пожалуй, самой репрезентативной, показательной фигурой того времени был академик М. Н. Покровский. Не лишенный исследовательского таланта ученый, он стал «приказным от большевизма», курировавшим развитие этой научной дисциплины в стране. Став чиновником, он был вынужден агрессивно нападать на своих конкурентов как в области науки, так и в сфере административного контроля над нею. Защищая свою концепцию исторического развития России, ему пришлось прибегать к административным интригам, а защищая свою чиновную должность, — к «научным» аргументам. Удивительным образом он был вознесен при жизни (мы уже упоминали о его 19 должностях) и повержен после смерти. Может быть, пример Покровского (дискуссии о роли которого продолжаются) — самое яркое свидетельство тому, почему научное исследование нельзя соединять с политикой, почему его утверждение: «история — величайшее орудие политической борьбы, другого смысла история не имеет»²⁹ — лишает занятия историей научного смысла.

Человеческая трагедия, не обошедшая стороной и историков, вынудила исследователей обратить внимание не только на научные достижения, но и нравственность ученого. В советской историографии эта проблема заявила о себе лишь в последнее время, в том числе и при оценке деятельности Покровского. В работах зарубежных истори-

ков эти вопросы присутствовали часто. П. Н. Милюков, историк и бывший лидер кадетской партии, в эмиграции резко критиковал не только научные работы, но и личные достоинства Покровского, которого знал со студенческой поры. Он характеризовал Покровского «доносчиком» и считал его виновным в преследовании С. Ф. Платонова и других русских историков. Эта точка зрения получила подтверждение в работах отдельных советских исследователей. Но не устроила других и вызвала с их стороны критику в адрес монографии о Покровском английского историка Д. Энтина, сделавшего попытку реконструировать психологический облик этого ученого и администратора от науки, представившего его в книге властолюбивой и трусливой личностью, в основе поведения которой лежало стремление сохранить лидирующие позиции в области исторической науки и угодить партийному руководству³¹. Однако документы из личного фонда Покровского, хранящиеся в бывшем партийном архиве, свидетельствуют о том, что Энтин скорее всего прав. Особенно красноречивы так называемые «тайные письма» Покровского.

В небольшой папке хранятся письма к Покровскому арестованных и сосланных по «делу» академика Платонова историков: Е. В. Тарле, А. И. Яковлева, В. И. Пичеты. Они просили помочь им, восстановить справедливость³².

Письмо Пичеты осталось без ответа. На подобное же письмо Тарле Покровский ответил, что читал его показания и что его, Тарле, ссылка в Алма-Ату свидетельствует о мягкости отношения к нему Советской власти. И тут же, не без цинизма, замечал, что заниматься наукой можно и в Соловках, хотя публиковаться там трудно. «Кроме того, я, как Вы догадываетесь, не могу дать никакого категорического ответа, не посоветовавшись с кем следует; а это последнее затрудняется тем обстоятельством, что я сейчас болен, лежу в постели и это письмо диктую — так как сам писать не могу. При первой возможности я постараюсь поговорить с кем следует и тогда извещу Вас о результатах»³³.

28 января 1932 г. академик счел себя обязанным информировать секретный отдел ОГПУ о том, что к нему поступают письма от историков (Тарле, Яковлева, Пичеты), сосланных в различные области Союза. «Так как эти письма могут представить интерес для ОГПУ, а мне они совершенно не нужны, пересылаю их Вам»³⁴.

Всеми доступными ему средствами Покровский охранял свое главкомовское положение в науке. В письме К. Б. Радеку (начало 1931 г.) он предлагал создать «марксистскую

фракцию Большой советской энциклопедии и объявить диктатуру этой фракции над всем отделом обществоведения»³⁶. Двумя годами ранее он одобрил поведение своих коллег, проводивших его линию, которая сводилась: «1) к очищению марксистской исторической литературы от всяческих пережитков буржуазной идеологии, каковых пережитков в этой литературе еще очень много; 2) к беспощадной борьбе с самой этой буржуазной идеологией, когда она имеет наглость выступать открыто, что особенно часто в последние годы. Противопоставление этой линии я встречал до сих пор только со стороны Троцкого и отчасти группы Н. И. Бухарина... На меня крайне угнетающим образом подействовало известие, что и некоторые из историков ИКП как будто также имеют тенденцию выступать против этой линии»³⁶.

Как видно, в конце 20— начале 30-х гг., когда внутрипартийная борьба перешла в заключительную стадию, Покровский видел своей задачей не создание новых работ, а «борьбу» и «разоблачение» тех, кто продолжал заниматься творческой деятельностью. Именно тогда появился ряд погромных работ Покровского и его коллег³⁷, многочисленные письма Покровского в секретариат ЦК ВКП(б) (1931 г.), весьма напоминающие доносы. В январском письме он писал о наличии группировок среди историков, сравнивая их с «уклонами» в партии и объясняя их влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии³⁸. Февральское (1931 г.) письмо проливает свет на глухое противостояние с Ярославским в борьбе за право возглавлять официальную историческую науку. В письме он обосновывал свою схему истории России, которая «кладет в основу... развитие капитализма, ...старается показать, что капитализм у нас не есть наносное явление, возникшее то ли благодаря влиянию Запада, то ли благодаря самодержавию, ...а имеет глубокие национальные корни». Покровский признавал, что многие в этой схеме сомневаются. «Так, я долго терпел в качестве своего помощника в ИКП Минца, роль которого теперь совершенно выяснена. Потеряв, наконец, терпение и сняв его, я назначил на его место Ванана,— когда-то, до XIV съезда, троцкиста,— будучи уверен, что он свой троцкизм давно изжил. Оказалось, что я ошибался, что троцкистские связи и знакомства продолжают иметь влияние на тов. Ванана. Пришлось снять и его... Пугает положение позиция тов. Ярославского. В споре о «Народной воле» он сначала решительно стал на сторону тов. Теодоровича, потом начал «выправлять свою линию»,— но до конца так и не выпра-

вил: Теодоровича как правого уклониста не охарактеризовал. В дискуссии о революции 1905 года его поддержку нашла концепция Эльвова-Минца, что эта революция была классовой крестьянской революцией, где основной движущей силой было крестьянство. Как можно было не узнать в этой концепции нового издания зиновьевщины, это секрет тов. Ярославского. Но у Эльвова-Минца есть вещи получше этого: невозможность в 1905 г. постановки вопроса о перерастании на том основании, что не был еще достигнут соответствующий уровень развития производительных сил... Вполне возможно, что тов. Ярославский лично не разделяет взглядов минца-эльвовской группы... Доброе сердце не принадлежит к числу большевистских добродетелей. Большевики люди «злые». Их характеризует непримиримая борьба со всякими непартийными и антипартийными уклонами. Тов. Ярославский теоретически, конечно, это великолепно знает: надо, чтобы он свою теорию связал, наконец, с практикой»³⁹.

Эти письма с прозрачным доносительским оттенком в 1931 г., как и статья Покровского 18 декабря 1927 г. в «Правде», посвященная десятилетию ВЧК-ОГПУ, в которой оправдывались террор и другие внесудебные действия этого карательного учреждения и утверждалось, что от работы в ВЧК не отказывался ни один большевик, — не делали ему чести⁴⁰.

В 1928 г. было торжественно отмечено его 60-летие, а в 1932 г. он с почестями был похоронен у кремлевской стены. Прошло всего несколько лет, и началась шумная кампания его критики. В ней приняли участие Бухарин и Радек (Борьба классов.—1936.— № 2), уцелевшие ученики Покровского, ставшие авторами сборников «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (М., 1939), «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» (М., 1940), вернувшийся из ссылки В. Пичета⁴¹ (Исторический журнал.—1941.— № 6). Кампания шла под девизом: «Пора, наконец, всем советским историкам из «учеников Покровского» стать учениками Ленина и товарища Сталина»⁴². Особо лихо отплясывал на могиле своего противника Ярославский: «Необходимо самым основательным образом разворошить все наследство исторической «школы» М. Н. Покровского, вскрыть грубейшие ошибки, заключающиеся в произведениях Покровского»⁴³.

Одновременно с огосударствлением исторической науки и ликвидацией демократических обществ (бывших политкаторжан и ссыльных, закрытия музея П. Кропоткина и др.) шел процесс дискредитации старых большевиков,

физического уничтожения специалистов. Разумеется, все это направлялось тогдашним партийным руководством страны, как им же определялась и «нужная» тематика исторических исследований. Сталин в закрытом письме ЦК 18 января 1935 г. (в связи с убийством Кирова) констатировал: «Знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии». Предлагалось изучать антипартийные группировки в истории партии, методы их ликвидации⁴⁴.

В настоящее время начато исследование драматической судьбы российской Академии наук, ее переименования во всесоюзную в 1925 г. и функционирования в небывалой зависимости от государства, трагедии работавших в ней историков⁴⁵. Особенно подробно изучено «дело» академика С. Ф. Платонова, злключения академика Е. В. Тарле, беззакония, творившиеся с историками, работавшими в вузах, музеях, архивах. Ведь только в 1929 г. в разных городах было арестовано не менее 130 историков⁴⁶.

В советской и зарубежной историографии 20-е годы иногда характеризуются как «золотое время» для развития наук, литературы и искусства. Так, Шейла Фицпатрик пишет о «мягкой и жесткой линии» в политике партии по отношению к интеллигенции, политике терпимости и политике репрессий. Причем, по ее мнению, последняя победила в 1928 г. с началом «шахтинского процесса»⁴⁷. Думается, что подобные дефиниции весьма условны. «Золотое время» — по сравнению с каким? С 30-ми годами и их массовыми репрессиями? Но аресты ученых и их депортация имели место и в 20-е годы. И те, кто стал их жертвой тогда, вряд ли согласятся с определением времени их страданий как «золотого».

Английский историк Л. Шапиро отмечал, что уже в начале 30-х гг. свободе дискуссий пришел конец. Коммунистическая академия была преобразована из центра науки в центр подготовки партийных кадров, в результате чего резко снизился ее научный уровень. До 1931 г. издание трудов по истории партии было в руках ученых, которые еще уважали факты. После письма Сталина в редакцию «Пролетарской революции» ситуация изменилась. «Самым важным достижением Сталина в установлении контроля над мыслями,— по мнению Шапиро,— был захват историографии партии»⁴⁸.

Процесс подчинения исторического освещения прошлого нуждам настоящего, оболванивание населения системой ортодоксальных формул занял полтора десятка лет. Это

стало результатом большой организационной и идеолого-политической работы руководства партии. По мнению А. Авторханова, Ленин «изобрел как раз тот тоталитарный механизм государственной власти, пользуясь которым его наследники увековечили и духовный террор и почти на целый век выключили Россию из семьи цивилизованных и процветающих государств...». Абсолютный примат государственной власти над человеком стал основной особенностью этого супертоталитарного государства, отличающегося от прочих подобных режимов отсутствием частной собственности и малейшей независимости людей. Суть дела оказалась не в критике сталинизма, а в преодолении тоталитаризма, как еще и нравственной болезни общества⁴⁹.

Троцкий в предисловии к книге «Сталинская школа фальсификаций» (см. в переиздании: М., 1990.— С. 8—9) отметил три поворота официальной историографии Октября в 20-х гг.: в 1923—26 гг., когда история партии переделывалась на потребу дня главным образом Зиновьевым, в 1926—29 гг. появляется «новая оппозиция» и история опять пересматривается, особенно Бухариным и Ярославским; с 1929 г., после разрыва сталинцев с правыми, теория и история пересматриваются в третий раз⁵⁰.

Имеется несколько суждений о причинах резких изменений партийной политики, о месте и роли исторической науки в конце 20—начале 30-х гг. Одни (М. Геллер, А. Некрич, В. Соловей) первопричину видят в тогдашней смене идеологической ситуации от ожидания мировой революции к укреплению социализма в одной, отдельно взятой стране. Теперь не нужна была злобная критика имперских традиций, а, наоборот, важно было укрепить империю. Если еще в начале 1931 г. Сталин говорил о том, что старую Россию непрерывно били за отсталость (Т. 13.— С. 38), то майское 1934 г. постановление ЦК и правительства «О преподавании гражданской истории в школах СССР» указывало на смену курса. Теперь нужно было воспитывать патриотизм и гордость за державу, утверждая: Россия всех била и побеждала. По Покровскому, революция произошла, потому что народ хотел свободы, теперь, по Сталину,— потому, что хотел сильной власти. Замечания Сталина, Жданова и Кирова на проспекты учебников по истории СССР и новой истории означали, что огосударствлению подвергалась память. Марксистско-ленинская история объявлялась единственной научной правдой о прошлом, а ее функциями провозглашались легитимизация власти Сталина и воспитание советского человека⁵¹.

Другие (Д. Волкогонов, М. Рейман), также выделяя в изменениях прежде всего политические мотивы, отмечают в них стремление Сталина использовать историю в личных целях, для укрепления личной власти⁵². Это так. Но все было гораздо сложнее. От идеи мировой революции не отказались. Однако произошла смена приоритетов: на первое место вышла ориентация на полное подчинение формируемому тоталитарному режиму.

Ныне все охотнее признаются выводы зарубежных историков о тесной взаимосвязи исторической науки в СССР с конъюнктурной политикой властей⁵³. Подтверждается вывод бывшего профессора истории древних и средних веков (после 1945 года — эмигранта) Константина Штеппы о том, «что русская историография в период советской власти наиболее ярко отражала каждую стадию внутреннего развития советского строя. Каждый нюанс в политике правящей партии находил свое выражение в том или ином событии на «историческом фронте». В этом смысле историография в советском государстве была микрокосмосом в макрокосмосе»⁵⁴.

Конечно, велик соблазн все беды переложить на политиков и «жуткое время». Да, Сталин был опытным политическим «пауком», умело затягивающим жертвы в свои сети. Был мастером интриги, натравливания и использования одних для уничтожения других, чтобы вскоре и тех, кто его поддержал, превратить в жертву. Эта методика явно прослеживалась не только по отношению к политическим деятелям, но и к историкам. Карл Радек шутил о невозможности ведения с ним академической дискуссии: «Ты ему сноску, а он тебе — ссылку»⁵⁵. И среди историков первыми пострадали старые специалисты — «дело академика С. Ф. Платонова», военных историков А. Е. Снесарева и А. А. Свечина (1930 г.)⁵⁶, затем по надуманному процессу «меньшевиков» был осужден политик и историк Н. Н. Суханов⁵⁷. Потом начались «разборки» между историками-марксистами. Наверное, впервые это в столь яркой форме проявилось при обсуждении письма Сталина в журнал «Пролетарская революция» (1931 г.).

На первый взгляд, письмо Сталина было направлено против отдельных историков. Но среди них был Е. М. Ярославский вместе с группой своих коллег, оспаривавший тогда лидерство в исторической науке у М. Н. Покровского и его учеников. Письмо Сталина поддержало последних. Сначала началось массовое покаяние в «ошибках» авторов 4-томника «Истории ВКП(б)», вышедшего под редакцией Ярославского, тех, кого Сталин обвинил во многих политических

«грехах», — А. Слуцкого и В. Волосевича⁵⁸. Раскаивались те, кто еще недавно выступал с оскорбительно-ярлыковыми, бездоказательными и скандальными речами и статьями против представителей «буржуазной историографии». С ними тогда обошлись «мягче», чем с арестованными по «делу академика Платонова». Последних держали под арестом в одиночных камерах, ссылали, оставляя в бесправном положении. «Историков-марксистов» отправляли в ссылку в Свердловск или Казань (П. С. Дроздов, Н. Н. Эльвов и др.) с путевками ЦК ВКП(б). Им предлагали кафедры, они не теряли ни права переписки, ни права на поездку по стране.

Письмо Сталина жестким катком прошло по многим провинциальным историкам, везде стали выискивать «троцкистских контрабандистов» и громить их. Казалось бы, то Письмо предупреждало Ярославского и его сторонников, а Покровский и его ученики могли торжествовать победу... Но после смерти Покровского (1932 г.) началась критическая кампания, ставящая целью развенчать все написанное им и его учениками⁵⁹.

Речь шла не о закреплении сталинского влияния в исторической науке (К. Радек, Р. Медведев), не о перемене в акценте воспитания населения (классовых чувств на патриотизм — К. Симонов)⁶⁰, а об огосударствлении исторической науки, превращении ее в послушное идеологическое орудие обслуживания тоталитарного режима. По замыслу создателей этого «вечного режима» историки должны были придерживаться универсальной все и вся объясняющей теории — марксизма-ленинизма. Естественно, в трактовке власть предержащих. Они должны были объяснять все происходящее как благо для будущего, отсекал, умалчивать, фальсифицировать все, что не укладывалось в предложенную схему. Историки должны были способствовать превращению человека в «собаку Павлова». Но даже и публично заявленная верноподданность не была гарантией их безопасности. Поскольку созданный в стране режим не мог существовать без насилия и террора, искусственного поддержания обстановки гражданской войны.

Для поддержания напряженности среди историков властями использовались различные методы: проработки, саморазоблачения, нестабильность элитных образований в государстве (ссылаешься на Бухарина, — а завтра он — «враг народа»), бесчисленные чистки и руководящие постановления и, наконец, аресты, ссылки и физическое уничтожение. Историков обвиняли в политических «преступлениях», подготовке «террористических актов» против

руководства партии и прочих абсурдных, никогда не совершенных действиях⁶¹.

В начале 1935 года был арестован директор библиотеки им. Ленина В. И. Невский и его ученики, сотрудники группы по истории пролетариата института истории Комакадемии П. А. Анатолев, П. П. Парадизов, В. С. Зельцер; декан исторического факультета ЛГУ Г. С. Зейдель и многие другие. В 1936 г. арестованы профессора Н. Н. Ванаг, Ю. М. Бочаров, М. А. Рубач, декан истфака МГУ Г. С. Фридлянд⁶², директор историко-археографического института АН СССР С. Г. Томсинский, директор ленинградского историко-философского института А. Г. Пригожин, директор института истории партии ленинградского ОК ВКП(б) О. А. Лидак, декан истфака Азербайджанского университета Б. Н. Тихомиров, зам. директора международной ленинской школы З. Л. Серебрянский, историки А. И. Малышев, Б. М. Фрейдлин, З. Б. Лозинский, И. П. Токин, В. М. Далин, А. И. Ломакин, Т. М. Дубыня и другие.

В 1937 году были арестованы декан истфака ЛГУ С. М. Дубровский, директор института истории ленинградского отделения Комакадемии С. С. Бантке, директор Института красной профессуры историк В. И. Зеймаль, директор историко-партийного института красной профессуры В. Г. Кнорин, его замы П. Я. Вискне и Ф. А. Андерсон, зам. директора института истории АН СССР А. Г. Ионнисян, зав. кафедрой истории СССР МГУ П. О. Горин, руководитель кафедры истории народов СССР и всеобщей истории ИКП П. С. Дроздов, Ф. Ф. Козлов, историки Б. Б. Граве, И. В. Фролов, М. А. Лурье, Л. Г. Райский, Е. И. Ривлин, И. М. Троцкий, А. Г. Слуцкий, Н. М. Войтинский, А. И. Уразов, Д. Я. Кин, Е. П. Кривошеина и др. Многие из них погибли. Одновременно были арестованы сотни историков во многих городах страны. Известно, что тогда погибли две трети из 200 выпущенных институтом красной профессуры в Москве историков. 31 марта 1937 г. директор института истории АН СССР Н. М. Лукин на партийном собрании сообщил, что институт по числу выявленных «врагов народа» занял первое место в системе Академии наук. Только в ленинградском отделении института истории из 20 сотрудников арестовали 14.

5 мая 1937 г. на открытом партийном собрании ученых-историков ИКП выступили представители журналов «Историк-марксист», «Красный архив», «Исторический журнал», чтобы раскаянием отреагировать на критику в свой адрес со страниц газеты «Правда». Редактор журнала «Историк-марксист» академик Н. М. Лукин признал кри-

тику правильной и отметил, что из 8 членов редколлегии трое оказались «врагами народа» (Фридлянд, Далин, Фролов). Наиболее одиозным было выступление зам. редактора журнала «Красный архив» профессора В. В. Максаква. Он говорил о публикации в 1935 году в журнале документов о 9 января 1905 г. и допросе Емельяна Пугачева. Предисловие к ним написал С. А. Пионтковский (ко времени собрания арестован и расстрелян). «Опять-таки здесь была проявлена, несомненно, политическая беспечность, не прощупали, что здесь давал Пионтковский. Нам казалось — слабая вещь, халтурная вещь. Но, товарищи, это была не халтурная вещь, она имела определенную политическую установку, враждебную нам, — и мы это проглядели. Так что и среди авторов, которых мы привлекали, которые к нам проникали, мы имели двух разоблаченных врагов народа»⁶³.

Вскоре был арестован Лукин, зам. директора ИМЭЛ В. Г. Сорин и другие. Критика Покровского и арестованных историков приняла оголтелые, беспрецедентные масштабы. Она сводилась к нелепым, сумасбродным политическим, а не научным обвинениям. В конце 30-х годов Покровский и его ученики именовались «бандой шпионов и диверсантов, агентов и лазутчиков мирового империализма, заговорщиков и убийц». Таковые эпитеты применялись тогда к Бухарину и его ученикам, погибшим в концлагерях. Подобные «обвинения» стали тогда нормой.

Гибель многих историков — часть общечеловеческой, общенациональной трагедии. О том, как это произошло, известно немного.

Одним из еще малоизвестных источников, раскрывающих методы ликвидации малейшего, а часто просто потенциального инакомыслия, являются следственные и реабилитационные дела, хранящиеся в архиве бывшего КГБ СССР. На их основании прежде всего и написаны очерки об убиенных в середине 30-х годов историках и об их исковерканных судьбах. Эти очерки легли в основу настоящей книги.

Специальная редакция книги осуществлена кандидатом исторических наук Л. М. Овруцким.

* * *

¹ Джимбинов С. Эпитафия спецхрану?..//Новый мир.—1990.—№ 5. С. 244; Тольц М. Репрессированная перепись//Родина.—1989. № 11.—С. 58-60.

² Оруэлл Дж. 1984.//Новый мир.—1989.—№ 2.—С. 145.

³ Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки.—Казань, 1921.—С. 12.

- ⁴ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники.— Париж, 1964. — Вып. I. С. 239.
- ⁵ Готье Ю. В. Мои заметки//Вопросы истории.— 1992. — № 1. — С. 127.
- ⁶ Милоков П. Н. Россия на переломе.— Париж, 1927.— Т. I. — С. 174, 194; Русско-еврейский диалог.— Нью-Йорк, 1971.— С. 131.
- ⁷ Сорокин П. Нравственное и умственное состояние современной России // Воля России.— 1922.— № 5.— С. 26.
- ⁸ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции.— М., 1987.— С. 94.
- ⁹ См.: Правда.—1924.—16 мая.
- ¹⁰ К ней относились и социал-демократическая. Заметим, что марксистская историография, родившаяся еще в дореволюционной России, никогда не была единой. В ней явственно выделились со времени создания «партии нового типа», по крайней мере, два направления: большевистское и социал-демократическое. Первое было представлено работами В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, к ним примыкали исследования профессиональных историков Н. М. Лукина, М. Н. Покровского и других. К этому направлению, с небольшой корректировкой, следует отнести произведения Л. Д. Троцкого, к его разновидности,— набирающую с 20-х годов силу,— сталинскую историографию. Социал-демократическое направление, представленное трудами Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова, Ф. И. Дана, работами историков Н. А. Рожкова, Д. Б. Рязанова и других, после революции не получило развития в стране, а ее издания переместились за рубеж.
- ¹¹ Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.).—М., 1968.—С. 181.
- ¹² Вестник Социалистической академии.—1922.— № 1.— С. 41.
- ¹³ Авторханов А. Г. Технология власти//Вопросы истории.—1992.— № 1.—С. 74.
- ¹⁴ См.: Организация советской науки в 1926-1932 гг.//Сб. док.—Л., 1974.— С. 233.
- ¹⁵ Покровский М. Н. Десятилетие Института красной профессуры //Правда.—1931.—11 февраля.
- ¹⁶ Фокеев В. А. Из истории изучения и распространения произведений В. И. Ленина в первые годы Советской власти (1917-1923)//Книговедение.—1970.—№ 2.—С. 7.
- ¹⁷ Издание сочинений Ленина в 20 томах (26 книг) — 1920-1926 гг., 2-е и 3-е издания в 30-ти томах—1925-1932 гг.; 4-е — в 45 томах 1941-1957 гг.; 5-е издание — в 55 томах — 1958-1965 гг.
- ¹⁸ 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917-1967.—М., 1971.—С. 83, 94, 102. Центр изучения и хранения документов новейшей истории (далее—РЦХИДНИ), ранее ЦПА ИМЛ.—Ф. 71.—Оп. 3.—Д. 9.—Л. 13, 15, 24; Ф. 147.—Оп. 1.—Д. 33.—Л. 27; Историк-марксист.—1929.—Т. 14.—С. 6.
- ¹⁹ О том, как прошлые ошибки политических вождей (реальные или мнимые) использовались Сталиным при сведении счетов со своими противниками, написано столько работ, что нам нет необходимости останавливаться на этом сколько-нибудь подробно.
- ²⁰ См.: Вопросы истории КПСС.—1990.— № 5.— С. 53.
- ²¹ Каганович Л. М. За большевистское изучение истории партии.— М., 1932.—С. 24; Борьба классов.—1932.—№ 2-3.—С. 5.
- ²² РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 1.—Д. 73.—Л. 7.
- ²³ Дунаевский В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей//История и сталинизм.— М., 1991; и др. Пока еще нет ответа на вопросы: сам ли Сталин писал это «Письмо»? почему основным объектом его критики стали статьи Слуцкого и Волосевича? В архиве Сталина есть правленная им машинопись «Письма» (не рукопись)

- В ней его рукой вписано усиление формулировок. Так, фраза звучала: «Обратимся к некоторым фактам из истории». Рукою Сталина исправлено: «Обратимся к наиболее известным фактам из истории» и т. д. // РЦХИДНИ.—Ф. 558.—Оп. 1.—Д. 2983.—Л. 5.
- ²⁴ Вестник Коммунистической академии.—1932.—№ 1-2; Архив АН России.—Ф. 377.—Оп. 1.—Д. 262.
- ²⁵ Режим личной власти Сталина. К истории формирования.—М., 1989.—С. 71-72.
- ²⁶ Крыленко Н. Выводы и уроки из процесса «Промпартии».—М.—Л., 1931.—С. 42.
- ²⁷ ЦГАОР—Ф. 5143.—Оп. 1.—Д. 613.—Л. 1-7, 27-43. Шестакова поддержали М. В. Нечкина и особенно член партбюро института Пуговкин, заявивший, что все осужденные «выполняли определенный заказ фашизма — вредить в нашей исторической науке». Единственным, кто сумел в выступлении ограничиться собственным покаянием и никак не упомянул имен своих коллег, был Б. Д. Греков.
- ²⁸ Возможно, в понижении «нравственной планки» исторической науки сыграли свою роль и обстоятельства естественного характера. К середине 30-х годов ушли из жизни наиболее видные ученики В. О. Ключевского. М. К. Любавский скончался в 1936 г., Н. А. Рожков — в 1927-м, М. М. Богословский — в 1929-м, А. А. Кизеветтер — в 1933-м. Оставались, правда, вернувшиеся из ссылки Ю. В. Готье, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, но это были уже сломленные люди. Из историков старой, дореволюционной школы еще работали С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, Б. Д. Греков и некоторые другие. Одни были напуганы репрессиями больше, другие — меньше, но страх ощущался всеми.
- ²⁹ См.: История СССР.—1991.—№ 1.—С. 106.
- ³⁰ Милуков П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер) //Современные записки. — Париж, 1933.— № 51.—С. 312; Брачев В. С. Опасная профессия — историк. Страницы жизни академика С. Ф. Платонова//Вестник АН СССР.—1991.—№ 9.—С. 65, 71
- ³¹ Enteen G. The soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians.—L., 1978; История СССР.—1988.—№ 4.—С. 210.
- ³² Письма опубликованы не полностью.—Вестник Российской Академии наук.—1992.—№ 6.—С. 104-112. Так, из письма Пичеты Покровскому выпала концовка: «Михаил Николаевич! Вы меня мало знаете и никогда к себе близко не подпускали, но я знаю Вас. Разберитесь в моей судьбе и спасите меня от гибели. Дайте любую работу под Вашим контролем и я ее выполню. Я могу просить только Вас, больше мне не к кому обращаться за помощью и за правдой» // РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 2.—Д. 11.—Л. 16. В деле есть еще одно письмо Пичеты из одиночной камеры № 73 дома предварительного заключения от 22 октября 1930 г., в котором он сообщал, что он окончил Московский университет в 1901 г., работал учителем и в архивах, был экспертом советской делегации на Рижской конференции в 1920 г., в 1921 — 1929 гг.— ректором Белорусского университета. Учителем Пичеты был Любавский, показательно, что именно своего учителя Любавского Пичета винил во всех своих бедах. (С. 17-25).
- ³³ РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 2.—Д. 11.—Л. 5. Е. В. Тарле был арестован в конце января 1931 г. и был одной из главных фигур в «академическом деле». Следственное воображение тогда состряпало «дело», будто историки готовили в стране реставрацию монархии, создание Временного правительства во главе с Платоновым и министром иностранных дел Тарле. В этом же качестве Тарле фигурировал на процессе «Промпартии» (ноябрь-декабрь 1930 года). Об этом см.: Процесс

- «Промпартии». Стенограмма.— М., 1931.— С. 13; Федоров Л. Как придумали партию// Родина.— 1990.— № 5.
- ³⁴ РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 2.—Д. 11.—Л. 1.
- ³⁵ Там же.— Д. 46.— Л. 5.
- ³⁶ Там же.— Д. 35.— Л. 40.
- ³⁷ Покровский М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов.— М., 1931; Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте.— М.— Л., 1931; и др.
- ³⁸ РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 1.—Д. 42.—Л. 5-13.
- ³⁹ Там же.— Д. 33.— Л. 42-46.
- ⁴⁰ Справедливость требует заметить, что и его оппонент Е. М. Ярославский мало чем отличался в этом плане от Покровского. Под статью Покровскому были и многие из его учеников, позже сами ставшие жертвами репрессий. П. О. Горин был одним из них. 21 апреля 1931 г. он писал в секретариат ЦК, копия Покровскому: «Последние два года характеризуются упорной борьбой на участке исторических наук. Это, конечно, неслучайно, так как усиление борьбы среди историков-марксистов находится в тесной связи с обострением классовой борьбы в нашей стране. В области исторических наук... мы также наблюдаем яркие случаи идеологического вредительства (Яворский) и открытой контрреволюции (Тарле, Платонов и другие), учащаются попытки ревизии ленинской схемы исторического развития России (Теодорович, Дубровский и др.), стремление использовать историческую науку для обоснования современных различных реакционных взглядов (Троцкий, Суханов и др.)». И вслед за доносительской информацией он заверял, что «общество историков-марксистов, возглавляемое М. Н. Покровским, свою работу подчиняло задачам партии и, работая под непосредственным руководством культпропа ЦК ВКП(б), вело активную борьбу с врагами и ревизионистами ленинизма» (РЦХИДНИ.— Ф. 147.— Оп. 1.— Д. 30.— Л. 10). Учитывая эти и другие подобные документы, трудно согласиться с утверждением, что репрессии против историков начались одновременно с критикой Покровского.— Артизов А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР.—1991.— № 1.— С. 107. Репрессии против историков начались задолго до этого и не без помощи самого Покровского.
- ⁴¹ В 1934 г. все уцелевшие ссыльные историки были возвращены к научной работе. В ссылке умерли москвичи Любавский и Егоров, ленинградцы Платонов и Рождественский.
- ⁴² Историк-марксист.— 1936.—Кн. 1.—С. 22.
- ⁴³ Ярославский Ем. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Исторический журнал.— 1939.— № 2.— С. 54.
- ⁴⁴ Известия ЦК КПСС.—1989.—№ 8.—С. 100.
- ⁴⁵ См.: Репрессированная наука.— Л., 1991; Перченков Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах.— М., 1991.—Вып. 1.—С. 163-235; Занкевич Е. Х. К истории советизации Российской Академии наук.— Мюнхен, 1957; Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1927-1932.— Princeton, 1967; и др.
- ⁴⁶ См.: Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории.—1989.— № 5; Горяинов А. Н. Еще раз об «академической истории»//Вопросы истории.—1990.— № 1; Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле.— М., 1977; Он же. Страницы биографии академика Е. В. Тарле//Новая и новейшая история.—1990.— № 4; Анциферов Н. П. Из воспоминаний//Звезда.—1989.— № 4; Пшеничный А. П. Репрессии архивистов в 1930-х годах//Советские архивы.—1988.— № 6; Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л. «Мы учим советских

людей, а не древних греков» (из истории вузовской исторической науки конца 30-40-х гг.) // История СССР.—1989.—№ 6; Историческая наука в 20-30-е годы // История и историки.— М., 1990.— С. 83.

⁴⁷ Fitzpatrick Sh. The «Soft» Line on culture and its Enemy: Soviet Cultural Policy 1922-1927//Slavic Review — 1974.— № 2.— P. 267-287.

⁴⁸ Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза.— Edizioni Auroga, 1975.— С. 656-657. Подобный взгляд выражал и старый большевик А. С. Снегов: «Если бы Сталину не удалось обуздать, искоренить историко-партийную науку, он не мог бы предстать сегодня в такой пошлой формулировке—«Сталин — Ленин сегодня!»//Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18-21 декабря 1962 года.— М., 1964.— С. 266.

⁴⁹ Авторханов А. Ленин в судьбах России//Новый мир.—1991.— № 1.— С. 179; а также см.: Шубкин В. Грустная правда//Новый мир.— 1991.—№6.— С. 187; Понятия «тоталитарное государство» и «тоталитарный режим» достаточно полно исследованы англо-американскими политологами. Ф. Хайек подчеркивал генетическую связь тоталитаризма с социалистическими учениями (Путь к рабству//Новый мир.—1991.— № 7, 8), Ханна Арендт отмечала две аутентичные формы тоталитарного правления: диктатуру национал-социализма после 1938 г. и диктатуру большевизма после 1930 г. и дала их структурный анализ (The origins of Totalitarianism.—N. Y., 1973.—P. 149 etc). Об иных взглядах см.: Игрицкий Ю. И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе//История СССР.—1990.— № 6). Советские философы по итогам дискуссий выпустили сборник статей «Тоталитаризм как исторический феномен» (М., 1989), в котором определили черты этого режима: абсолютная власть государства над обществом и человеком; господство единой идеологии; аморальность и полное презрение к человеку (С. 10). А. Н. Сахаров назвал особенность режима в стране «революционным тоталитаризмом», главное в котором — уравнительное отношение к собственности (Коммунист.—1991.— № 5.— С. 71).

⁵⁰ Но и это был не последний пересмотр. Он шел до 1938 г., до появления краткого курса истории партии, в 1956 г. начался новый пересмотр и так по сей день... Воистину, у страны непредсказуемое прошлое!

⁵¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти.—Лондон, 1982.— Т. 1.— С. 283, 309, 313.

⁵² Волкогонов Д. Сталинизм, сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории.—1990.— № 3.— С. 12; Рейман М. Перестройка и изучение советской истории//Там же.—1989.—№ 12.—С. 146.

⁵³ См.: Соловей В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917—середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии//История СССР.—1988.— № 4.—С. 200-215; она же: Историческая наука и политика в СССР. 20-30-е годы // Историческое значение нэпа.— М., 1990.—С. 149-168.

⁵⁴ Shtepa K. Russian Historians and the Soviet State.— New Brunswick, 1962.—P. 380; Heer N. Politics and history in the Soviet Union.— Cambridge, 1971. Об этом же пишут: Daniels R. Soviet Thought in the Nineteen — Thirties. An Interpretive Sketch//Indiana Slavic Studies.— 1956.— Vol. 1.— P. 100, 107; Алексеева Г. Д. Партийное руководство исторической наукой в переходный период. 1917-1936 гг. (Организация и планирование научных исследований). Дисс. ... доктора исторических наук.— М., 1984. Любопытно, что даже «ненавистный царизм» поощрял создание исторических учреждений в том случае, если они устранялись от общественно-политических вопросов (См.: Чесноков В. И.

Правительственная политика и историческая наука России 60-70-х годов XIX века. Исследовательские очерки.— Воронеж, 1989.— С. 184).

⁵⁵ Ссылки, высылки и аресты историков практиковал и Ленин. Известна его переписка с историком Н. А. Рожковым. Рожков стал большевиком в 1905 году, во время похорон Николая Баумана в Москве нес красный флаг, в 1906 г. жил с Лениным в Финляндии, на V съезде РСДРП стал членом ЦК. Позже их пути разошлись. В январе 1919 г. Рожков писал Ленину об экономической катастрофе в стране и ратовал за свободную торговлю. Он предлагал ему установить единоличную диктатуру, учитывая сложность ситуации. Ленин возражал, полагая, что в условиях гигантского чиновничьего аппарата «единоличная диктатура» немыслима. В марте 1921 г. Рожков был арестован в качестве заложника в связи с выступлением матросов в Kronstadt. Затем было освобождение, решение о высылке за границу замененное ссылкой в Псков.—РЦХИДНИ.—Ф. 2.—Оп. 1.—Д 8492.—Л. 1-2; Новиков В. И. «Я должен был договорить до конца...» (из переписки Н. А. Рожкова с В. И. Лениным) // Советские архивы.— 1990.— № 5; Волобуев О., Симонов Н. Станьте диктатором, Владимир Ильич! // Родина.— 1991.— № 11-12.

⁵⁶ По фальсифицированным «обоснованиям» особых отделов в конце 1930 года были осуждены более 3-х тысяч военных. — Сувениров О. Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории.— 1991.— № 6.— С. 26. Следственное дело № 1657, хранящееся в архиве бывшего КГБ СССР, свидетельствует, что бывший генерал-майор генштаба царской армии, начдив Красной Армии профессор Александр Андреевич Свечин арестовывался дважды. Во время ареста в марте 1931 г. Свечин говорил следователю, что надеялся на смягчение классовой борьбы в стране. «Советскую власть я встретил враждебно и никогда полностью ее не воспринимал. Мы, бывшие офицеры старого Генерального штаба, терявшие те привилегии, то положение и те перспективы, которые сулило нам прошлое, очутившись в условиях Советской власти, в течение всего периода ее существования переплетали свое враждебное отношение к ней с надеждой на перерождение Советской власти в демократическую республику, которая открыла бы для нас большой простор и большую свободу». В деле — характеристика Свечина, данная 22 мая 1924 г., в которой подчеркивалась его плодотворная работа во главе кафедры истории военного искусства. И далее о нем: «Всесторонне образованный военный специалист. Имеет огромный опыт двух войн (японской и империалистической), на самых различных должностях (от работы в Ставке до командира полка). Весьма талантливый человек, остроумный, Свечин является ценнейшим профессором в Военной академии». Свечина обвинили в участии в монархическом заговоре и, несмотря на его непризнание вины, 18 июля 1931 г. присудили к 5-летнему пребыванию в концлагерях. 7 февраля 1932 г. он был освобожден. 26 декабря 1937 г. Свечин был вновь арестован и на основании фальсифицированных оговоров 29 июля 1938 г. расстрелян. На следствии и суде А. А. Свечин вел себя мужественно, обвинения отрицал; реабилитирован 8 сентября 1956 г. Во время ареста у него было отобрано 1780 книг. И. В. Свечиной, его жене, выплатили компенсацию из расчета: за книгу в жестком переплете — 3 р., в мягком — 2 рубля.

⁵⁷ Из 58 томов следственных дел о «Союзном бюро ЦК РСДРП» Николаю Николаевичу Суханову (1882—1940) посвящен 9-й (Архив бывшего КГБ СССР). Его арестовали 20 июля 1930 г. по обвинению в том, что он «входил в к/р меньшевистскую партию, поставившую целью, совместно с другими к/р организациями (ТКП и Промпартия) с помощью и под руководством заграничного ЦК меньшевистской партии,

свержение советской власти путем организации вредительской деятельности, направленной к подготовке интервенции». Ордер на обыск подписал Г. Ягода. Допрашивали Суханова Я. Агранов, Черток и Дмитриев. Это были ведущие следователи управления, известные своей склонностью к фальсификациям и выбиваниям показаний. Суханов давал им письменные ответы на поставленные вопросы, — потому многие протоколы написаны чернилами, его рукой.

По делу о «Союзном бюро» было арестовано 14 человек, — все бывшие меньшевики, а ко времени ареста — дояльные работники Госплана, Госбанка, Наркомюста. Им инкриминировалась попытка подготовки интервенции с целью восстановления в стране капитализма. Следователи хотели показать, что вся «контра» действовала сообща, и потому добивались утвердительных ответов на связи «меньшевиков» с «промпартией», «крестьянско-трудовой партией» и др.

Суханов был участником революционного движения в России с 1904 года. Побывал в тюрьмах, ссылках и эмиграции, пережил период увлечения программами эсеров и социал-демократов, был знаком со всеми дореволюционными руководителями этих течений. После Февраля 1917 г. Суханов — член президиума Петроградского Совета. Именно об этом периоде своей жизни он оставил наиболее интересную из своих работ — «Записки о революции» (Пб., 1922-1923. — Кн. 1-7). Есть разные версии причин ареста Суханова в 1930 г., в том числе и Троцкого: Суханов заявил в «Записках», что Сталин произвел на него впечатление «серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно», а потому и полатился жизнью. — Троцкий Л. Д. Сталин. — М., 1990. — Т. 1. — С. 267; а также см.: Корников А. А. Н. Н. Суханов и его «Записки о революции» // Суханов Н. Н. Записки о революции. — М., 1991. — Т. 1. — С. 30.

На августовских допросах 1930 г. Суханов отмечал, что с профессором-экономистом Н. Д. Кондратьевым, осужденным за участие «в работе Трудовой крестьянской партии», знаком; что «к весне 1929 года окончательно изверился в возможности обратного поворота к нэпу силами существующего партийного руководства»; что его «мрачные настроения» о возможности перехода страны к фашизму и бонапартизму достигли апогея к февралю 1930 г.; что курс партийной экономической политики с 1927 г. был неверен. Чертока он убеждал 1 декабря 1930 г., что всегда был против интервенции.

В январе 1931 г. показания Суханова под воздействием пыточных методов изменились, он стал «во всем признаваться», в том числе и довольно искренне в том, что «к началу 1929 г... пришел к выводам, что политика ВКП(б) губительна, и сама диктатура Ком. партии есть величайшее зло с точки зрения интересов страны и мирового социалистического движения... я пришел к убеждению, что замена диктатуры Ком. партии демократическим режимом есть задача, за осуществление которой должно и можно бороться всеми средствами».

В деле Суханова — написанная им автобиография, в которой он подтверждал свое неприятие «якобинской диктатуры большевиков», начиная с политики военного коммунизма. В начале 1920 г. он был вместе с Троцким на Урале и доказывал ему важность немедленной отмены продразверстки. «Троцкий оспаривал мои положения, — писал Суханов, — и резюмировал такого рода беседы в смысле, что своей продовольственной политики партия менять не собирается. Впоследствии оказалось, что именно в это время Троцкий по телеграфу с Урала выступил с проектом введения нэпа, и во время кампании против него, в одном из партийных заседаний, демонстрировал соответствующую телеграфную ленту».

Суханов был осужден, сидел в тюрьме, был в ссылке в Тобольске, затем в Омской тюрьме, там же был и расстрелян. Следственное дело

Суханова за 1930-1931 гг. может быть свидетельством редактирования его показаний, их искажения при публикации стенограммы «Процесса контрреволюционной организации меньшевиков» (М., 1931).

Суханова многие знали. Арест и осуждение его, как и многих других, предупреждали о необходимости подчинения режиму. Иначе... расправа.

⁵⁸ Ярославский писал Сталину 28 октября 1931 г. «Особенно для меня тяжело сознавать, что по недосмотру я опустил в IV томе такую характеристику Ваших взглядов весною 1917 г. по возвращении из ссылки, которая действительно льет воду на мельницу Слуцких и Волоосевичей... Тов. Сталин, укажите мне тот «ряд ошибок принципиального и исторического характера», о которых Вы говорите в конце Вашего письма»//РЦХИДНИ.—Ф 89.—Оп. 1.—Д. 72.—Л. 1-2. На заседании общества историков-марксистов 11 ноября 1931 г. с докладом «Уроки статьи тов. Сталина и задачи на историческом фронте» выступил В. Г. Кнорин. С одной стороны, он отметил, что письмо Сталина не следует рассматривать «как новое в нашей литературе, а как ясное, яркое изложение основных положений ленинизма», с другой — назвал положения письма бесспорными и призвал к критике Слуцкого, Фридлянда и других историков. Обоснование у него было одно: «Мы... против права свободно пропагандировать антимарксистские, антибольшевистские теории, ...должны объявить им самую решительную борьбу». На совещании с резкими осуждениями своих «ошибок» выступили Слуцкий, Кин, Пионтковский, Минц, Ваняг. Против них с обвинениями в «недостаточном» саморазоблачении — Шестаков, Радек, Лурье, Баевский. В результате собрание приняло решение исключить Слуцкого из «рядов общества историков-марксистов». Волоосевич был уволен из числа сотрудников ленинградского отделения Комакадемии.—РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 1.—Д. 30.—Л. 16, 25, 46, 106, 169; Вестник Коммунистической Академии — 1932.—№ 1-2.—С. 40-66.

⁵⁹ Подробнее об этом см.: Артизов А. Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) //История СССР. —1991.—№ 1.—С. 102-120.

⁶⁰ Медведев Р. О Сталине и сталинизме.— М., 1990.— С. 273; Симонов К. Глазами человека моего поколения.— М., 1989.— С. 183-184.

⁶¹ В конце декабря 1934 года были арестованы 19 человек, в том числе Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев. Создано дело так называемого «московского центра». Среди арестованных был и историк А. И. Анишев, Следственное дело № 3257 (архив бывшего КГБ СССР) сообщает о трагической судьбе автора «Очерков истории гражданской войны. 1917-1920 гг.» (Л., 1925). Анатолия Исаевича Анишева (наст. фамилия — Шапиро) тогда осудили на 6 лет тюрьмы, обвинив его, как и многих других, в подготовке убийства Кирова. Было ему тогда 35 лет. За его плечами было участие в гражданской войне, подпольная работа в тылу колчаковских войск, перед арестом он работал заместителем директора физико-агрономического института в Ленинграде и был членом ВКП(б) с 1919 г. В сентябре 1936 г. из Верхнеудинска его привезли в Москву, вновь обвинили в участии в покушении на Кирова. Следователь Михаил Яхонтов изощрялся в пытках и унижениях Анишева, но никаких признаний не добился. Анишев всякую свою вину отрицал. Суд под председательством Ульриха приговорил его 3 октября 1936 г. к расстрелу. 4 октября приговор был приведен в исполнение. Яхонтов пережил свою жертву,— его расстреляли 22 февраля 1939 г. за нарушение во время следствия «социалистической законности». Но так как Анишев обвинялся в связях с Зиновьевым,

Каменевым и другими политиками, то и был реабилитирован вместе с ними только 13 июня 1988 года.

- ⁶² А. Авторханов, выпускник Московского института красной профессуры, ошибся в воспоминаниях, указав, что Ванаг и Фридланд были арестованы в новогоднюю ночь 1937 года (Авторханов А. Мемуары // Октябрь.—1992.— № 8 —С. 143). Они были арестованы в 1936 г., расстреляны оба 8 марта 1937 г. До расстрела прошли испытание пытками. А. Орлов, офицер НКВД, сбежавший из страны, позже вспоминал следующее. Один из сотрудников услышал крики из кабинета следователя Кедрова. «Он зашел и увидел: Кедров был вне себя. Разъяренный, он обвинял заключенного — это был Фридланд, профессор, ... — в попытке проглотить чернильницу, стоящую у него на столе. «Я остолбенел,— рассказывал сотрудник,— увидев эту чернильницу — массивную, из граненого стекла, размером в два мужских кулака». — «Что вы такое говорите»,— бормотал Фридланд, явно запуганный следователем. Тут мне пришло в голову,— продолжал сотрудник,— что Кедров помешался»//Орлов А. Тайная история сталинских преступлений.— М., 1991.— С. 91.
- ⁶³ Отечественная история.—1992.—№ 2.—С. 135.

ДВА ЛИЦА ВЛАДИМИРА АДОРАТСКОГО

Жизни и деятельности большевика с 1904 года, академика Адоратского (1878—1945) посвящена значительная литература: опубликованы документы, отрывки из дневника, воспоминания о нем, биографические очерки, статьи о философском наследии и вкладе в организацию архивного дела в стране, изучены отдельные периоды его революционной работы¹. Он не был репрессирован, и его жизнь как бы иллюстрирует судьбу той части российской интеллигенции, которая мужественно выступала против самодержавия, но пала ниц перед сталинским режимом.

Ленин наделял Адоратского лестными характеристиками: «лично известен», «заслуживает полного доверия», «знающий марксист» и т. п.² Адоратского можно назвать представителем ленинской гвардии, о роли которой в истории страны существуют полярные мнения³. Адоратский, будучи ученым, организатором науки, системы архивов, не занимал ключевых государственных и партийных постов. Есть ли его вина в происшедшем? Если есть, то в чем она состоит? Огульное обвинение всех и вся отрицала еще группа М. Н. Рютина, когда отмечала в «Платформе «Союза марксистов-ленинцев» (1932 г.), что «основная когорта соратников Ленина с руководящих постов снята, и одна часть ее сидит по тюрьмам и ссылкам, другая, капитулировавшая, деморализованная и оплеванная,— влачит жалкое существование в рядах партии, третьи, окончательно разложившиеся,— превратились в верных слуг «вождя-диктатора»⁴. Может показаться, что по внешним признакам Адоратский относился к «третьей» группе. Так ли это?

Адоратский родился в Казани, здесь закончил гимназию, юридический факультет университета (1903 г.), здесь он начал изучать теорию и историю марксизма. В автобиографии (1921 г.) он писал: «Вопросами теории научного социализма я начал интересоваться давно. В 1900 г. мне попался в руки французский перевод «Манифеста». «Манифест» меня окончательно увлек — я бесповоротно стал сторонником и учеником Маркса. Образованности и знаний у меня было мало. Не было привычки к систематическому

научному труду и совершенно не было руководителя. Приходилось до всего доходить самостоятельно. Весной 1903 г. я окончил курс юридического факультета, а зимой того же года впервые выехал за границу. В Берлине я набросился на социал-демократическую литературу. Потом переехал в Женеву, постарался перечитать как можно больше русской нелегальной...»⁵. В других текстах автобиографий (1922/1923 гг.) Адоратский сообщал, что в 1900 г. он стал членом Казанской социал-демократической организации, в 1901 г. подвергнулся обыску, а в декабре 1903 г. выехал за границу, снабженный письмами и явками. В Женеве познакомился с материалами II съезда РСДРП и твердо определился как большевик⁶. Возвратившись, Адоратский стал членом Казанского комитета РСДРП.

Первая встреча Адоратского с Лениным произошла в Женеве весной 1905 г. Выяснив, что они учились на одном факультете, Ленин стал расспрашивать Адоратского о профессорах университета, вспомнив и свой разговор с арестовавшим его приставом во время студенческих волнений 1887 г. «Ну что вы бунтуете, молодой человек,—ведь стена!» — сказал пристав. Ленин ответил: «Стена, да гнилая,—ткни и развалится!»⁷. С легкой руки Адоратского этот эпизод впоследствии стал хрестоматийным.

В ночь на 12 декабря 1905 г. Адоратский и другие члены Казанского комитета РСДРП были арестованы. В марте 1906 г. Адоратский был выслан по этапу в Астраханскую губернию, однако летом ссылка была заменена выездом за границу, без права въезда в Россию в течение двух лет. Прибыв в Черный Яр, место поселения, Адоратский, осмысливая происшедшее с ним, писал жене: «В конце концов, очевидно, мне дороже всего мой ум, его развитие, рост и изощрение. Мне важно познание, временами я чувствую, как эта страсть развить, сделать самостоятельным и ценным для человечества мой ум, заслоняет во мне все, я готов быть жестоким, приносить какие угодно жертвы, лишь бы этим путем стать полезным и необходимым людям. Мне не надо для этого славы, потому что если бы я стал знаменитым в силу случайности и сам сознавал бы, что слава моя не по заслугам, то я был бы несчастен. И, наоборот — я был бы счастлив, если бы остался совсем неизвестным никому, а только сам бы знал, что сделал дело, которое нужно и важно для человечества»⁸. Это сочетание научного честолюбия с жестокостью и одновременно жертвенностью революционера было весьма характерным, отражая во многом дух эпохи.

Мать, дочь богатого казанского купца, не стесняла

сына в средствах. В сентябре 1906 г. Адоратский с семьей уехал в Швейцарию. Жил в Женеве и Цюрихе, несколько раз встречался с Лениным, много читал, занимался самообразованием. В свою последнюю встречу в Женеве (1908 г.) они говорили о будущей революции в России, которая, как они были уверены, «неизбежно даст власть в руки нашей партии». Встал вопрос, как быть со слугами старого режима. Иными словами, «каков будет Владимир Ильич в роли Робеспьера». Владимир Ильич наметил такой план действий: «Будем спрашивать: Ты за кого? За революцию или против? Если против — к стенке, если за — иди к нам и работай». Адоратский вспоминал, что присутствующая при разговоре Крупская усомнилась в правильности такого подхода. Сам же Адоратский подержал Ленина⁹.

Осенью 1908 года Адоратские вернулись в Казань. По данным Казанского губернского жандармского управления, за ним сразу же был установлен гласный надзор полиции¹⁰, однако какого-либо активного участия Адоратского в революционном движении обнаружить не удалось. По-видимому, он погрузился в творческую работу: написал книгу «Государство с материалистической точки зрения», переписывался с социал-демократами, проживающими за границей: Крупской, М. М. Литвиновым. Рукопись книги и рецензию на работу философа П. И. Новгородцева «Кризис современного правосознания» (М., 1909) Адоратский показывал Ленину во время очередной встречи с ним в Париже в апреле 1911 г.¹¹. Статьи, тогда же Ленин просил его информировать К. Каутского (в Берлине) о том, что большевики имели право претендовать на деньги, завещанные российским социал-демократам Н. П. Шмитом, владельцем мебельной фабрики, погибшим в царской тюрьме¹². Адоратский благоразумно уклонился от поручения, сославшись на плохое знание немецкого, хотя адрес штутгартского адвоката, готового участвовать в этом деле, Ленину выслал. Другое поручение Ленина — провести от Казанской губернии рабочего на выборах в IV Государственную думу — тоже осталось невыполненным.

Война застала Адоратского в Германии, где он вместе с семьей был интернирован. В августе 1918 г. Адоратский уже в Москве и сразу начинает работать в Наркомпросе и одновременно — заведующим так называемого Новоромановского архива, где он разбирал бумаги династического архива Романовых и бывшего Министерства иностранных дел. В ноябре 1918 г., он был избран «членом-соревнователем» Социалистической Академии обществен-

ных наук, а с весны 1919 г. приступает к чтению лекций «по истории научного мировоззрения» в Московском университете и педагогической Академии.

В начале июля 1919 г. Адоратский с семьей переезжает в Казань. Перед отъездом, 27 июня, он беседовал с Лениным, который рекомендовал ему собирать материалы и готовить очерк по истории Октябрьской революции. Ленин полагал написание такого очерка делом важным и необходимым, Адоратский получает мандат за его подписью: «Податель сего, тов. Адоратский, лично мне известен как ученый и литератор. Прошу оказывать ему всякое содействие по выдаче книг из всяких библиотек, в том числе и на дом под мою личную гарантию»¹³. Это не было простой любезностью. Впереди поезда, увозившего Адоратского в Казань, полетела ленинская телеграмма в казанские городскую и университетскую библиотеки: «Телеграфируйте, имеете ли комплекты «Известий» и «Правды» с октября 1917 года. Если нет у вас, нет ли в другой казанской библиотеке. Мне нужны для спешной работы, поручаемой мною казанцу»¹⁴. В течение 1919—начала 1920 гг. Ленин неоднократно запрашивал Адоратского о ходе работы, но тот ничем не мог порадовать своего могущественного корреспондента и в письме от 6 января 1920 г. должен был объясниться. «Дорогой Владимир Ильич! Очень уж много приходится преодолевать всякой дряни. Оттого, как это ни неприятно, приходится не исполнять обещанное. В Казани мне пришлось долго блуждать, прежде чем удалось занять платное место, необходимое для пропитания. Командировки мне не дали, выпрашивать я не умею. Уехал из Москвы «так». В Казани мне пришлось читать лекции, я давно не выступал и надо было усиленно готовиться. Так, в разных делах прошло время до ноября. А тут захворал... С обещанной работой дела обстоят так: я просмотрел газеты с апреля до 11 августа 1918 г. и с октября до конца 1918 г. Это все, что здесь имеется за 1918 г. Материал, имеющийся в просмотренных мной газетах, я извлек и он у меня под рукой. Когда будет немного посветлее и потеплее, я приведу в порядок и пришлю... Казань — скверная дыра, а в Москве невозможно жить — никаких сил не хватит выработать на содержание семьи. Здесь же все дешевле и есть кой-какой хлам, который распродается. Я устал и ослаб здоровьем. Такова жизнь». В ответ на это письмо Предсовнаркома просил казанские власти помочь семье Адоратского пайком, дровами и прочим¹⁵.

В Казани Адоратский читал лекции по историческому материализму слушателям губернской партийной школы, слушателям рабочего факультета университета — по истории социалистических учений и всеобщей истории; студентам высшего института народного образования давал обзоры литературы по социально-политическим наукам. Курс «Научный коммунизм Карла Маркса» предлагался студентам всех учебных заведений города, где тогда преподавал Адоратский. В автобиографии, написанной в октябре 1919 г. при поступлении преподавателем на рабфак университета, Адоратский так обосновывал свое право читать лекции и вести занятия со студентами: «Теорию и историю социализма я изучал в течение более 15 лет как теоретически, так и практически. Знаком с историей России и Запада. Владею языками немецким, английским и читаю на французском, итальянском, испанском... Справки обо мне могут дать знающие меня и мою деятельность В. И. Ульянов (Ленин) и М. Н. Покровский»¹⁶.

Сохранились программы лекций по истории социализма, читанных Адоратским. 18 тем: три посвящены французским социалистам-утопистам, одна — немецкой классической философии, пять — марксизму, остальные — русской революционной демократии, социал-демократам, истории трех Интернационалов.

22 апреля 1920 г. Адоратский выступил в актовом зале университета с речью «В. И. Ульянов (Ленин). Деятельность и личность». В ней давалась периодизация истории партии, неразделимая, по мысли Адоратского, с деятельностью Ленина: 1. 1895-1903. Борьба с «легальным марксизмом» и «экономизмом»; 2. 1903-1908. Борьба с меньшевизмом; 3. 1908-1914. Борьба с ликвидаторством; 4. Мировая война и борьба с предателями социализма — социал-патриотами. 1914-1917; 5. Борьба за диктатуру пролетариата. Март-октябрь 1917; 6. Диктатура пролетариата. 8—9-й съезды партии¹⁷. Лекции и доклады Адоратского, прочитанные им в различных учебных заведениях Казани, легли в основу ряда его научных работ¹⁸.

В период становления марксизма как государственной идеологии Адоратский выступал его апологетом, полагая, что объяснить происходящее можно только с материалистической точки зрения. Историк-материалисту необходимо знать, писал он, «откуда произошло такое сознание, почему некоторые деятели рекомендуют кооперативы и дешевый кредит в то самое время, когда другие зовут к забастовке или даже к вооруженному выступлению, почему одним мила «учредилка», а другие стоят за «власть Советов»

и т. д. Но, интересуясь происхождением идей, историк-материалист не останавливается на этом. Он старается понять весь общественный процесс в целом и ответить на вопрос, как та или иная идея, выражающая интерес того или иного класса, осуществляется в жизни, или, другими словами, как и почему в классовой борьбе побеждает тот или иной класс и каким образом его «идея», его интерес получают свое воплощение в жизни. Материалист рассматривает общество людей прежде всего как явление объективной действительности, существующее независимо от субъективного сознания»¹⁹.

Пропагандируя классовый подход в оценке исторических событий, Адоратский выступал против идеологии как таковой, усматривая в ней нечто идеалистическое. «Идеологию можно определить, — писал он, — как оторвавшееся от действительности сознание, потерявшее сознательную связь с этой действительностью и отражающее последнюю неправильно, в перевернутом виде. Марксизм — враг идеологии»²⁰. Адоратский при этом опирался на высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса об иллюзорном характере идеологии, превратности изображения в ней реальности, о том, что материалистическое мировоззрение представляет собой конец всякой идеологии²¹.

В августе 1920 года Адоратский переехал в Москву по приглашению М. Н. Покровского. Биохроника Ленина фиксирует встречу давних знакомых. На этот раз Ленин поручает подготовить к изданию на русском языке письма Маркса и Энгельса²².

В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило состав комиссии Истпарта, куда Адоратский вошел секретарем. Вместе с Покровским он руководил созданием первых хроник Октябрьской революции²³.

В 20-е годы Адоратский выделялся среди многих партийцев с дореволюционным стажем, занимавшихся подобной работой, большим профессионализмом, образованностью и предельно осторожным и точным выполнением директивных предписаний.

Наряду со многими другими обществоведами он принимал участие в осуждении внутрипартийной оппозиции; его экскурсии в историю большевистской партии подтверждали правильность политической линии Сталина²⁴. Наиболее крупной из этой серии конъюнктурных работ стало исследование по истории большевизма в годы реакции²⁵. По мнению Адоратского, именно тогда, т. е. еще до начала первой мировой войны (в большевист-

ской партии раньше, нежели во всех других партиях II Интернационала), произошло «очищение... от оппортунистических элементов и она подготовилась, таким образом, к выполнению своей роли вождя и организатора пролетарской диктатуры и приближавшейся революции»²⁶. Вывод напрашивался сам собой: без ликвидации любого оппортунизма (читай: инакомыслия в партии) невозможно выполнять роль руководителя строительства социализма в одной, отдельно взятой, стране.

В начале 20-х для Адоратского, его работы в Истпарте и Главархиве, где он был заместителем Покровского, определяющими были встречи с Лениным. Материалы биографии Ленина, воспоминания Адоратского «За 18 лет» говорят об этом достаточно подробно. Ленин способствовал изданию его книги «К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Теория и политика в переписке Маркса и Энгельса» (М., 1922), где Адоратский выступал в роли составителя и комментатора «Программы по основным вопросам марксизма», в которой Адоратский, не выходя за пределы официальной доктрины, основывал деление на исторические эпохи на таком критерии, как уровень развития производительных сил. В апреле-мае 1922 г. Адоратский по поручению Ленина подготовил благожелательную рецензию на готовящуюся к изданию книгу Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма», где заметил, что в ней правильного больше, чем спорного, и предлагал в учебнике больше места уделить сути марксовской диалектики, а также разъяснить так, «чтобы никаких сомнений не оставалось, что одно дело материальная действительность, другое дело идеи, представления о ней»²⁷.

После смерти Ленина лениниана стала одной из главных тем научной деятельности Адоратского. Он писал воспоминания, был одним из редакторов третьего издания сочинений Ленина, его избранных произведений в одном, трех и шести томах, ленинских сборников. Такая, казалось бы, академическая работа могла притупить «революционную бдительность», однако Адоратский, сделав осторожность своей второй натурой, «подставился» лишь однажды. Так, в рецензии на пятый ленинский сборник, в котором были опубликованы материалы времен первой российской революции, Адоратский между прочим заметил, что «нелепость пытаться мысли Владимира Ильича, высказанные им применительно к обстановке того времени, прилагать к современности»²⁸. Этот методологически важный вывод на фоне внутривнутрипартийной борьбы, которая

часто превращалась в войну цитат, с точки зрения нарочитой ортодоксии звучал по меньшей мере двусмысленно.

Близость к Ленину (хотя и относительная) для многих становилась известным препятствием при переходе в стан апологетов Сталина. Эволюция же Адоратского свершилась незаметно и, по-видимому, безболезненно. Как бы то ни было, в конце 20-х он вписывается в тесные ряды строителей культа Сталина. 21 декабря 1929 г. в день 50-летия «вождя народов» редакционная статья «Правды» назвала его «выдающимся теоретиком ленинизма». Адоратский в «Известиях» (того же дня) вторил: «Роль т. Сталина, как вождя пролетариата, общепризнана даже нашими врагами. Но гораздо менее известно и оценено его значение как теоретика ленинизма». И далее следовал вывод, ставший штампом: «Тов. Сталин — вождь пролетариата и одновременно самый выдающийся теоретик ленинизма». В предисловии к шеститомному собранию сочинений Ленина (1931 г.) Адоратский, редактор издания, советовал ленинские труды изучать вкуче со сталинскими и утверждал, что наиболее концентрированное изложение ленинских идей осуществлено в «Основах ленинизма» Сталина²⁹.

Разумеется, Сталин страстно мечтал стать «выдающимся теоретиком»; новый этап «борьбы за построение социализма в одной, отдельно взятой, стране» давал к тому повод. Прочитанный им курс лекций «Об основах ленинизма», широко опубликованный и разрекламированный, принес Сталину искомое признание³⁰. Последнее следовало закрепить авторитетом ученых, среди которых был и Адоратский. Ему было отдано предпочтение скорее всего потому, что он был известен как публикатор работ Ленина, как историк, имевший опыт канонизации вождя, и человек из окружения Ленина. Его свидетельство: в партии было два лидера — Ленин и Сталин, звучало бы убедительно. Д. А. Волкогонов упоминает о переписке между Сталиным и Адоратским, которая, сколько можно судить, носила достаточно доверительный характер. Так, последний предложил опубликовать выступление Сталина во время празднования 50-летия Ленина, где, помимо прочего, говорилось об ошибках Владимира Ильича, на что Сталин скромно ответил: «Речь записана по существу правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича»³¹. Позже, уже в 30-е годы, Адоратский попросил Сталина написать для готовящейся Комакадемией «Философской энциклопедии» статью о стратегии и тактике ленинизма. Правда, и на этот раз Сталин ответил отказом, сославшись на занятость

практическими делами, и посоветовал обратиться к Молотову³².

Возникшая в ходе борьбы с оппозицией теория двух вождей в партии и революции требовала хотя бы квазинаучного обоснования. Видимо, это обстоятельство явилось одним из оснований разгромной критики четырехтомной истории ВКП(б) под редакцией Ем. Ярославского, увидевшей свет в 1926–1929 гг., где роль Сталина в истории партии и страны, как считали апологеты, была отражена недостаточно. Юбилейные восхваления Сталина в декабре 1929 года выявили тенденцию к установлению культа его личности в общественном сознании, с одной стороны, а судебные процессы над творческой, технической, военной интеллигенцией, религиозными деятелями (конец 20— начало 30-х гг.), массовые репрессии по отношению к значительной части крестьянства и так называемых нэпманов, с другой, свидетельствовали о различных методах достижения одной цели — уничтожения плюрализма мнений, утверждения единомыслия. Этот процесс был сложным и многоплановым, но очевидно, что создание канонической истории страны и ВКП(б) занимало в нем важное место. Печально известное письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция» (1931, № 6) сыграло в превращении историко-партийной науки в апологетику культа личности «вождя всех времен и народов» решающую роль³³.

В конце 20— начале 30-х гг. административная карьера Адоратского развивалась по возрастающей: с мая 1928 г. он — заместитель директора Института Ленина, затем директор института; с марта 1930 г. — директор историко-партийного института красной профессуры³⁴; с ноября 1931 г. — директор Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б)³⁵. В марте 1932 г. общее собрание Академии наук СССР избрало Адоратского действительным членом Академии по специальности «история и теория научного коммунизма». Он выступал с докладами на международной конференции и конгрессе (1928 год, Берлин, Осло), выезжал в Париж для сбора рукописных материалов и личных вещей, хранящихся у родственников Маркса³⁶. Все это свидетельствовало о доверии к нему со стороны Сталина и его сподвижников. Адоратский выдвигался на руководящие посты в общественном сознании в пору погромов инакомыслящих или подозреваемых в инакомыслии. Назначение его директором ИМЭЛ возлагало на него ответственность за пропаганду истин «в последней инстанции». И можно было бы однозначно оценить роль Адоратского во время погромов философов и истори-

ков, закрытия Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК, аресте его директора Д. Б. Рязанова, свертывания историко-партийных исследований ...если бы не одно обстоятельство.

Как известно, сколько-нибудь заметной силы, оказавшей сопротивление сталинизму, в стране не оказалось. В пору насаждения доносительства и угроз реальной физической расправы, провозглашения насилия главным методом достижения поставленной цели трудно было сохранить человеческое достоинство, научную честность. Порядочный человек тогда, по определению одного из персонажей В. Гроссмана, вынужден был совершать подлости, но делал он это с неохотой. Возможно, такого рода «порядочным человеком» был и Адоратский.

На философской дискуссии в Коммунистической академии (конец 1930 г.) проработке подверглась «группа Деборина, Карева, Стэна», т. е. тех, кто не хотел видеть в философии марксизма теоретического оправдания проводимой Сталиным политики³⁷. На фоне ожесточенной полемики и оскорбительной, пестрящей ярлыками проработки выступление Адоратского прозвучало достаточно сдержанно. Более того, он даже попытался взять под защиту Деборина. Поскольку последний обвинялся в недооценке роли Ленина как философа, в преувеличении значения трудов Гегеля и Плеханова, в отрыве теоретических разработок от политической борьбы в стране, Адоратский напомнил об уважительном отношении Ленина к Плеханову и подробно остановился на введении Деборина к IX Ленинскому сборнику. Он отметил что, хотя Институт Ленина редактировал это введение, в нем остались формулировки недостаточно четкие, но «в целом редакция считает, что эта статья принципиально правильна»³⁸. Разумеется, можно предположить, что Адоратский, защищая Деборина, отстаивал и «честь мундира» (ведь возглавляемый им Институт Ленина отвечал за издание Ленинских сборников), можно упрекнуть его в том, что за Деборина он заступился, а за Д. Б. Рязанова нет, но ведь можно и предположить, что Адоратский делал то, что ему казалось возможным.

Тогда же, в 1930-м, состоялась дискуссия о «Народной воле». В ходе ее бурно обсуждался вопрос о преемственности между «якобинцами» 60-х годов XIX в. и большевиками³⁹. Адоратский участия в этой дискуссии не принимал, но в первых номерах журнала «Пролетарская революция» за 1930 год он выступил с обоснованием необходимости создать научную биографию Ленина «строго по фактам»⁴⁰.

Он считал важным выяснить, какое влияние на Ленина оказали народовольцы Казани и Самары. «Та «народовольческая выучка», о которой рассказывает Н. К. Крупская, не могла быть приобретена нигде, как только в Казани и, может быть, позднее в Самаре»⁴¹, — писал он. Официальной историографией эта точка зрения была отвергнута⁴², хотя ей не откажешь в глубине. Адоратскому не удалось написать научной биографии Ленина (ее, собственно, нет и поныне). В середине 30-х биография Ленина могла увидеть свет только при условии, что будет показано сотрудничество Ленина и Сталина. Характерно, что в плане тезисов, разработанных ИМЭЛ к 10-летию со дня смерти Ленина, шестой раздел кратко, но выразительно назывался «Сталин».

Адоратский стал частью сложившейся в 30-е годы административной системы. С 1931 года, возглавив крупнейший научно-исследовательский обществоведческий институт — ИМЭЛ, он должен был постоянно демонстрировать свое одобрение политике Сталина и, более того, способствовать ее реализации.

12 февраля 1932 года на заседании сотрудников ИМЭЛ Адоратский в выступлении подчеркнул важность слияния институтов Маркса, Энгельса и Ленина в единый институт, ибо «изучать Маркса и Энгельса без Ленина сейчас, конечно, совершенно невозможно, и, наоборот, Ленина нельзя изучать без Маркса и Энгельса». Это было прелюдией к грубой критике в адрес репрессированного Рязанова, которого он лично знал много лет⁴³. Адоратский стоял у истоков 4-го Собрания сочинений Ленина, худшего по подбору документов, он входил в редколлегию 4-го и 5-го изданий «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», серии «Парижская Коммуна в документах» и др., он же был среди инициаторов собрания сочинений Сталина. К 1940 г. было в основном завершено начатое в 1928 г. первое издание Сочинений Маркса и Энгельса (два последних тома вышли из-за начавшейся войны в 1946-1947 гг.). Из 28 томов издания — 15 были отредактированы Адоратским. По существовавшему тогда правилу, Сталин решал, что публиковать из Ленина, а что нет. Так, он не дал санкции на выпуск XXXI тома (3-го издания) Сочинений Ленина. В фонде Сталина сохранились письма Адоратского к нему. 27 июля 1931 г. Адоратский сообщал Сталину, что Институт Ленина завершал подготовку к публикации XIX Ленинского сборника. Среди документов есть ленинские высказывания о концессиях. Адоратский испрашивал разрешения на их публикацию. Сталин раз-

решил это сделать, но с соответствующими комментариями. Подобных писем Адоратского несколько, и не на всех стояла сталинская разрешительная резолюция. В них речь шла не только о документах Ленина, но и Маркса, и Энгельса⁴⁴.

После жестокой критики четырехтомника «Истории ВКП(б)» под редакцией Ярославского, в 1932 г. ЦК ВКП(б) создал группу для составления многотомной истории партии в 3—7-ми томах. Членом этой группы стал и Адоратский. 16 января 1932 г. состоялось первое заседание редакционного коллектива, было решено создать «развернутую историю партии, полно охватывавшую все периоды и проблемы и рассчитанную на партийный актив»⁴⁵. К участию в работе поначалу был привлечен и Н. И. Бухарин. В июне 1933 г. он сообщал: «Знаю все периоды от подготовительных шагов за границей до IV Конгресса включительно. Но я боюсь Вам обещать статью, т. к. сроки малы, а дел много, и я не смогу — почти наверняка — исполнить обещание»⁴⁶.

В марте 1935 г. М. Орахелашвили, заместитель Адоратского в ИМЛ и ответственный за издание, информировал членов редакции «Истории ВКП(б)» (Сталина, Кагановича, Молотова, Постышева, Стецкого, Адоратского, Пятницкого) и секретаря ЦК Жданова о том, что разработка проекта плана четырехтомника по истории партии ведется, готовятся статьи — разделы и библиография. Обнаружили себя и специфические проблемы. Так, А. П. Кучкин, один из авторов, отмечал, что ему трудно писать главу о времени до приезда Ленина в Россию в апреле 1917 г., ибо надо показать на примерах (каковых не существовало в природе), что «товарищ Сталин вплотную подвел партию к новой ориентировке» и что «основные положения статей Сталина полностью совпадают с основными положениями первого «Письма из далека» Ленина», в которых отмечалось, что «в некоторых местных организациях беки входили в объединенную организацию с меками» и это «затрудняло воспитание масс и подвод их под большевистское знамя»⁴⁷. Комиссар времени гражданской войны, большевик с 1912 г., Кучкин, наверное, понимал, что правдивое описание позиций Ленина и Сталина по отношению к Временному правительству или перспективам дальнейшего развития революции после февраля 1917 г. невозможно и даже опасно, а потому хотел получить точные инструкции.

В середине 30-х гг. идея многотомного издания была поглощена стремлением создать учебник по истории ВКП(б) — очевидно, за тягой к краткости крылось опасение

сказать лишнее, проговориться. Адоратский получил предложение комиссии ЦК принять участие в написании этого учебника, но счел за лучшее уклониться от этой чести. В письме Сталину (1936 г.) он просил не включать его в число авторов учебника, мотивируя это тем, что очень занят работой по изданию произведений Маркса и Энгельса. Отказ Адоратского был принят⁴⁸, но не был забыт. Учебник же под редакцией лично Сталина вышел в свет во второй половине 1938 г. и получил название «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

Вскоре Адоратский совершенно отошел от занятий историко-партийной тематикой. Ни в дневниковых записях, которые Адоратский в ту пору вел (хотя и нерегулярно), ни в письмах он этих вопросов не касался, так что о мотивах отказа приходится только гадать.

В 1933 году, будучи директором ИМЭЛ, Адоратский должен был одобрить «чистку» среди сотрудников института, изгнание из института Рубина, Николаевского, Тер-Ваганяна и других, публикацию «скрытых» Рязановым документов Маркса и Энгельса, направленных против Каутского⁴⁹. В то же время он высоко и, вероятно, искренне оценил творчество М. Н. Покровского, памяти которого посвятил статью. Более всего в творчестве Покровского импонировало Адоратскому стремление по-марксистски осветить всю историю России, пиетет по отношению к Ленину, желание поставить историческую науку на службу пролетарской революции⁵⁰.

А. М. Ларина в воспоминаниях о Н. И. Бухарине вспоминала о поездке в Париж в конце февраля 1936 года комиссии (В. В. Адоратский, А. Я. Аросев и Н. И. Бухарин) для приобретения архива К. Маркса и Ф. Энгельса. Сталин выразил желание получить не только те документы Маркса и Энгельса, которых в России не было, но и те, которые имелись в копиях, назвав цену, за которую следовало приобрести архив. «Аросев несомненно торговаться может, но в знаниях Адоратского я сомневаюсь, ему могут подсунуть что угодно вместо Маркса. Проверить рукописи сможешь только ты», — сказал Сталин⁵¹.

Адоратский и в 20-е годы выезжал за границу и имел опыт в приобретении рукописей Маркса и Энгельса, он по праву считался одним из лучших знатоков и переводчиков текстов Маркса и Энгельса, он был издателем их первого собрания сочинений в стране, и вдруг такой отзыв. Нужно думать, он имел своей целью скорее польстить Бухарину нежели унизить Адоратского.

В 1938 году между членами дирекции ИМЭЛ обязанности распределялись так: Адоратский — общее руководство институтом; В. Г. Сорин — руководство работой сектора Ленина; М. А. Савельев — руководство сектором Маркса и Энгельса. Общее руководство предполагало и сбор ценнейших материалов в партийный архив. С началом политических процессов середины 30-х годов многие личные архивы стали оседать в НКВД. Во многих случаях их сохранность была сомнительна. 22 февраля 1935 г. Адоратский напоминал тогдашнему шефу НКВД Г. Г. Ягоде: «Мы договаривались, что по приезде Агранова из Ленинграда, Вы обсудите вопрос о передаче библиотек Зиновьева и Каменева ИМЭЛу». Адоратский тогда бил тревогу: ряд ценных книг из этих библиотек были обнаружены в букинистических магазинах. В начале 1936 г. он радовался тому, что германские социал-демократы продают ИМЭЛ важные документы⁵².

В то время материалам осужденных не находилось места даже в архивах. В 1939 г. комиссия ЦК ВКП(б) — М. Б. Митин, В. А. Шеломович, П. Ф. Сахарова, В. В. Адоратский — обнаружила в партархиве «криминал»: «Особенно необходимо отметить, что архив засорен бумагами врагов народа — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Томского, Шляпникова, Рязанова, Антонова-Овсеенко и ряда других... Эти бумаги нуждаются в разработке с целью выявления связей врагов народа. В архиве партии им, конечно, не может быть места». Меры были приняты: «опальные» документы оказались в запломбированном сейфе⁵³.

К тому времени Адоратский уже не был директором ИМЭЛа. 20 января 1939 г. он был освобожден от этой должности и назначен ответственным редактором института. Сталин пощадил его, наверное, помня лояльное поведение и давние заслуги. Иная судьба предназначалась его заместителю, Владимиру Гордеевичу Сорину, заведующему сектором Ленина. Сорин был арестован, объявлен «врагом народа» и погиб в лагерях⁵⁴. Директором ИМЭЛ был назначен М. Б. Митин, избранный тогда же академиком.

В годы войны Адоратский был эвакуирован в Алма-Ату, в октябре 1943 г. он вернулся в Москву. Последнее, над чем он работал, — книга «Жизнь и деятельность Маркса». 5 июня 1945 г. Адоратский умер в кремлевской больнице от гипернефромы правой почки и был похоронен на 4-м участке кладбища при московском крематории⁵⁵.

М. Н. Покровский, выступая в апреле 1924 г. на собра-

нии Коммунистической Академии, говорил: «... у Ленина была своя историческая концепция, был свой метод изучения общественных явлений, и это не только у одного Ленина, это наложило отпечаток и на всю группу, которая шла за Лениным»⁵⁶. В составе этой группы был, несомненно, и Адоратский.

* * *

- ¹ В. В. Адоратский об Октябре // Вопросы истории.—1967.— № 11; Максаков В. В. Адоратский В. В. и его роль в организации архивного дела в СССР // Труды МГИАИ.—1962.—Т. 15; и др.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 54.— С. 233-234.
- ³ Одни считают, что ленинцы изменили своим нравственным принципам и помогли Сталину установить режим личной власти; другие — что Сталин качественно не отличался от представителей ленинской гвардии и все они «на одно лицо, одним лыком шиты, одним миром мазаны». — См.: Клямкин И. Почему трудно говорить правду // Новый мир.— 1989.— № 2; Ципко А. Если бы победил Троцкий... // Даугава.— 1990.— № 7.
- ⁴ Известия ЦК КПСС—1990.—№ 8.—С. 203.
- ⁵ РЦХИДНИ.—Ф. 559.—Оп. 1.—Д. 2.—Л. 2.
- ⁶ Там же.—Ф. 124.—Оп. 1.—Д. 18.—Л. 3, 4.
- ⁷ Ленин В. И. Биографическая хроника.— М., 1971.— Т. 2.— С. 53.
- ⁸ РЦХИДНИ.—Ф. 559.—Оп. 1.—Д. 184.—Л. 68-69.
- ⁹ Адоратский В. В. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Ленине.— М., 1984.—Т. 1.—С. 66-67.
- ¹⁰ ЦГА РТ.— Ф. 199.—Оп. 2.—Д. 926.—Л. 157.
- ¹¹ Ленинский сборник.—М., 1970.—XXXVII.— С. 15-16. Книга Адоратского о государстве была опубликована много позже, см.: Адоратский В. О государстве. (К вопросу о методе исследования).— М., 1923.
- ¹² Эти деньги — около 258 тыс. рублей — стали предметом известной тяжбы между большевиками и меньшевиками. Большевики передали их на хранение Каутскому, Ф. Мерингу и К. Цеткин, полагая, что, возобладав в партии, получают их целиком. Однако, поскольку раскол в РСДРП углублялся, они предусмотрительно решили истратить их на сугубо большевистские нужды. Увы, «держатели» денег ответили отказом.
- ¹³ Ленинский сборник.—Т. XXIV.—С. 291.
- ¹⁴ В. И. Ленин и Татария. Сб. док.— Казань, 1970.— С. 88.
- ¹⁵ РЦХИДНИ.—Ф. 5.—Оп. 1.—Д. 878.—Л. 3; Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 51.—С. 176.
- ¹⁶ ЦГА РТ. — Ф. 4882.—Оп. 1.—Д. 8.—Л. 6.
- ¹⁷ Там же.—Д. 1.—Л. 45-46.
- ¹⁸ Адоратский В. Научный коммунизм Карла Маркса.— М., 1923; Он же. О теории и практике ленинизма.— М.— Л., 1924; и др.
- ¹⁹ Адоратский В. Научный коммунизм Карла Маркса.— М., 1923.— Ч. 1. — С. 82.
- ²⁰ Адоратский В. Об идеологии // Под знаменем марксизма.—1922.— № 11-12.—С. 201-202.
- ²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 39.— С. 83. В советском обществоведении, с тех пор как марксизм-ленинизм принял полностью идеологизированный вид, эти высказывания традиционно замалчивались.
- ²² В. И. Ленин. Биографическая хроника.— М., 1978.— Т. 9.— С. 216.
- ²³ В части личного архива Адоратского, хранящегося в ГАРФ, содер-

жаты копии нескольких документов, относящихся к истории создания хроники истории 1917 г.: отчеты заседаний комиссий Истпарта, составленная Адоратским записка о сборнике статей, посвященных Октябрьской революции, в котором он сам собирался участвовать в качестве автора статьи о советском законодательстве о церкви и религии.— См.: ГАРФ.—Ф. 332 —Оп. 1.—Д. 10, 12, 14, 15. Первые хроники революции 1917 г. были опубликованы в 1923 году. Их авторы — Н. Авдеев и В. Владимирова благодарили за советы и практическую помощь прежде всего Адоратского.

- ²⁴ Адоратский В. В. Большевизм в борьбе за партию в эпоху реакции // Коммунистическая революция.— 1926.— № 23; Он же. Ленин в борьбе с оппозицией // Коммунистическая революция.— 1927.— № 21-22; Он же. Октябрьская революция и диктатура пролетариата в меньшевистском освещении // Революция права.— 1927.— № 4. и др
- ²⁵ Адоратский В. В. большевизм в годы реакции (в борьбе с ликвидаторством, отзовизмом и троцкизмом. 1908-1914 гг.).— М.— Л., 1927.
- ²⁶ Коммунистическая революция.—1926.— № 23.— С. 20.
- ²⁷ РЦХИДНИ.—Ф. 2.—Оп. 1.—Д. 23130.—Л. 1, 4.
- ²⁸ Печать и революция.—1926.—Кн. 7.—С. 123.
- ²⁹ Шеститомник избранных работ В. И. Ленина был переведен на украинский, грузинский, еврейский, татарский, армянский, чувашский, таджикский и другие языки.
- ³⁰ См.: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина.—М., 1989.—Кн. 1.— Ч. 1.—С. 213-216; Такер Р. Сталин. Путь к власти.— М., 1990.— С. 434.
- ³¹ Волкогонов Д. А. Указ. соч.—Кн. 1.— Ч. 2.—С. 10.
- ³² Там же.— С. 154.
- ³³ См.: Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П. Культ личности и историко-партийная наука//Вопросы истории КПСС.—1988.— № 5.— С. 60-61.
- ³⁴ РЦХИДНИ.—Ф. 347.—Оп. 1.—Д. 6.—Л. 1, 54, 57. Для поступления в институт требовалось не менее 10 лет партийного стажа и пяти лет практической партийной работы. Прием слушателей на первый курс определялся в 200 человек. Среди них были партработник И. Г. Сольц, будущий академик Б. Н. Пономарев и др. Срок обучения —3 года. Институт функционировал до 1938 года.
- ³⁵ Адоратский писал в 1931 г., что работает на 17 должностях, член многих редколлегий журналов и изданий, преподаватель в вузах Москвы и др.
- ³⁶ РЦХИДНИ.—Ф. 347.—Оп. 1.—Д. 190.—Л. 1.
- ³⁷ Ее итоги подвел сам Сталин, отметивший, что «в лице деборинской группы мы имеем глубоко враждебную марксизму идеологическую агентуру меньшевизма — вреднейшую антимарксистскую группу, которая должна быть разоблачена до конца». Это было одновременно и политическое обвинение и приговор. См.: Вестник Коммунистической Академии.—1930.—Кн. 40-41.—С. 13, 17, 19; Митин Б. Боевые вопросы материалистической диалектики.— М. 1936.— С. VI—VII.
- ³⁸ Вестник Коммунистической Академии.—1930.—Кн. 42.—С. 20-23.
- ³⁹ И опять ее итоги обернулись скорее политическими, чем научными оценками. Так, в тезисах отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) осуждалась трактовка народничества как родоначальника большевизма. См.: Правда.— 1930.— 9 апреля.
- ⁴⁰ Адоратский В. К вопросу о научной биографии Ленина // Пролетарская революция.—1930.—№ 1.—С. 3-17; № 2-3.—С. 3-28. Он же. К вопросу о научной биографии Ленина.— М., 1933.
- ⁴¹ Пролетарская революция.—1930.— № 1.— С. 5.

- ⁴² См.: В. И. Ленин. Биография.— М., 1987.—Т. 1.—С. 15.
- ⁴³ «Во главе старого института стоял Рязанов,— говорил Адоратский,— допустивший, чтобы в учреждении, носящем имена великих вождей пролетариата, скопились люди с враждебной пролетариату идеологией, которые извращали, выхолащивали марксизм., Выхолащивание марксизма стало вообще профессией социал-демократии, меньшевизма Второго Интернационала, агентом которого оказался Рязанов». Адоратский заверил, что институт будет работать «в свете установки Сталина в письме в «Пролетарскую революцию».— См.: РЦХИДНИ.— Ф. 71.— Оп. 1.— Д. 24.—Л. 2, 3, 10.
- ⁴⁴ РЦХИДНИ.—Ф. 558.—Оп. 1.—Д. 2974.—Л. 1; Д. 2998.—Л. 1; Д. 2996.—Л. 1; Д. 3040.—Л. 1; и др.
- ⁴⁵ Там же.—Ф. 71.—Оп. 2.—Д. 120.—Л. 3-5, 10.
- ⁴⁶ Там же.—Оп. 3.—Д. 189.—Л. 1.
- ⁴⁷ Там же.—Оп. 2.—Д. 138.—Л. 1; Д. 140.—Л. 1-2.
- ⁴⁸ Там же.—Ф. 559.—Оп. 1.—Д. 122.—Л. 4.
- ⁴⁹ Там же.—Ф. 71— Оп. 3.—Д. 53.—Л. 2.
- ⁵⁰ Адоратский В. В. М. Н. Покровский как революционер, партиец, ученый//Архивное дело.—1933.— Вып. 3-4.— С. 10, 12.
- ⁵¹ Знамя.—1988.—№ 12. — С. 109.
- ⁵² Вскоре отношение к советским организациям в связи с террором стало негативным, в Амстердаме возник Международный институт социальной истории, и поступление документов из-за рубежа на ряд лет практически прекратилось.
- ⁵³ См.: Якушев С. В. Центральный партийный архив в 30-е годы // Вопросы истории.—1991.—№ 4-5.—С. 29, 31; Он же. Из Истории создания партийных архивов в СССР//Вопросы истории КПСС.— 1990.— № 5.— С. 62.
- ⁵⁴ См.: Кучкин А. П. Владимир Гордеевич Сорин//Вопросы истории КПСС.—1965.—№ 1.—С. 97.
- ⁵⁵ РЦХИДНИ.—Ф. 559.—Оп. 1.—Д. 184.—Л. 90; Д. 155.—Л. 1.
- ⁵⁶ Вестник Коммунистической Академии.—1924.— Кн. 8.— С. 389.

КАК НИКОЛАЙ ВАНАГ «ПОКУШАЛСЯ» НА СТАЛИНА

Из автобиографии: «Родился в 1899 г. в Риге. Латыш. Отец служащий-бухгалтер. Умер в 1900. Мать в годы, последовавшие за смертью отца, швея. Я частично воспитывался на средства брата и сестры (старого члена ВКП(б)). Кончил гимназию, занимался преподаванием. К революционному движению примкнул в 1917 г., вступив в большевистскую юношескую организацию (г. Вольмар, Латвия). В ВКП(б) вступил в 1918 г. в Москве, где... вступил на работу в Наркомюст РСФСР в качестве секретаря издательства. В конце 1918 г. командируюсь в Советскую Латвию, где назначаюсь членом коллегии Наркомата ревизии и контроля, но фактически работаю в качестве продармейца в прифронтовой полосе. С падением Риги остаюсь на территории Сов. Латвии в качестве члена ревкома и члена уездного комитета партии в прифронтовом Моцинском уезде. В 1919 г., осенью, командируюсь на краткосрочные курсы в Москве (будущая «свердловка»), которые не кончаю вследствие контузии, полученной при взрыве МК в Леонтьевском пер., где, наряду с некоторыми другими «свердловцами», присутствовал как один из агитаторов-пропагандистов. После зачисления в лекторскую группу «свердловки» командируюсь, однако, в Азово-Черноморье, в Краснодар (Екатеринодар) на партийную работу. В Краснодаре работаю в качестве зав. агитпроп-отделом окружного комитета РКП(б), а затем и секретаря одного из городских райкомов партии.

В 1921 г. возвращаюсь в Москву, уезжаю добровольцем на кронштадский фронт, где принимаю участие в качестве рядового бойца при операциях на южном боевом участке. В 1922 г. поступаю в институт красной профессуры, кончаю его в 1924 г. по историческому отделению. Со времени пребывания в ИКП веду преподавательскую работу в ряде учебных заведений Москвы («Свердловка», КУТВ, ин-т им. Либкнехта) и партийную работу в качестве пропагандиста в Краснопресненском, Бауманском и Хамовническом (ныне Фрунзенском) районах.

По окончании ИКП остаюсь преподавателем подготовительного отделения ИКП и научным сотрудником Ист-

парта ЦК ВКП(б). К этому времени относятся мои первые научные работы, опубликованные в первых двух томах юбилейного издания «1905 год». В 1925 г. командуюсь на Украину (Харьков), где работаю в качестве председателя кафедры по истории России и Украины в Коммунистическом университете им. Артема. В конце 1926 г. откомандировываюсь на преподавательскую работу в ИКП (Москва) и назначаюсь членом Президиума РАНИОНа, а впоследствии и зам. председателя. В РАНИОНе работал до момента его ликвидации (1930 г.). С 1926 г. по настоящее время работаю непрерывно в ИКП в качестве профессора, а также председателя кафедры по истории СССР. Одно время (в 1930 г.) заведовал историческим отделением ИКП. Принимал активное участие в работе... на историческом участке теоретического фронта (член Президиума общества историков-марксистов, доклад на 1-й Всероссийской конференции историков-марксистов). В 1930 г. избираюсь действительным членом Коммунистической академии. С 1932 г. перехожу на работу в институт истории Ком. академии в качестве зам. директора института. В течение всех последних лет веду научную и преподавательскую работу (ИКП, КУПОН, истфак). В области своей специальности имею ряд научных работ.

С 1927 г. моя партработа в Москве протекала в качестве докладчика, в 1927-29 гг. — член бюро ячейки РАНИОН, кандидат, затем и член двух составов Фрунзенского райкома ВКП(б), в 1930 г. член бюро ячейки исторического отделения ИКП. В институте истории до 1934 г. член бюро ячейки. За время моего пребывания в партии имел отклонения от генеральной линии партии, выразившиеся в наличии колебаний троцкистского характера в 1924 и 1927 гг.»¹.

Итак, перед нами автобиография сравнительно молодого ученого-историка, погибшего в 38 лет, т. е. в самом расцвете творческих сил. Типичная для того времени биография: большевик, участник гражданской войны, учеба, преподавательская и научная работа. Его выделяла быстрая служебная карьера, научные работы, ставшие основополагающими в изучении экономической истории России начала XX века. Он отличался самостоятельностью мышления, талантом исследователя².

Ванаг был учеником Покровского, «выходцем» из его семинара, но вскоре стал критиком своего учителя. Первая крупная работа 26-летнего Ванага — «Финансовый капитал с России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в

России» (М., 1925). В то время шли споры вокруг ленинской трактовки империализма. Ленин говорил о финансовом капитале, усматривая в этом слияние или сращивание банков с промышленностью. Существовали иные определения: банки господствовали над промышленностью (Р. Гильфердинг); между «капитализмом вообще» и империализмом нет существенной разницы (М. Н. Покровский). Ванаг, изучая процессы формирования финансового капитала в России, акцентировал роль иностранного капитала в его создании и переходе страны к империализму. Таким образом, он явился автором жесткого (и, как оказалось, не всеми принятого) вывода, что российский империализм в основном сформирован зарубежными банками, отсюда следовало, что Россия в системе держав занимала полукOLONиальное положение.

Этот вывод приобретал не столько научное, сколько политическое значение, т. к. был связан с выяснением характера Октября и перспектив социализма в стране. Ванаг и его сторонники (М. Гольман, Л. Крицман, С. Ронин) своими разработками поддерживали точку зрения о неготовности России к свершению социалистических преобразований. Даже Покровский — что немаловажно — объявил концепцию «денационализации» русского капитализма последним словом науки³.

Тогда же выявилась и иная позиция. Работы А. Сидорова, Е. Грановского, И. Гиндина исходили из тезиса о наличии в России национального капитала, обеспечившего самостоятельность России. Эти два направления в изучении российского империализма — «европейское» и национальное — легли в основу острых политико-научных дискуссий конца 20—начала 30-х гг. Разумеется, эти направления не были монолитными, сторонники каждого из них расходились в частностях и между собой. Но суть была именно в отношении к степени экономической развитости и самостоятельности России перед 1917 годом.

Спорам на Всесоюзной конференции историков-марксистов (декабрь 1928—январь 1929 гг.) предшествовали статьи Ванага и его критиков⁴. К этому времени политическая обстановка изменилась: победой сталинистов заканчивалась внутрипартийная борьба, на вооружение брались ортодоксальные догмы, переосмысливались исторические источники. Под влиянием конъюнктуры позиция Ванага эволюционировала. И хотя на конференции Ванаг заявил, что «отказаться от чего-либо существенного из сказанного мы не видим оснований», ряд прежних своих положений он пересмотрел. Так, теперь он не считал Рос-

сию полуколонией европейских держав. «Утверждать, что Россия стала колонией французского финансового капитала,— говорилось в его докладе,— было бы настолько же нелепо, насколько нелепым является отрицание других форм зависимости, кроме колониальных. Россия находилась в зависимости от иностранного финансового капитала в виде одной из тех разнообразных форм, которые мыслимы в эпоху финансового капитала». Ванаг признал также, что в годы первой мировой войны национальный финансовый капитал креп, появились собственные финансовые предприниматели в России типа Рябушинских, Гучкова и других. Ванаг видел решение проблемы в изучении не только статистико-экономического материала, но и «всей совокупности экономических и социальных условий, в которых складывалась система финансового капитала в России».

Критика доклада Ванага носила главным образом политико-ярлыковый характер. И. Минц: «Я считаю, что схема т. Ванага... является только рабочей гипотезой. Она недостаточно еще подкована ленинским материалом и потому вызывает много сомнений».

П. Горин: «Я не хочу сказать, что т. Ванаг принадлежит к троцкистской породе людей, но все же некоторые предостережения и выводы он мог бы сделать и сам».

Характер критики оттенило остроумное замечание М. Гольмана: «Я вынужден обратиться к Ленину — не только к тем цитатам, которые привел т. Минц, но также и к тем цитатам, которые им не были приведены или по неосведомленности, или по стратегическим соображениям (смех в зале)»⁵.

Ход дискуссии подвел участников конференции к необходимости продолжить ее обсуждением проблем развития капитализма в России. С главным докладом «Проблема двух путей развития капитализма в России в работах Ленина» в секции истории империализма общества историков-марксистов выступил Ванаг. Он исходил из положения о том, что «вся история России с 1861 г. до 1917 г., есть история борьбы двух путей развития капитализма в России», что «нет ни одного крупного фактора общественной и партийной жизни России, начиная с реформы 1861 г. до 1917 г., который стоял бы по Ленину в стороне от основной оси борьбы классов и партий за тот или иной путь («американский» или «прусский») буржуазного преобразования России»⁶. Для Ванага российский капитализм попрежнему был отсталым и примитивным.

На этот раз критика в его адрес была особенно резкой. Точку в ней поставил Сталин в своем письме в журнал

«Пролетарская революция». Ванаг должен был смириться и написать открытое письмо в редакцию «Историка-марксиста» (1932.— №4-5.— С. 355-359), в котором признавал ошибочность своей теории и факт «протаскивания троцкистских идей». Он винился в том, что в последнем его докладе и брошюре «явно искажена ленинская постановка вопроса о том, что пролетариат в своей борьбе за социализм исчерпывает революционную энергию борьбы крестьянства против крепостничества для немедленного перехода вслед за победой над царизмом вместе с беднейшим крестьянством к социалистической революции»⁷. Чудесным образом полукOLONиальное положение России трансформировалось в средний уровень развития капитализма. Эпоха мировой революции отходила в прошлое, теперь в цене были доказательства «закономерности» победы социализма в одной стране. Ванаг понял это и переориентировался. Научная доказательность уступила политической целесообразности.

Последние четыре года своей жизни Ванаг активно работал. Писал. Учил. В изданном учебнике для системы партпроса он трактовал крепостничество как усиление феодализма, присоединение новых земель с XVI века, как создание колониальной империи. В этом плане им с Томсинским были подобраны документы для хрестоматии⁸. В работах Ванага конца 20— начала 30-х гг. уже не было того пиетета перед «торговым капитализмом», который был характерен для его учителя — М. Н. Покровского. В 1934 г. публикуется его статья о понимании им военно-феодального характера российского империализма⁹. Он видел в ленинской трактовке этого термина особенность империализма в России, его отличие от развития в других странах. Это была более полная формула, отличающаяся от тех, кто под военно-феодальным империализмом склонен был понимать политику царизма или специфику российских монополий (А. Л. Сидоров).

Ванаг преподавал историю в МГУ, пединституте, институте красной профессуры. У него было много учеников, некоторые из них стали профессиональными историками. Среди них был и Абдурахман Геназович Авторханов, чеченец с непростой судьбой, известный ныне книгами «Технология власти» (Мюнхен, 1959); «Происхождение партократии» (Франкфурт-на-Майне, 1973) и др. В его личном деле слушателя института красной профессуры сохранилась рецензия Ванага (11 июня 1934 г.) на его публикации, представленные при поступлении в ИКП. Ванаг писал: «Работы т. Авторханова популярного характера

и не могут быть причислены к работам, имеющим научное значение, несмотря на то, что порой автором и привлекается архивный материал. Основной метод составления брошюр — цитаты из литературы вопроса, архивные документы, скрепленные текстом автора... Мне представляется, что т. Авторханов, получив систематическую научную подготовку в ИКП, мог бы стать подлинным научным работником в области истории. Его брошюры показывают интерес автора к предмету, знакомство с архивом и известную теоретическую подготовку. Не отмечаю отдельных ошибок исторического порядка, встречающихся в брошюрах Авторханова»¹⁰. Ванаг, по сути, дал Авторханову возможность учиться и увидел в нем будущего историка.

Много позже Тарновский обратил внимание на противоречивость высказываний Сталина¹¹. Так, в конце 20-х гг. Сталин, вслед за Лениным, относил Россию к империалистическим странам со среднеразвитыми капиталистическими отношениями. В этом духе Ванаг и написал и в 1932 г. опубликовал учебник «Краткий очерк истории народов СССР» для учащихся средних звеньев партпросвещения, с группой сотрудников подготовил конспект учебника по истории СССР для школ. В 1934 г. последовали замечания на этот конспект, подписанные И. Сталиным, А. Ждановым, С. Кировым: «Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР... В конспекте... не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции, как освободительницы России от ее полукOLONИАЛЬНОГО положения, остается немотивированным»¹². Можно лишь предположить, какое впечатление эти замечания произвели на Ванага — ведь от него требовали возвращения к позициям, которые он недавно защищал и от которых лишь под давлением отказался.

После замечаний вождей последовало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором отмечалось: «Особенно неудовлетворительно составлен учебник по истории СССР, представленный группой профессора Ванага, а также учебник по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, представленный группами Минца и Лозинского. То обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского, Совнарком и ЦК не могут не расце-

нить как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку»¹³.

Постановление было опубликовано в «Правде» 27 января 1936 г. А 1 июня 1936 г. НКВД начал «дело» Ванага за № 3257. Тезис о полуколониальном характере российского империализма (впрочем, без ссылок на его автора) десятки лет варьировался в исторической литературе, вошел в «Краткий курс», в то время как Ванаг был объявлен «врагом народа».

В анкете арестованного Ванага подчеркнута: профессор с 1926 г., зам. директора института истории. Семейное положение — жена, Антонина Эрастовна Сальникова, дочь Ирма—13 лет, сын Валерий—3 года. При обыске на московской квартире были изъяты личные документы, сочинения Троцкого и Зиновьева, браунинг, записные книжки. Через три недели после ареста, 21 июня 1936 г., комиссия партконтроля, в присутствии представителя НКВД Молчанова, исключила Ванага из ВКП(б). На следующий день его этапировали в Ленинград, там шли аресты и готовились очные ставки.

Через месяц активной проработки (уже в Москве, на Лубянке) он подписывал все, что ему предлагал следователь майор Лужин. Оговоры себя, близких, просто знакомых. Два тома следственного дела свидетельствуют о превращении блестящего ученого, полемиста, личности в безоговорочно согласный на все манекен. Обреченность, усталость от происходящей бессмыслицы, желание конца — вот чем веет от написанных торжествующей рукой следователя протоколов.

Схема была проста: следователь допрашивал арестованного о том, где он работал, о знакомых, а затем всех названных объединял в очередную «контрреволюционную организацию».

28 июля 1936 года Ванаг «признался» в том, что примыкал к троцкистам с 1923 г., а вместе с ним и историки Фридлянд, М. Лурье, Татаров, Пионтковский, Минц и Эльвов. Затем подписал «показание» о том, что якобы троцкистско-зиновьевские группы функционировали в Академии наук, ИКП, МГУ, институте истории, международном аграрном институте, институте советского права, т. е. во всех учреждениях, с которыми был как-то связан Ванаг.

Следователь требовал «доказательств» и новых имен. Названные обязательно немедленно арестовывались, так создавалось досье на следующие жертвы.

В течение августа из Ванага выбивались показания о том, что как-то при встрече с Томсинским тот говорил ему о терроре и переходе к активным методам борьбы, что Фридлянд при подготовке своей книги о Марате сотрудничал с опальным Л. Б. Каменевым и «поражался его обширными знаниями в области истории развития общественной мысли». В сентябре Ванаг «вспомнил», что он «поддерживал также контрреволюционную группу Невского, в состав которой входили Невский, Анатолев, Парадизов и Зельцер. Связь с этой группой установил через Панкратову и участникам группы предлагал печататься на страницах журнала «История пролетариата», одним из редакторов которого являлся». Через несколько дней подтвердил: «Дубровский в своей работе «Столыпинская реформа» и своих очерках, посвященных истории аграрных отношений, выступал как типичный идеолог кулачества».

«Признания» Ванага поражают абсурдностью. Сначала Ванаг припоминал, что однажды, в 1932 г., «Волгин рассказывал мне о своих близких отношениях с Теодоровичем, указал на важность и необходимость привлечения его к работе в институте истории Комакадемии». И тут же, из будто бы состоявшегося тогда же разговора с Волгиным: «Мы беседовали по поводу письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». В разговоре со мной Волгин осуждал письмо Сталина, говорил о зажиме теоретической мысли и с возмущением отзывался о репрессиях в отношении троцкистов и других контрреволюционных элементов в ВКП(б)».

И, наконец, к полному восторгу следователя, Ванаг делает чрезвычайно важное заявление: «По заданию Фридлянда я должен был лично убить Сталина». Это произошло 14 октября 1936 г. Ванаг пояснил, что он должен был совершить террористический акт в 1934 году во время обсуждения на Политбюро вопроса об учебниках истории. В подписанном Ванагом протоколе признание выглядело так: «Председательствовал на заседании Молотов. В качестве докладчика по вопросу о преподавании истории в средней школе выступал наркомпрос Бубнов. Из знакомых мне лиц в зале заседания увидел Пионтковского, Трахтенберга и Фохт (учительница средней школы). Зал заседаний я покинул в тот момент, когда обсуждался вопрос преподавания географии в средней школе. При выходе из зала заседания ко мне подошел Енукидзе. Он пытался вернуть меня обратно в зал. Однако я, разочаровавшись в неудаче своего намерения убить Сталина, поспешно удалился из здания и

вернулся домой». В протоколе пояснялось, что Ванаг не осуществил своего террористического намерения, потому что на совещании было много людей; он опоздал и находился далеко, боялся не попасть в цель, хотя браунинг пронес в кармане. Кроме того, Ванаг якобы был уверен, что у него будет личная беседа со Сталиным и тогда он его сможет застрелить. Осенью 1934 г. он вновь был в Кремле. Его и Н. М. Лукина принял Жданов, который передал им предложение Сталина переработать проспекты учебников и представить их на рассмотрение секретарей ЦК. Ну и, естественно, в соответствии с существовавшими тогда штампами обвинения, Ванаг признал, что Фридлянд предложил ему убить Сталина не по собственной инициативе, а по указанию Троцкого...

В этом протоколе правда перемежалась с чудовищными измышлениями. Ванаг присутствовал на совещании, но ему, конечно, и в голову не приходила мысль ни о каком покушении и никто с ним на эту тему не говорил и не мог говорить, да и браунинг, учитывая плотность охраны Сталина, пронести в кармане было абсолютно невозможно.

Вот как описал это совещание Пионтковский в своем дневнике. Совещание состоялось 20 марта 1934 г., запись в дневнике датирована 23 марта.

«20 марта неожиданно утром от имени наркома просвещения Бубнова меня вызвали на заседание Политбюро. Сказали, что вызывают 12 чел., не указавши кого. Сказали адрес — Кремль, Троицкие ворота. В 2 часа пришел к Троицким воротам, но в бюро пропусков оказалось, что ничего об этом не знают, да и пропусков в здание Совнаркома из Троицких ворот не дают, а дают их у Никольских ворот. Прождал минут 10, подъехал Вихрев, подошел еще кто-то, опять пошли требовать пропусков. Выяснили точно, что получить пропуска можно только у Никольских ворот. Добрались до Никольских ворот, народу прибавилось. Когда подошли к окну выдачи пропусков, при нас по телефону стали диктовать списки с указанием 12 чел. Наконец выдали пропуска.

На заседание Политбюро попали — я, Ванаг, Козлов, Вихрев — четыре коммуниста, остальные беспартийные — Васютинский, Гуковский, Трахтенберг, Ефимов, автор учебника для средней школы, Фохт... Должны были быть еще Лукин и Панкратова, но их налицо не оказалось...

Мы вошли в зал заседаний гуськом. Это большая комната, светлая, устланная коврами, шагов не слышно. Посредине комнаты идет стол, а перпендикулярно к нему расположены три длинных стола, за которыми по бокам

сидят присутствующие. Всего в комнате было человек 100. Председательствовал Молотов, доклад об учебниках делал Бубнов. Сталин сидел за перпендикулярным столом в середине, визави к нему сидел Ворошилов, а сзади Сталина Каганович. Около Кагановича вертелся Рабичев, по-видимому, указывал ему, кто вошел в комнату и сообщал краткие биографические данные о нас. Сталин все время вставал, курил трубку и прохаживался между столами, подавая то и дело реплики на доклад Бубнова. Бубнов сделал отвратительнейший доклад. Стиснутый временем, он весь центр своего доклада сосредоточил на учебнике Никольского. В конце концов, Сталин прервал его и спросил, поддерживает ли он свое предложение, которое было на руках у членов Политбюро в письменном виде. Бубнов сказал — поддерживаю и что оно исходит из того, что говорил Сталин на прошлых заседаниях.

На помощь Бубнову выступила Крупская и стала докладывать, что к концу второй пятилетки у нас исчезнет разница между физическим и умственным трудом. Пока говорили Бубнов и Крупская, в комнате стоял шум, присутствующие разговаривали между собой, обменивались впечатлениями и глядели на нас, как на выставку приведенных из зоологического сада зверей.

После Крупской сейчас же взял слово Сталин. Как только начал говорить Сталин, сидевшие в конце зала встали и подошли ближе, таким образом, вокруг Сталина образовался полукруг, сидели только ближайšie за столом, остальные стояли полукругом и с напряженным вниманием слушали. На лицах было глубочайшее внимание и полное благоговение. Сталин говорил очень тихо. В руках он держал все учебники для средней школы, говорил с небольшим акцентом, ударяя рукой по учебнику, заявлял: «учебники эти никуда не годятся»... Что, говорит, это такое «эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитализма», «эпоха формаций» — всё эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится. То, что учебники никуда не годятся, Сталин повторил несколько раз. Нам, сказал Сталин, нужны учебники с фактами, событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных народов. Бубнов сказал, может быть, не СССР, а история народов России. Сталин говорит — нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас. Дальше, между

прочим, он сказал, что схема Покровского не марксистская схема и вся беда пошла от времен влияния Покровского...».

Так это выглядит в дневниковой записи Пионтковского. В ней, разумеется, нет ничего, что свидетельствовало бы о каких-то скандальных происшествиях во время заседания. Наоборот, почтительное внимание к речи Сталина, грядущая перестройка исторического образования, где должны быть события, имена, тщательно отцензурованные и данные в нужной партидеологам трактовке...

Ванаг же на допросе «вдруг вспомнил», что Пионтковский был связан с Лепешинскими и от них знал о готовящемся покушении на Кирова, о чем и сообщил ему, Ванагу.

В январе 1937 года обвинительное заключение было подписано. В нем Ванагу инкриминировалось: «1. Исключительное подчеркивание отсталости капиталистического развития России, отрицание относительной прогрессивности таких факторов, как реформа 1861 г. Цель... заключалась в протаскивании идеи невозможности построения социализма в СССР — отсутствие материальных и субъективных предпосылок; ...2. Отрицание ленинской теории перерастания буржуазно-демократических революций в пролетарскую. Цель — сознательное протаскивание идеи о несоциалистическом характере Октябрьской революции. Особенно резко этот вид контрабанды налицо в брошюре Ванага «Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России»; 3. После письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» Ванаг не мог открыто отрицать теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и перешел на позиции завуалированного отрицания пролетарского характера Октябрьской революции. На деле это было прямым отрицанием социалистического характера этой революции; ... 4. Сознательно игнорировал исторически-преходящее значение буржуазного демократизма и парламентаризма, его кризиса и противопоставление буржуазного демократизма — советскому, пролетарскому демократизму, как высшей его формы; ... 5. В своих трудах Ванаг подчеркивал организованность, целесообразность и силу крестьянского движения и отдельных крестьянских бунтов... Эта идея должна была точно... обосновать неспособность пролетариата руководить многомиллионными массами трудящегося крестьянства в СССР; ... 7. В проекте и в учебнике по истории СССР для средней школы и в своем преподавании Ванаг сознательно идеализировал народническую борьбу с царизмом, подчеркивал и выпячивал значение террора,

как метода революционной борьбы; ... 8. Ванаг сознательно игнорировал историю отдельных народов СССР; ... 10. Ванаг игнорировал успехи социалистического строительства в СССР...».

И тут же цитата из его «признания» «Мысль о терроре созрела у меня в течение 1932—1933. гг. со времени опубликования письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». В начале 1934 г. эта мысль получила вполне конкретное содержание — я решил убить Сталина».

3 февраля 1937 г. обвинительное заключение было утверждено Вышинским. Главным был пункт о подготовке террористического акта против руководства партии, а потому Ванаг подлежал применению к нему закона от 1 декабря 1934 года. 6 марта он расписался в том, что с окончательным вариантом обвинительного заключения ознакомился.

Практически все обвинение было «основано» на выбитых из Ванага «признаниях» и на подобных же «свидетельствах» арестованных историков С. Г. Томсинского, А. И. Малышева и других. Графаретность и абсурдность обвинений и показаний, написанных рукою следователя, были очевидны. Так, в доказательство «вины» Ванага и «разоблачения» его «преступной деятельности» в следственном деле находится «показание», данное 2 июня 1936 г. профессором С. Г. Томсинским: «Из разговоров с Ванагом я выяснил его враждебное отношение к... письму Сталина. Хотя в официальном выступлении Ванаг признался в своих троцкистских ошибках, но в беседе со мной высказал прямо противоположное, говоря, что он, Ванаг, целиком прав. Пионтковский был такого же мнения и хвастался тем, что у него троцкистских ошибок не вскрыли, хотя на самом деле его книги изобилуют троцкистской контрабандой». А. И. Малышев на допросе 17 июня 1936 г. свидетельствовал: «Я пытался скрыть, что являюсь одним из руководителей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации ЛОКА (до ареста в 1935 г. Малышев был заместителем директора Ленинградского отделения коммунистической академии.— А. Л.) и что наша организация в борьбе с руководством ВКП(б) признавала единственно возможным средством индивидуальный террор».

«Судили» Ванага 7 марта 1937 г. на закрытом заседании. Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха заседала полчаса: с 18.40 до 19.10.

На вопрос председателя суда, признает ли он себя ви-

новным, Ванаг ответил утвердительно. В последнем слове он заявил, что пощады у суда не просит, на снисхождение никаких надежд не имеет. Также не хочет оправдываться перед судом и говорить о смягчающих обстоятельствах своей вины. Ванаг заявил, что любой приговор суда он воспримет как вполне заслуженный.

Приговор гласил: расстрел с конфискацией имущества, В деле хранится справка о приведении приговора в действие 8 марта 1937 г.

Через почти два десятилетия, 21 мая 1956 года, Антонина Эрастовна Сальникова, вдова Ванага¹⁴, обратилась в военную прокуратуру СССР с запросом о судьбе мужа. Согласно существующим тогда инструкциям, ей сообщили, что Ванаг был осужден на 10 лет лагерей и там погиб.

Тем не менее «дело» Ванага стало проверяться. Отзыв о нем, по просьбе следователя, дал С. М. Дубровский. Он сообщил, что знал Ванага в 1921–1936 гг. «На следствии Ванаг оговорил себя и других,— писал бывший зэк и профессор Дубровский,— из-за этого погиб. Я уверен, что при пересмотре дела будет доказано, что никаких контрреволюционных преступлений он не совершал».

14 июля 1956 г. военная коллегия Верховного суда СССР вынесла заключение: «Проверка дела показала, что материалы следствия 1936–1937 гг. не могут служить доказательством обвинения Ванага». Вскоре Ванаг был реабилитирован.

* * *

¹ Архив АН России. Ф. 350.— Оп. 3.— Д. 194.— Л. 14.

² См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма.— М., 1964.

³ Покровский М. Н. Октябрьская революция. Сб. ст.— М., 1929.— С. 62.

⁴ Ванаг Н. К методологии изучения финансового капитала в России, Гиндин И. Ф. Некоторые спорные вопросы истории финансового капитала в России//Историк-марксист.—1929.— №12; Ванаг Н. О характере финансового капитала в России.— М., 1930; Он же. Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России.—М.—Л., 1931.

⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов.— М., 1930.—Т. 1.—С. 318, 332–335, 353, 359. Подробнее о дискуссии см.: Соколов В. Ю. История и политика.— Томск, 1990.— С. 132–147.

⁶ Историк-марксист.—1931.— №22; Ванаг Н. Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России.

⁷ Историк-марксист.—1932.— №4–5.— С. 356.

- ⁸ Экономическое развитие России/Сост. Н. Ванаг и С. Томсинский.— М.— Л., 1928-1929.—Вып. 1-2.
- ⁹ Ванаг Н. Ленин о военно-феодалном империализме царской России//Историк-марксист.—1934.— № 1.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5143.—Оп. 1.— Д. 255.—Л. 12. Авторханов занимался в семинаре С. А. Пионтковского, который характеризовал его так: «Живой и активный. Может и хочет работать. К работе относится добросовестно. Несомненно растет» (Л. 14).
- ¹¹ Тарновский К. Н. Указ. соч.—С. 56-57.
- ¹² К изучению истории.— М., 1937.— С. 22-23. Тезис о полуколониальной зависимости России от западноевропейских держав был канонизирован в «Кратком курсе истории ВКП(б)».
- ¹³ К изучению истории.— С. 21.
- ¹⁴ А. Э. Сальникова 15 мая 1937 г. была выслана из Москвы в Бугуруслан, там арестована как жена «врага народа» Ванага и пробыла 8 лет в лагерях.

«ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ...»

Передо мной два ряда следственных дел Евгении Соломоновны Гинзбург (1904-1977). На первом из них—1937 года— гриф «хранить вечно», на втором—1949 года — «секретно». В делах протоколы допросов Евгении Соломоновны Гинзбург в Казани и Магадане, обвинительные заключения, приговоры выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР и Особого совещания при МГБ СССР, письма и заявления осужденной, постановление Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 июня 1955 года о полной реабилитации Е. С. Гинзбург «за отсутствием состава преступления».

Книга «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности», написанная Евгенией Гинзбург, сразу принесла ей международную известность. Настолько, что иногда, представляя известного писателя Василия Аксенова, подчеркивали — это сын Евгении Гинзбург...

18 лет Евгении Гинзбург, столь жестоко и безыскусно описанных ею в «Крутом маршруте», — неслыханная трагедия поколений советских людей, ставших жертвой беззакония и произвола. Это — жизнь талантливого человека, прошедшего все круги ада, доказавшего, что физически человек может жить в неимоверно трудных условиях, но сохранить в них свою духовность дано не каждому. Евгении Гинзбург это удалось.

Признаюсь, начал читать протоколы допросов Гинзбург с предубеждением: насколько можно им верить? Соответствуют ли они тому, о чем писала Гинзбург много лет спустя, опираясь в основном на свою память?

Конечно, в протоколах нет описаний лагерно-тюремного быта, характеристик встреч Гинзбург с солагерниками и надзирателями, того огромного мира, что жил в те годы за колючей проволокой и с беспощадной точностью изображен в ее книге. Но они помогают реконструировать прошлое, раскрыть психологическое, нравственное противостояние двух миров: нормального, человеческого, разумного, желающего понять, за что арестовали? в чем состоит обвинение? И бездушно-неумолимой машины, с дьявольским упорством и изобретательностью влекущей свои жертвы на эшафот и за решетку.

О методике фальсификаций и приемах следствия и судебного расследования Гинзбург писала в письмах на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова (9 мая 1953 г.) и военного прокурора Главной военной прокуратуры полковника юстиции Васильева (12 февраля 1954 г.). Писала из Магадана, просила о реабилитации (оба письма-подлинника хранятся в делах).

Из протокола закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве 1 августа 1937 г.:

«Гинзбург Евгению Соломоновну подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет, с поражением политических прав сроком на пять лет, с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества. Срок отбытия наказания с зачетом предварительного заключения считать с 16 февраля 1937 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

В «Крутом маршруте» Гинзбург признавалась, что основной ее целью в течение восемнадцати лет заключения и ссылки было запомнить, чтобы потом описать. В письме же к сестре она оценивала силу своей памяти более скептически. «Мне трудно сейчас, спустя почти 18 лет, писать обо всей этой страшной сети, в которую я попала,— подчеркивала Евгения Соломоновна,— пытаться распутать эту сеть. Некоторые подробности я уже плохо помню, детали обвинений и допросов уже стерлись в сознании, травмированном всем последующим ходом событий—18-ю годами беспримерных и разнообразных страданий, физических и моральных». Она признавалась, что вспомнить все не может, «ведь мне не давали читать все «дело», с показаниями «свидетелей» я знакома была в отрывках. Может быть, так и еще что-нибудь есть».

Первый том (за № 2792, 137 пронумерованных листов) открывается постановлением 10 февраля 1937 г. об аресте Гинзбург. Младший лейтенант госбезопасности Царевский, составивший это постановление, решил: «Гинзбург Евгению Соломоновну, 1904 г. рождения, еврейку, гр. СССР, сотрудницу газеты «Красная Татария», исключенную из ВКП(б) в 1937 г. за к.-р. троцкистскую деятельность, проживающую по ул. Комлева, дом № 6, кв. 3,— арестовать, с производством у нее обыска по месту ее жительства, с привлечением ее к уголовной ответственности по ст. 58-10 ч. 1 УК, о чем ей объявить под расписку. Содержание под стражей избрать — внутренний изолятор УНКВД по ТР». Рукою Гинзбург: «Настоящее постановление мне объявлено».

Затем идет протокол обыска, в результате которого были изъяты 9 общих тетрадей с рукописями и 2 свертка разной переписки, анкета арестованной. И дальше — протоколы допросов. Первый из имеющихся в деле — 15 февраля 1937 г. Вел его капитан Веверс.

— Вы обвиняетесь в участии в контрреволюционной троцкистской организации и в активной троцкистской борьбе с партией. Признаете ли Вы себя в этом виновной?

— Не признаю. Никакой троцкистской борьбы с партией не вела. В троцкистской контрреволюционной организации не состояла.

Справка. Царевский Сергей Вячеславович, 1898 года рождения, русский. Родился в Казани, член партии с 1918 года, участник гражданской войны, образование высшее. 31 декабря 1937 г. Царевский был арестован в Казани за то, что «отстаивал контрреволюционную позицию врага народа Бухарина». Во время следствия заболел. Умер в тюремной больнице 2 мая 1938 г.

Веверс Ян Янович, 1899 года рождения, латыш, член тройки ТАССР с 1935 г. В послевоенное время министр Госбезопасности Латвии. Уволен из органов 12 марта 1963 г. Умер и похоронен в Риге.

16 февраля Гинзбург начал допрашивать лейтенант госбезопасности Ливанов. В анкете арестованной вместо «Дочь фармацевта» появилось «дочь торговца».

— Данные Вами показания следствию 15 февраля ложны, — начал Ливанов. — Следствию известно, что Вы являетесь членом троцкистской контрреволюционной организации и участницей активной троцкистской борьбы с партией. Признаете ли Вы себя в этом виновной?

— Я свое показание, данное мною следствию 15 февраля 1937 года, подтверждаю и виновной себя не признаю, категорически отрицаю.

— Что Вам известно о существовании в Казани контрреволюционной троцкистской организации под руководством Эльвова?

— О существовании в Казани контрреволюционной троцкистской организации под руководством Эльвова я не знала, узнала об этом после ареста Эльвова...

Ежедневные многочасовые допросы Гинзбург, отраженные в протоколах с 16 по 20 февраля 1937 года, касались

ее знакомств с Эльвовым, Корбутом, Ищенко и другими уже арестованными сотрудниками республиканской газеты, университета, педагогического института, Союза писателей, т. е. тех учреждений, где до ареста работала Евгения Гинзбург.

Диалог Гинзбург с лейтенантом Ливановым выглядел так:

— Вы продолжаете отрицать Ваше участие в деятельности контрреволюционной троцкистской организации?

— Категорически отрицаю.

— Вы продолжаете занимать линию запирательства. Следствие еще раз Вам напоминает, что в отношении Вас имеются неопровержимые доказательства в Вашем участии в контрреволюционной троцкистской организации. Следствие еще раз предлагает Вам продумать линию Вашего поведения и дать следствию искренние показания.

— В контрреволюционной организации не состояла. О существовании такой организации мне не было известно.

Тогда появились «доказательства»: это были свидетельства-оговоры арестованных и очные ставки с сослуживцами.

Эльвов, допрос 28 апреля 1935 г.: «Из работников редакции заслуживает внимания Евгения Гинзбург, с которой я был связан по работе и лично с осени 1932 года и буквально до момента своего ареста... Гинзбург тип ярко выраженной политической сплетницы, не знающей никакого удержания от вопросов обывательско-бытовых до крупно-политических».

Ищенко, допрос 10 июня 1936 г.: «Из участников контрреволюционной троцкистской организации мне известны следующие лица: Эльвов Н. Н... В большой дружбе с Эльвовым находилась Гинзбург Евгения — работала в редакции «Красной Татарии», член ВКП(б). Задача организации состояла в том, чтобы овладеть руководством культуры в Казани. В Казани троцкистскую организацию возглавлял Эльвов».

Справка. Эльвов Николай Наумович, 1901 года рождения, еврей, член партии с ноября 1918 г. В конце гражданской войны комиссар полка. Окончил Коммунистический университет им. Я. Свердлова в Москве и Институт красной профессуры. Профессор истории. Один из авторов четырехтомной истории ВКП(б), вышедшей в 1926-1930 гг. под общей редакцией Е. М. Ярославского. Последнее место работы — заведующий кафедрой истории Казанского педагогического института и профессор Казанского университета.

Арестован 10 февраля 1935 г. Расстрелян 15 сентября 1937 г. Реабилитирован 28 февраля 1958 г.

Ищенко Тимофей Семенович, 1903 года рождения, русский, член партии с 1920 г. Окончил Коммунистический университет им. Я. Свердлова в Москве и аспирантуру. В 1935 г. заведующий кафедрой философии Казанского университета, профессор. В 1935 г. был исключен из партии, перед арестом работал контролером Восточносибирской конторы заготзерно. Арестован 20 мая 1936 г. и этапирован в Казань. Осужден 21 сентября 1936 г. к 5-ти годам ИТЛ. Умер в заключении 1 декабря 1938 года. Реабилитирован посмертно.

Корбут Михаил Ксаверьевич, 1899 года рождения, поляк, член партии с 1919 г. Окончил Казанский университет, историк. Профессор Казанского университета и института советского права и советского строительства. Осужден 20 февраля 1933 года. Расстрелян 1 августа 1937 г. Реабилитирован 28 июля 1956 г.

Ранее следствие возглавлял младший лейтенант Бикчентаев. Это он устраивал Гинзбург очные ставки и прочно задержался в ее памяти как олицетворение невежества, хамства и солдафонства.

Справка. Бикчентаев Гарейша Давлетшиевич, 1902 года рождения, татарин, член партии с 1924 г. Окончил Казанский педагогический техникум и областную совпартшколу. В татаро-башкирской военной школе в Казани преподавал обществоведение. С 1931 г. в органах ОГПУ-НКВД. В 1937 г. младший лейтенант госбезопасности. 26 ноября 1937 г. арестован, «изобличен в принадлежности к контрреволюционной право-троцкистской националистической организации». По приговору Военного трибунала Приволжского военного округа приговорен к расстрелу в августе 1938 г. По кассационной жалобе приговор был изменен на 10 лет тюремного заключения, с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества. 22 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла решение о том, что Бикчентаев был осужден по сфальсифицированным материалам. В мае 1940 г. Бикчентаев был освобожден из Соловецкой тюрьмы и возвратился в Казань. Дальнейшая судьба Бикчентаева не выяснена.

Свидетели, названные в «Крутом маршруте», сотрудники редакции Н. Козлова, В. Дьяконов, А. Азовский, А. Крин-

кин, подтвердили мнение следствия о том, что в редакции существовала троцкистская группа и в нее входила Гинзбург. Позже в письме Ворошилову она писала, как «так называемый «свидетель» Дьяконов, подписывая дрожащей рукой клеветнические показания, сформулированные следователем, плакал горькими слезами, тут же, при следователе, умоляя простить его, так как он «не может сейчас погибать, потому что у него только что родился ребенок».

Итак, Гинзбург входила в эту мифическую троцкистскую организацию. Но что эта организация делала? Чего добивалась? Какова была в ней роль Гинзбург?

Для выяснения этого привлекли показания заместителя редактора газеты «Красная Татария» Сафы Вафовича Бургана. Из показаний Бургана 19 апреля 1937 г.: «У нас в редакции «Красной Татарии» между троцкистами... были разговоры о том, что ЦК партии установил невероятно тяжелый режим, который совершенно не допускает никакой критики вышестоящих партийных органов, руководителей и их решений. Мы были решительно против такого режима. В том числе имели в виду и центральный орган партии «Правду», которая пользуется неограниченным правом критики и которую другим критиковать не разрешается». В числе троцкистов значилась и Гинзбург...

Справка. Бурган Сафа Вафович, 1899 года рождения, татарин, член партии с 1920 г. Окончил Коммунистический университет народов Востока, журналист и литературный редактор. Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно.

21 октября 1949 г. Евгению Гинзбург арестовали вновь. В то время она жила на поселении в Магадане по адресу: Старый сангородок, корпус 2, кв. 21 вместе с приехавшим к ней сыном, будущим писателем Василием Аксеновым. В эту квартиру с обыском пришли лейтенанты Палий и Ченцов, забрали фотографии, личную переписку, записные книжки, удостоверение, заменявшее паспорт. «Имущество оставлено сыну Аксенову В. П.», — написала Гинзбург на протоколе обыска.

Во втором томе дела Гинзбург 43 страницы. Их основное содержание — протоколы допроса Гинзбург, проведенных лейтенантом Гайдуковым. «Второй мой арест длился только месяц, — писала Гинзбург в письме Ворошилову. — Никаких новых обвинений мне не предъявили, только переписали старые протоколы 37-го года, уточнив ряд фактических данных». Действительно, прошли годы, многое изменилось. Ее отец Соломон Натанович умер в Казани в 1938 г., мать — Ревекка Марковна, пенсионерка, теперь проживала

в Ярославской области, муж — Аксенов Павел Васильевич — был арестован и находился в заключении, старший сын — Алексей — погиб в 1942 г. при обороне Ленинграда, а младший жил с нею в Магадане и учился в 10 классе.

Гайдуков уточнил ее социальное происхождение: дочь торговца или фармацевта? за что исключили из партии? место работы перед арестом? Спрашивал о том, что ей известно о практической троцкистской деятельности лиц, осужденных вместе с нею в 1937 г. И получил ясный ответ:

— О троцкистской деятельности названных Вами лиц мне ничего не известно.

— Вам зачитывались показания арестованного троцкиста Сафы Бургана, которыми Вы изобличаетесь в троцкистской принадлежности. Вы подтверждаете их?

— Утверждение Сафы Бургана о том, что наше знакомство с ним носило характер троцкистских отношений, является ложным.

— Вы признаете себя виновной по существу предъявленного Вам обвинения?

— Виновной себя в предъявленном мне обвинении не признаю, потому что я никогда в троцкистской организации не состояла.

В конце дела — протокол об окончании следствия 15 ноября 1949 г. Следователь фиксировал, что Гинзбург, ознакомившись с материалами следственного дела, «следствие дополнить ничем не желает, жалоб, претензий и ходатайств не имеет». Тут же медицинская справка о том, что Гинзбург страдает пороком сердца, а потому годна к легкому физическому труду.

В 1953-1954 г. Гинзбург обращается в Президиум Верховного Совета, к министру внутренних дел, в Союзную прокуратуру с просьбой о пересмотре дела. В результате проверка ее дела была поручена военной прокуратуре Приволжского военного округа, по месту ее жительства в момент первого ареста. 12 и 13 октября 1954 года по поручению военного прокурора округа капитан юстиции Колесников встретился с бывшими сослуживцами Гинзбург, обвинившими ее в 1937 г. «в троцкистской деятельности». Протоколы допросов этих сослуживцев сохранились.

Дьяконов: «Свои показания от 9 и 19 апреля 1937 г. об участии Гинзбург в контрреволюционной группе... я не подтверждаю, так как об этом мне не было ничего известно. В то время сложилась такая обстановка, что Гинзбург вместе с другими была арестована и нам всем было объявлено, что она арестована как троцкистка и враг народа, и потому я считал, что она в действительности была

в контрреволюционной организации, а по существу мне, кроме хороших взаимоотношений Гинзбург с Эльвовым на службе, ничего не было известно и неизвестно и в настоящее время».

Кринкин заявил, что он «ничего не знает о существовании какой-либо контрреволюционной троцкистской группировки в редакции. В этой части мои показания от 14 апреля 1937 г. являются неправильными... Следователь Бикчентаев, который меня допрашивал, вел себя необъективно. Эти показания, которые имеются в протоколе от 14.4.37 г., я подписал потому, что в то время сложилась очень тяжелая обстановка и следователь утверждал, что все это материалом доказано». То же показали и другие бывшие свидетели обвинения.

Колесников, ознакомившись тогда с делами арестованных и их показаниями в отношении Гинзбург, нашел, что они не являются основанием для ее осуждения.

31 мая 1955 г. военный прокурор Главной военной прокуратуры капитан юстиции Герасимов, рассмотрев в надзорном порядке архивно-следственное дело по обвинению Гинзбург Е. С. и материалы дополнительного расследования, произведенного по данному делу в связи с жалобой осужденной, нашел, что «дополнительным расследованием установлены новые данные, которые подтверждают заявление Гинзбург о том, что осуждена она была по сфальсифицированным органами следствия материалам. При таких обстоятельствах, заключал он,— приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Гинзбург Е. С. не может оставаться в силе и по вновь открывшимся обстоятельствам подлежит отмене».

25 июня 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР постановила дело Гинзбург Е. С. прекратить, ее из спецпоселения освободить.

Расписка Евгении Соломоновны о том, что она ознакомлена с этим решением 3 августа 1955 г.

О своем «хождении по мукам» Евгения Гинзбург поведала в «Крутом маршруте». Можно сказать, она выстрадала право рассказать читателю о том, что случилось с нею и миллионами сограждан, о тех, кто прошел мученический путь. На собственной судьбе Гинзбург показала, как она, силою обстоятельств, из атеистки и большевички превратилась в верующую и антикоммунистку.

В книге почти нет ничего о потерянной специальности, крушении профессиональных планов и надежд, о дисквалификации историка-профессионала — ведь репрессировали не только людей, но и будущее науки, тех, которым еще

предстояло в ней активно работать. Евгения Соломоновна безусловно относилась к таковым.

Семья фармацевта Гинзбург переехала из Москвы в Казань в 1909 г. Евгения Соломоновна училась в частной женской гимназии, закончила советскую школу № 3, как тогда говорили,—2-й ступени. Осенью 1920 г. она — студентка факультета общественных наук Казанского университета. Однако через два года ФОН в университете закрывается, и Гинзбург переводится на 3-й курс общественного отделения (со специализацией по истории) Казанского Восточно-педагогического института, выпускницей которого стала в июне 1924 г. Некоторое время она преподавала обществоведение слушателям тюрко-татарского рабфака, ученикам экспериментальной школы при пединституте, работала ассистентом кафедры истории Западной Европы в Татарском коммунистическом университете.

В 1925-1930 гг. Гинзбург — ассистент кафедры методики преподавания истории в Казанском Восточно-педагогическом институте. Работала под руководством профессора Сергея Платоновича Сингалевича¹. Она много писала, увлеченно занималась проблемами преподавания в школах Франции и Германии, краеведением. В журнале «Обществоведение в трудовой школе» (1928.—№ 1; 1930.—№5-6) увидели свет ее статьи «Преподавание истории в средней школе современной Франции» и «К вопросу о преподавании общественных дисциплин в средней школе Германии (о методической платформе «Союза решительных реформаторов»)». Тон ее статей достаточно критичен: во французских программах опущен факт революций 1905 г. и 1917 г., в немецких — господствует «надклассовая фразеология»; однако, замечает она, в Германии и Франции «даже в условиях бюрократически-централизованного школьного аппарата, учительство прокладывает новые пути, ведет борьбу за новую постановку преподавания истории» (1928.—№ 1.—С. 57).

В перечне публикаций Евгении Гинзбург значатся методические разработки для учителей: «Изучение Октябрьской революции в школе II ступени» (Казань, 1927.—20 с); «Дворянская Казань. Экскурсионно-методический очерк» (Казань, 1927.—23 с); «Современная деревня в школьном изучении. Опыт обществоведческой проработки» (Казань, 1927.—15 с); «Программа по обществоведению для II-го центра школы II-й ступени» (Казань, 1927.—18 с. Совместно с А. Д. Шаниро).

Вскоре Гинзбург с ее живым, инициативным умом

стало казаться, что вне практической работы ее занятия методикой бесперспективны. В автобиографии, написанной при поступлении на работу в Казанский университет, она указала, что, будучи по образованию педагогом-историком, «с конца 1929 г. отошла от работы в области методики истории, так как за последние два года мне стало ясно, что эта работа особенно больших горизонтов не откроет, так как нельзя заниматься методикой, не ведя научной и педагогической работы в области самого предмета. С этого времени я начинаю преподавание в вузах по истории ВКП(б) и ленинизму»².

В 1930-1933 гг. Гинзбург преподавала историю ВКП(б) во ВТУЗе при мыловаренном заводе им. М. Вахитова, затем перешла на работу в университет. 13 июля 1933 г. директор университета профессор Н. Б. Векслин просил обком ВКП(б) утвердить Е. С. Гинзбург доцентом социально-экономической кафедры и «закрепить ее за КГУ, как штатного работника». Через несколько месяцев Векслин подписал представление в сектор университетов Наркомпроса РСФСР об утверждении Гинзбург в звании доцента по кафедре истории ВКП(б) и ленинизма. Представление сопровождалось подробной характеристикой, которая начиналась со свидетельства о благонадежности: «Тов. Гинзбург — член партии, по-большевистски увязывающий свою научно-педагогическую работу с повседневным активным участием в работе Татарской партийной организации. Тов. Гинзбург в течение 8 лет ведет работу в казанских вузах — сначала в качестве ассистента (в звании ассистента педвуза была утверждена ГУСом), а затем в качестве самостоятельного преподавателя. В казанском гос. университете тов. Гинзбург уже третий год самостоятельно ведет курс истории ВКП(б) и ленинизма. За это время Гинзбург проявила большое педагогическое мастерство и умение заставить студентов поработать и усвоить материал. В первые годы своей научно-педагогической работы тов. Гинзбург работала в области методики истории. За этот период ею был написан ряд статей по вопросам преподавания истории и политического воспитания в школах современных капиталистических стран. Тов. Гинзбург работала над немецкими и французскими материалами... За последние годы тов. Гинзбург участвует в научно-исследовательской работе казанского института марксизма-ленинизма. Ею подготовлен материал (1-1,5 печатных листа) для 1-го тома «Истории Татарии», издаваемой исторической секцией института марксизма-ленинизма (сдано в печать). Тов. Гинзбург приняла участие в составлении стабильного учебника по исто-

рии Татарии, написав главу «Татария в революции 1905-1907 г.» (сдано в печать). В настоящее время тов. Гинзбург работает в Истпартодделе обкома ВКП(б), подготавливая к печати статью «Казанская партийная организация в период 7-го съезда партии до чехоучредилловской интервенции» (для сборника «Татарская партийная организация в 1918 г.»). На основании всего изложенного дирекция КГУ просит об утверждении Е. С. Гинзбург в звании доцента»³.

8 апреля 1934 г. Е. С. Гинзбург была утверждена в звании доцента по специальности истории ВКП(б), а с 25 мая 1934 г., в связи с образованием самостоятельной кафедры по истории ленинизма, стала исполнять обязанности заведующего этой кафедрой. Но осенью 1935 г. Гинзбург вынуждена была покинуть университет⁴.

Личные дела Е. С. Гинзбург, хранящиеся в архивных фондах Казанского университета и пединститута, ее научные публикации — подтверждение талантливости историка, одного из тех, чья творческая судьба была грубо растоптана.

* * *

¹ Сингалевич С. П. (1887-1954). В 1938 г. был арестован в связи со своим эсеровским прошлым, был вынужден назвать всех своих знакомых, в том числе и Гинзбург, членами несуществующей организации (последствий для Е. С. это не имело, т. к. к тому времени она была уже осуждена).

² ЦГА РТ.—Ф. 1337. — Оп. 31.—Д. 55.—Л. 18. Личное дело Е. С. Гинзбург.

³ Там же.—Л. 5.

⁴ В 1952 г. по просьбе ссыльной Гинзбург ей было послано свидетельство о том, что с сентября 1935 г. она работала в Казанском университете в должности доцента по истории ВКП(б) и ленинизму.—ЦГА РТ.—Ф. 1337. — Оп. 31.—Д. 55.—Л. 35.

РЕВОЛЮЦИОНЕР ИЛИ ИСТОРИК?

В книгах о Николае Михайловиче Лукине (1885—1940) — биографические данные, анализ творчества ученого, рассказ о его общественной деятельности¹. Он родился 21 июля 1885 г. в московской учительской семье, учился на историко-филологическом факультете Московского университета, с 1915 г. служил приват-доцентом университета. В 1918 году Лукин был избран членом Социалистической (позже Коммунистической) Академии, а в 1929 г. — действительным членом АН СССР. Назначен директором института истории Коммунистической академии (с 1932 г.), редактором журнала «Историк-марксист» (с 1935 г.), директором института истории АН СССР (с 1936 г.).

В личном листке по учету кадров, составленном в марте 1930 г., значилось, что Лукин знает французский, английский, греческий и латынь, участвовал в работе международных конгрессов историков, в 1936 г. он сообщал, что является автором 6 монографий и 51 статьи (это только те, что были признаны им в качестве основных)².

Следуя советской историографии, И. С. Галкин даже в названии своей книги о Лукине на первое место поставил его революционную, а не научную деятельность. Представлялось, что это свидетельство о благонадежности, верности режиму. Действительно, Лукин был большевиком с 1904 года, выступал в качестве партийного пропагандиста, сотрудничал в «Социал-демократе» и «Правде». В 1923 г. он написал марксистский учебник для вузов и губсовпартшкол по новой истории³. В 20-е годы он не занимал столь высоких административных постов, как М. Н. Покровский, но был таким же законодателем в области изучения зарубежной истории, как Покровский — в исследовании отечественной.

Открывая следственное дело № 20642, я полагал, что скорее всего Лукин был арестован как родственник Бухарина или потому, что его научные выводы не совпадали с конъюнктурными требованиями момента. Ознакомясь с делом, понял, что все сложнее.

Лукина арестовали 22 августа 1938 года. На справке об аресте Лукина — примечание: «Арест согласован по

телефону с тов. Вышинским. 21.8.38 г.» Тогда же на его квартире, в служебном кабинете и на даче был произведен обыск. На квартире (Ленинградское шоссе, д. 40, кв. 16) два опера НКВД Соболев и Краснобаев изъяли партийный и профсоюзный билеты Лукина, паспорт, записные книжки, письма, 25 папок с рукописями. Все это вместе с арестованным доставили на Лубянку. Заполнили анкету арестованного: академик, ответственный редактор журнала «Историк-марксист», русский, член ВКП(б) с 1904 г. Жена — Татьяна Николаевна, преподаватель английского языка в военно-воздушной академии.

Лукина ознакомили со справкой-обоснованием его ареста. Она сплошь состояла из оговоров, выбитых из знавших академика людей. Активно допрашивали Лукина следователи Конкин, Пантелеев и Кошелев.

«Арестованный Н. Н. Ванаг (январь 1937 г.): «Знаю Лукина Н. М. как участника троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации. По своей к/р деятельности Лукин был связан со следующими, известными мне террористами: Томсинским, Зайделем, Фридляндом и мною, Ванагом... Мне известно, что Лукин вел активную к/р деятельность в институте комакадемии, возглавлял террористическую группу из числа научных сотрудников историков-западников»⁴.

«Арестованный С. Г. Томсинский показал (июнь — июль 1936 г.): «Мне известно, что Лукин был организационно связан с Ванагом и Фридляндом и что он является убежденным сторонником Троцкого»⁵.

«Арестованный Г. С. Зайдель: «Я подозреваю, что для связи с зарубежными к/р группами использовался академик Лукин Н. М., часто бывавший за границей на различных конгрессах и съездах»⁶.

«Профессор Е. Б. Пашуканис: «Мне известно от Милютина в 1935 г., что взгляды правых разделяет и входит организационно академик Лукин»⁷.

«Профессор Кунин Д. Г.: «Несмотря на то, что Лукин — член ВКП(б), он целиком и полностью разделяет установки правых по борьбе с руководством ВКП(б)... Запасной центр правых был создан в составе Фрумкина, Лукина, Фигатнера, Мельничанского и Михайлова... Возвращение к капиталистической системе — вот кредо Н. М. Лукина»⁸.

Лукин понял, что обвиняется в терроризме и сотрудничестве с правыми, т. е. с Бухариным и другими. Но ведь Бухарин был расстрелян 13 марта 1938 г. Почему вновь вспомнили о связях с правыми — ведь публичный процесс

над ними был завершен несколько месяцев назад и газеты трубили об их полном разгроме?

24 августа 1938 г., после первых допросов, Лукин оказался во внутренней тюрьме НКВД. К нему в камеру посадили стукача из арестованных. Тот докладывал следователю Конкину, что Лукин категорически отрицает обвинения в терроризме, но его «отношение к Советской власти враждебно».

Между тем Лукина продолжали знакомить с протоколами допросов уже погибших его сослуживцев, где содержались вымышленные обвинения в его адрес. Одни не выдерживали пыток и подписывали все, что им предлагалось, другим достаточно было одного вызова на Лубянку, чтобы дать «нужные» показания, третьи охотно делали это по доброй воле. Напуганная Ц. Я. Шапиро «вспомнила», что всегда Лукину не доверяла. А. Г. Медведева, сотрудник института (в 1918—1923 гг. служившая в ВЧК) показывала: «После убийства Кирова были арестованы как враги народа большое количество сотрудников института истории: Анатольев (бывший секретарь парткома), Парадизов (член парткома), Зельцер, Рубач, Ваног, Пионтковский, Фридлянд, Далин, Дубровский, Бибилова, Попов, Забиров, Фролов и др. Лукин как директор института вызывал политическое недоверие... Недавно ко мне пришел сотрудник археографического сектора института Попов и сообщил, что в археографическом секторе существует группа очень связанных между собой людей — Мороховец, Сперанский, Рожкова, Устюгов. Эта группа ведет себя замкнуто, близко стоит к Волгину и в свое время была близка с троцкистом Невским... По словам Попова, эта группа настроена резко антисоветски».

В следственном деле отсутствуют протоколы первых допросов Лукина. Наверное, сначала он сопротивлялся как мог, отрицал оговоры, подчеркивая их вздорность. Но, пройдя свой крестный путь, Лукин сломался. 9 октября 1938 г. он стал давать «признания»: «Большевиком я никогда не был, ... был в группе т. н. «левых коммунистов» (т. е. вместе с Бухариным)... На путь активной борьбы с советской властью я встал в 1928 г., когда был завербован в организацию правых Бухариным... С Бухариным мы знакомы с детства, а после Октябрьской революции одно время жили в одной семье... Бухарин дал мне задание подготавливать кадры для организации правых. Во исполнение этого Рязанов и я, Лукин, в 1929—1930 гг. решили организовать при Академии наук «особый институт истории», где воспитывать свои надежные кадры для успешной

борьбы с партией. Рязанов высказывал предложение привлечь к этому делу также специалистов: Грушевского, Платонова и других... Инициатором помещения статьи Слуцкого в «Пролетарской революции» была троцкистская группа Фридлянда».

Называя фамилии, Лукин, видимо, знал, что этих людей, с которыми он вместе работал, уже нет в живых. Таким образом, он фактически оговаривал себя, признавая свою связь с «врагами народа».

16 ноября 1938 г. следователь Пантелеев объявил Лукину об окончании следствия⁹. Но в начале декабря у Лукина от невыносимых переживаний случился инфаркт. Пока он лежал в тюремной больнице, двое стукачей из арестованных сострепали заявление, что Лукин полностью не разоблачился. Следствие возобновилось — теперь уже с целью уличить больного ученого... «в шпионской деятельности».

Чуть-чуть оправившегося от болезни Лукина вызвали на допрос 19 января 1939 г. Обвинение в шпионаже Лукин отверг: «Шпионской работой я никогда не занимался, прошу мне верить как человеку, раскаявшемуся в своих преступлениях». Ему сообщили, что следствие по его «делу» завершено и что он обвиняется в участии в «антисоветской правотроцкистской организации и проводил антисоветскую и террористическую работу, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР». Через день, 21 января 1939 г., младший следователь Кошелев решил, что раз обвинение предъявлено, то вещественные доказательства (папки с рукописями Лукина, книги Зиновьева, Осинского, самого Лукина из его библиотеки) «не имеют ценности», и подписал акт об их уничтожении.

24 января 1939 г. обвинительное заключение, где отмечалось, что «вещественных доказательств по делу нет», утвердил начальник следственной части Кобулов.

Судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу Лукина состоялось только 26 мая 1939 г. Председательствовал военюрист Алексеев, в качестве членов — его замы, Детисов и Дмитриев. Заседание началось в 13.00 в помещении военной коллегии в Москве (ул. 25 Октября, д. 23). Председатель огласил обвинительное заключение, особо подчеркнув: «Подсудимый Лукин виновным себя признал, но отрицает предъявленный ему пункт обвинения по вопросу практической подготовки террористических актов против руководства партии и советского государства».

Лукин заявил, что Бухарин — его двоюродный брат,

что его сестра была женой Бухарина и «признался»: «В период 1928—29 гг. я читал лекции в МГУ по истории империализма в Западной Европе, протаскивая бухаринскую трактовку, выбрасывая ленинскую критику империализма в Западной Европе».

Председатель суда этим не удовлетворился. Он пытался доказать причастность Лукина к терроризму, пользуясь его «признаниями» во время следствия.

Председатель: Осведомлял вас Ванаг о том, что он, будучи вызван на прием к Сталину, вооружился револьвером на предмет убийства т. Сталина?

Лукин: Этого он мне не говорил.

Председатель зачитывает соответствующие показания Ванага.

Лукин: Эти показания являются вымышленными. В Кремль мы ехали вместе с Бубновым, от которого узнали, что принимать нас будет не Сталин, а Жданов, а потому Ванаг, зная, что Сталин нас принимать не будет, говорить об убийстве его не мог...

Председатель: Вы знали Кунина?

Лукин: Кунин бывший муж моей первой жены. Познакомились мы с ним в 1936 году на елке у моей дочери... Об убийстве тов. Сталина я с ним не говорил, да в условиях праздника (на елке) мы об этом говорить не могли.

Председатель: Вы сидели в камере с Адамовичем?

Лукин: Да, сидел.

Председатель: Что вы ему говорили?

Лукин: Я ему рассказал, что в своих показаниях следственным органам наклеветал на себя, о чем искренне раскаиваюсь...

Член суда Детисов: Когда вы порвали связь с Бухариным?

Лукин: Бытовые связи были мною порваны в 1930 г., служебные — с 1936 г. ...

Как видим, на суде пришедший в себя Лукин держался достойно. В своем последнем, заключительном слове он сказал: «Я прошу суд учесть, что ввиду моего болезненного состояния я не мог терпеть физического воздействия, вследствие чего я наклеветал на себя и оговорил других, Я не хотел бы уйти из жизни, не доказав того, что я не совершил такого обвинения, которое мне предъявлено. Я признавал и признаю, что я колебался от Генеральной линии партии ВКП(б), не верил в победу колхозного строительства, этим самым я теоретически сочувствовал «правым», ...

но я практически никакого задания этой организации не выполнял».

В 14.00 суд удалился на обед и совещание. В 15.30 был оглашен приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей, 5 лет лишения всяких политических прав после отбытия в концлагере и конфискация всего лично Лукину принадлежащего имущества.

Скитания Лукина по концлагерям продолжались недолго. 16 июля 1940 года он умер от второго инфаркта,— не выдержало измученное сердце.

Прошли годы. Память о Лукине стала меркнуть, его труды были изъяты из библиотек общественного пользования приказом по цензуре от 8 декабря 1938 г. Из партии он был исключен еще 26 августа 1938 г. как арестованный органами НКВД. Никто и не подумал заступиться за своего директора, которого еще недавно спешили приветствовать и чье мнение считали главным в решении рабочих и научных вопросов.

19 мая 1956 года в главную Военную прокуратуру страны обратилась Мария Соломоновна Маркович. Она сообщала, что знала Лукина с 1922 г. и хотя брак между ними не был формально зарегистрирован, но гражданская совесть заставила ее обратиться с просьбой пересмотреть дело погибшего в лагерях историка.

Медленная машина реабилитации начала свой ход. Следствие стало собирать материалы о Лукине, изучались «признания», содержавшие оговоры-обвинения в его адрес. Из Центрального партийного архива запрашивались биографические данные Лукина, из библиотек — его основные научные труды. Следователь выяснил, что все оговорившие Лукина либо реабилитированы, либо их «дела» находятся в стадии реабилитации.

25 января 1957 года следователь пригласил Ц. Я. Шапиро, свидетельницу по «делу» Лукина. Она заявила о том, что работала с Лукиным с 1934 г., что врагом советской власти он не был, что в 1937 году, боясь ареста, говорила о Лукине как «непартийце» и лишь позже убедилась, что Лукин врагом не был. Письменный отзыв о Лукине представила 24 января 1957 г. член-корреспондент АН СССР М. В. Нечкина. «Могу засвидетельствовать,— писала она,— что Н. М. Лукин всегда выступал как подлинный большевик... Арест его вызвал сожаление и недоумение в среде сотрудников Академии,— никто не мог ни понять, ни предположить причины... Он был подлинным историком-исследователем, всегда основательно изучающим документальный материал».

16 марта 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Н. М. Лукина ввиду полного отсутствия в его действиях состава преступления.

Теперь обратимся к творчеству Лукина. Еще в 1919 г., в самый разгар гражданской войны, была издана его книга о Робеспьере. Если отнестись к ней как к попытке историческими событиями объяснить настоящее, то обнаружится множество аналогий¹⁰.

В своей книге Лукин характеризовал жирондистов как соглашателей, неспособных руководить движением, восхищался якобинцами, хотя и критиковал за нерешительность на первых этапах революции. Параллели были весьма очевидными. Оказывается, смертной казни требовали еще жирондисты и иностранные посланники (в России: кадеты, соглашатели эсеры и меньшевики и интервенты). То есть террор якобинцев, как и красный террор большевиков был вынужденной ответной мерой. Они прибегли к нему в ходе гражданской войны, чтобы самим не стать жертвами белого террора, а также потому, что «без применения организационного насилия к жирондистско-монархической коалиции якобинская республика, стиснутая кольцом внутренних и внешних врагов, погибла бы неминуемо»¹¹.

Лукин утверждал, что инициатива террора исходила от народа, парижских секций и народных обществ. Не стоило бы заниматься критикой старых работ Лукина, но нельзя не упомянуть, что Н. Молчанов привел сведения о социальном составе жертв якобинского террора в 1792—1793 гг.: дворян — менее 9%, крестьян—28%, рабочих — 30%¹². В России красный террор карал прежде всего крестьян. Так кто же «враги народа», если террор обрушился главным образом на представителей народа?

Лукин воспевал террор якобинцев и в последующих своих работах. Он исходил из положения ленинской статьи «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Великие буржуазные революционеры Франции... сделали свою революцию великой посредством террора против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов!» и пытался подтвердить его фактами¹³. Выводы Лукина, основанные на высказываниях Маркса, Энгельса и Ленина, сводились к тому, что «без установления твердых цен и системы реквизиций излишков хлеба и мяса якобинское правительство не смогло бы снабжать продовольствием ни своей полуторамиллионной армии, ни тех городских санкюлотов, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией в 1793—1794 гг.»¹⁴. Здесь было оправдание

и деятельности продотрядов, и продразверстки, и других экстремальных мер, предпринятых большевиками в годы гражданской войны.

Подобных же взглядов Лукин придерживался и в вышедшей несколькими изданиями книге о Парижской коммуне 1871 г., где упрекал коммунаров в пассивной обороне и излишней совестливости, которые и стали причинами их поражения.

В 1928 году по рекомендации М. Н. Покровского Лукин был выдвинут в действительные члены Академии наук, Но когда в январе 1929 г. на общем собрании академиков состоялось голосование, выяснилось, что кандидаты-коммунисты А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче не получили нужного числа голосов. Этот результат получил общественный резонанс и был оценен как оппозиционный акт. 5 февраля 1929 г. Луначарский выступил в «Известиях» с угрозами в адрес академиков: «Наше время — эпоха очень серьезная, огненная, и с огнем этим не рекомендуется шутить никому. Даже людям, убеленным самыми почтенными сединами и украшенными знаками отличия, приобретенными за научные заслуги. Даже в том случае, если эти научные заслуги находятся вне всякого сомнения и признаются представителями революционной мысли». 13 февраля 1929 г. состоялась перебаллотировка, под сильным давлением Деборин, Лукин и Фриче были избраны академиками.

Лукин считал важным выработку целостного марксистского мировоззрения. Став у начала такого общего издания, как «Всемирная история», он писал о важности систематизации истории прошлого человечества в хронологической последовательности¹⁵. Эти взгляды Лукин защищал в докладах и на международных конгрессах и многочисленных дискуссиях отечественных историков. Весной 1930 г. в институте истории Коммунистической академии состоялась дискуссия по поводу статьи Г. Зиновьева об истории германской социал-демократии, опубликованной в 16-м томе Большой Советской Энциклопедии. Лукин был среди тех, кто критиковал Зиновьева за игнорирование оппортунизма в германской социал-демократии, приукрашивание «левизны» Каутского¹⁶. По мысли Лукина, важен не поиск истины, а то, насколько материал подтверждает высказывания классика. Такой подход был характерен для тогдашнего состояния исторической науки, и Лукин не был исключением.

В конце 1930—начале 1931 гг. были проведены дискуссии «Буржуазные историки Запада в СССР» и «Положение и задачи западноевропейского научного фронта», Лукин

принял в них активное участие. Собственно, в те годы не было ни одной научной конференции, посвященной новой и новейшей истории Запада, на которых Лукин не выступал бы с основным докладом либо с заключительным словом.

В конце декабря 1928 г.— начале 1929 г. в Москве состоялась первая всесоюзная конференция историков-марксистов. Лукин выступил с докладом «Проблемы изучения эпохи империализма». Его основной вывод: «Эпоха империализма характерна как раз тем, что процесс подтягивания стран отсталых к передовым странам совершается с головокружительной быстротой» — вызвал полемику, а затем и осуждение¹⁷.

Во время дискуссии «Буржуазные историки Запада в СССР» (декабрь 1930 г.) Лукин, наряду с другими, требовал критики немарксистских идеологических воззрений. Это необходимо потому, подчеркивал он, что часть буржуазных историков выступила против коллективизации, а некоторые «стали деятельными участниками антисоветских организаций, вроде академиков Тарле или Платонова». Лукин призвал к разоблачению «целого ряда буржуазно-исторических концепций, особенно концепций тех историков, которые оказались связанными с контрреволюционными и вредительскими организациями». Разумеется, он предлагал всячески поддерживать ту группу беспартийных историков, которые связали свои судьбы с пролетарским государством. Предметом его резкой критики стали работы профессоров Виппера, Петрушевского, Кареева, Тарле. Лукин потребовал консолидации марксистских кадров историков и их беспощадной борьбы со всем чуждым марксизму-ленинизму. Никто из раскритикованных не сказал ни слова. Тем не менее, Лукин подчеркнул важность этой «дискуссии», которая стала началом «разоблачения классовой сущности тех или иных представителей буржуазной исторической науки»¹⁸.

В феврале 1931 г. кафедра истории международного рабочего движения и Коминтерна международной ленинской школы начала обсуждение состояния исторической науки, исходя из того, что «направление всей проделанной в прошлом работы решительно не отвечало тем задачам, которые поставила партия перед коммунистами-историками Запада». Во время обсуждения были слышны требования «проработки» отдельных историков. Готовя стенограмму выступления, Лукин сделал характерную вставку: «Заканчивая свой доклад,— писал он,— я выражу пожелание, чтобы участники предстоящих прений, ведя решительную,

непримиримую борьбу со всеми антиленинскими установками в наших исторических работах, не превращали большевистской самокритики в огульное обвинение некоторых товарищей, в отрицание всего того действительно ценного, что было сделано по линии истории Запада. Иначе составление каталога наших прегрешений может в значительной степени заслонить основную задачу дискуссии — задачу помочь решительному повороту историков Запада в сторону обслуживания политических требований партии и Коминтерна»¹⁹.

С одной стороны, Лукин был против «проработок», с другой — клялся в верности политическому курсу правящей партии. Лукин принимал меры самозащиты. В стране шли политические судебные процессы над представителями научной интеллигенции. Редактируемый им журнал «Историк-марксист» подвергался резкой, разносной критике, вышло постановление ЦК ВКП(б) о задачах научных работников (март 1931 г.), в котором подчеркивалась задача борьбы за партийность и непримиримость к враждебным марксизму течениям. Президиум Комакадемии принял резолюцию «О положении и задачах на фронте истории Запада», в которой, наряду с Г. Е. Зиновьевым, в политических ошибках обвинялись В. П. Волгин, Лукин и Ф. А. Ротштейн. Лукин, наверное, знал о письме Покровского (16 июля 1931 г.) в котором выражался решительный протест против критической части проекта резолюции, «ибо там возводятся на всех известных и занимающих руководящие теоретические посты старых товарищей чудовищные обвинения без малейшей попытки эти обвинения обосновать...» Ведь именно Покровский незадолго до этой резолюции подчеркивал: «По Парижской Коммуне 1871 года мы имеем единственную в мировой литературе строго марксистскую работу... Лукина»²⁰.

По-видимому, Лукину все это казалось недостаточным. Он опубликовал статью «За большевистскую партийность в исторической науке. К итогом дискуссии на западном участке исторического фронта»²¹. В ней критиковалась и по существу отвергалась буржуазная историография (особенно социал-демократическая) за доказательство «вечного существования капитализма», самокритично отмечалось отставание «западного участка исторического фронта» в области изучения послевоенного периода в методологии.

В 1933 г. на VII Международном историческом конгрессе в Варшаве Лукин активно защищал методологические основы марксизма и их роль в развитии исторической

науки, «разоблачал» Каутского и его понимание империализма. В 1934 г. решением Совнаркома он был назначен редактором учебника по новой истории, вошел в состав главной редакции Большой Советской Энциклопедии.

27 февраля 1936 г. Лукин, первый директор только что созданного института истории АН СССР, выступил перед сотрудниками с программной речью. Он указал, что открытие института связано с партийными и правительственными постановлениями о преподавании истории и развитии исторической науки. «Эти мероприятия,— говорил он,— начались... реформой преподавания в начальной и средней школе, созданием истфаков в Ленинграде, в Москве, а затем и в Саратове, следовательно, надлежащей постановкой исторического образования в нашем Союзе, полной революцией в подготовке кадров. Но все эти мероприятия были бы незавершенными, если бы они не коснулись также исторических научно-исследовательских учреждений»²².

Среди рукописей, сданных сотрудниками института в печать в 1937 году, были «Хрестоматия по новой истории» (ч. 1), под редакцией Лукина и А. В. Ефремова; сборник материалов «Варлен (жизнь и деятельность)» под редакцией Лукина; были запланированы историографические сборники, учебник по новой истории для вузов. Планы остались нереализованными. Сочетание большевистской революционности и верности научным принципам оказалось бесперспективным.

¹ Лукин Н. М. Избранные труды в 3-х томах. 1960.—Т 1; Европа в новое и новейшее время / Сб. статей памяти академика Н. М. Лукина.— М., 1966; Галкин И. С. Н. М. Лукин — революционер, ученый.— М., 1984; Дунаевский В. А., Цфасман Л. Б. Николай Михайлович Лукин.— М., 1987.

² Архив АН России.—Ф. 350.—Оп. 3.—Д. 231.—Л. 9-12; ЦГАОР.—Ф. 5143.—Оп. 1.—Д. 450.—Л. 1-2.

³ Лукин Н. (Н. Антонов). Новейшая история Западной Европы.— М., 1923.— Вып. 1.

⁴ Профессор Н. Н. Ваняг был расстрелян 8 марта 1937 г.

⁵ Профессор С. Г. Томсинский был расстрелян в 1937 г.

⁶ Профессор Г. С. Зайдель был расстрелян в 1937 г.

⁷ Профессор Е. Б. Пашуканис был расстрелян 4 сентября 1937 г.

⁸ Профессор Д. Г. Кунин был расстрелян 1 августа 1937 г.

⁹ Еще до этого С. Зинич поспешил заявить: «Враги народа — Фридлянд и К°, а потом Лукин — долго вредительски срывали работу над учебниками... Вредителем Лукиным усиленно насаждалась «теория», что Институт истории АН СССР не должен заниматься учебниками, что это — дело самих школ, в лучшем случае — дело отдельных сотрудников Института». — Историк-марксист.—1938.— № 6.— С. 200.

¹⁰ Лукин, позже (в 1934 г.) написавший специальную статью «Ленин и проблема якобинской диктатуры», знал, что Ленин видел во француз-

ском опыте 1789 г. и 1871 г. «ценнейший материал для проверки стратегии и тактики русского и международного пролетариата в его настоящих и будущих революциях». — См.: Лукин Н. М. Избранные труды. — М., 1960. — Т. 1. — С. 322.

¹¹ Там же. С. 68-69, 112.

¹² Молчанов И. Монтаньяры. М., 1989. — С. 52.

¹³ Лукин Н. М. Избранные труды. — Т. 1 — С. 366.

¹⁴ Там же. — С. 125.

¹⁵ Там же. — Т. 3. — М., 1963. — С. 432.

¹⁶ Историк-марксист. — 1931. — Т. 18-19. — С. 128.

¹⁷ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. — М., 1930. — Т. 2. — С. 49; Резолюция президиума Коммунистической академии о положении и задачах на фронте истории Запаदा // Пролетарская революция. — 1931. — № 4-5. — С. 184.

¹⁸ Историк-марксист. — 1931. — Т. 21. — С. 44-47, 86.

¹⁹ См.: Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941 гг. — М., 1974. — С. 317-318.

²⁰ См.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. — М., 1970. — С. 100, 253.

²¹ Историк-марксист. — 1931. — Т. 22. Обстановку дискуссий характеризует стенографический отчет заседания Президиума коммунистической академии 28 мая 1931 г. Вот несколько фрагментов из выступлений Лукина: «Ведь если бы мы согласились с тов. Фейгельсоном, который говорил, что Лукин, Фридлянд, Зайдель и вся компания только сейчас сделали попытку приступить к изучению довоенного империализма и на деле ничего, кроме навоза, здесь нет, то оргвыводы напрашиваются сами собой, потому что нельзя оставлять этих людей у руководства...». Дискуссия «очень часто сводилась к вылавливанию отдельных ошибок у отдельных товарищей, поскольку целый ряд участников дискуссии ставил своей важнейшей и первой задачей потопить того или иного товарища, нанизав ему побольше ошибок...» — Архив АН России. — Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 423. — Л. 8, 13. Лукин предлагал, «чтобы участники... прений, ведя решительную, непримиримую борьбу со всеми антиленинскими установками в наших исторических работах, не превращали большевистской самокритики в огульное обвинение некоторых товарищей, в отрицание всего того действительно ценного, что было сделано по линии истории Запада». — Дунаевский В. А. Указ. соч. — С. 317-318. Однако, готовя материалы для дискуссии к публикации уже после выхода письма Сталина, Лукин убрал это пожелание из текста, так как всякое противодействие «разоблачениям» стало расцениваться как проявление «гнилого либерализма».

²² Дунаевский В. А. Указ. соч. — С. 320-321.

ПРОТИВ НОСТРАДАМУСОВ XX ВЕКА

Владимир Иванович Невский (Феодосий Иванович Кривобоков. 1876-1937) известен как участник революционного движения в России, пропагандист ленинизма, историк, директор библиотеки имени Ленина¹. Он считал себя членом партии с 1897 года, со времени работы в ростовском социал-демократическом кружке, в автобиографии писал не о научных изысканиях, учебе на естественном факультете Московского университета, а о партийной работе в разных городах страны, встречах с Лениным и другими российскими эмигрантами в Женеве, арестах, ссылках, побегах. С 1903 г. «примкнул к большевикам, никогда не уходил из партии, был профессионалом, все время работал в подполье, ...перенес множество обысков и арестов, устроил в 1903 г. нелегальную типографию, ...много писал в нелегальной (до 1917 г.) и в легальной прессе, ...в общем же нес всегда работу рядового работника», и как лучшие минуты жизни он вспоминал жизнь впроголодь, по фальшивым документам, но с верой и энтузиазмом².

Ленин видел в Невском надежного и верного сподвижника. После Октября 1917 г. тот некоторое время входил в состав Советского правительства, даже занимал пост наркома путей сообщения. Затем в разные годы он — член президиума ВЦИК, ректор Свердловского университета, заведующий отделом по работе в деревне при ЦК, член десятков комиссий и коллегий, делегат многих партийных и советских съездов и конференций.

С 1920 года Невский стал активно работать в Истпарте, недолго возглавлял его Петроградское бюро и редактировал журнал «Красная летопись». «Я ...будучи по образованию математиком,— писал он,— уже после окончания математического факультета посвятил себя очень узкой специальности — истории революционного движения в России и связанной с ним библиографии»³. В феврале 1925 г. Невский назначен директором Государственной библиотеки имени Ленина и занимает этот пост ровно десять лет вплоть до своего ареста.

Невский — автор нескольких десятков пропагандистских, популяризаторских работ по истории революционного дви-

жения, большевизма и Советов, философии. Список написанного им включил в себя 570 названий. Среди них были издания, сохранившие свое значение и ныне (например, составленный им справочник «Деятели революционного движения России. Библиографический словарь. От предшественников декабризма до падения царизма»), другие стали составной частью советской историографии. Таковы работы Невского «От Земли и Воли» к группе «Освобождение труда» (М., 1930), «Советы и вооруженное восстание в 1905 году» (М., 1932), «Очерки по истории Российской Коммунистической партии» (Пг., 1923. Ч. 1), «Рабочее движение в январские дни 1905 года» (М., 1930).

Все писавшие о Невском отмечали его огромную работоспособность, эрудицию, знание европейских языков, преданность делу, которому он служил. Историографы подчеркивали скромность его исследовательских притязаний. В предисловии к «Очеркам по истории РКП» (с. V) Невский отметил: «Книга названа «Очерками», и читатель прекрасно понимает почему: мы еще так мало изучали нашу историю, у нас еще так мало освещены важнейшие моменты нашей истории, мы еще так мало издали материалов и документов, что еще далеко до того времени, когда можно будет написать историю нашей партии».

Ортодоксальные историографы критиковали те работы Невского, которые свидетельствовали о его сомнениях, поисках истины, самостоятельности мысли. Ему вменялись в вину «ошибочные» положения, что группа «Освобождение труда» была родоначальницей революционного марксизма в России, что только на III съезде РСДРП произошло «первое отчетливое оформление как организационное, так и идейное, принципов большевизма», а также «некритическое превознесение роли Плеханова». Хвалили же его за «большевистскую твердость и убежденность, последовательную критику меньшевистских взглядов», за то, что Невский в работе «Третий съезд партии» (М., 1927; книга выдержала пять изданий) «выдвинул и обосновал важный тезис, согласно которому большевики всегда выступали поборниками революционного единства партии, а меньшевики — его противниками»⁴.

В особую заслугу ставилась Невскому резкая критика «идеалистов» и «механистов», а также то обстоятельство, что его статья «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» была напечатана в качестве приложения во втором издании ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм», и ее положительно оценил сам Ленин⁵. В этой статье Невский выступал против работ А. А. Бог-

данова, заодно указывая на их «идеалистическое влияние» на «Теорию исторического материализма» Н. И. Бухарина. Философов вполне устраивала аргументация Невского: Богданов— философ-идеалист, его основная идея о единстве строения и развития самых разных систем — «комплексов» — независимо от материала, из которого они созданы, его теория систем (биологических или социальных), действующих по общим законам — метафизическая и абстрактная, а потому оторванная от практики социалистического строительства; наконец, ошибочны взгляды Богданова и Бухарина уже потому, что о них с одобрением отзывался «буржуазный социолог» П. Сорокин⁶.

В своих исторических изысканиях Невский, как Покровский и другие историки-марксисты, исходил из классовых оценок. «Особенность историка,— писал он,— суметь найти в источнике подлинный дух классовых соотношений, заставить источник заговорить понятным для нас языком, извлечь из-под его самой разнообразной формы самую суть социальных, классовых отношений и самый источник и его форму»⁷. Невский полагал, что только он и его коллеги, большевики с дореволюционным стажем, овладевшие марксизмом-ленинизмом, способны указать истину, отвергая исторические сочинения, основанные на иных методологических посылах. В статьях и рецензиях Невский, не стесняясь резких эпитетов, отзывался о работах А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Пичеты, философов Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского и других.

Нет нужды говорить о том, что идеи Богданова давно получили международное признание (ведь он стоял у начала синтеза дисциплин, без чего немислим прорыв в любой области человеческих знаний), или о том, что ныне признана нравственная значимость христианской философии Карсавина, в центре которой Бог и человеческая личность.

Одной из наиболее известных работ Невского той поры стала его статья «Нострадамусы XX века», в которой огульно критиковались выходящие тогда немарксистские журналы. Карсавин, Лосский, М. Гершензон и другие иронически назывались «жрецами российской академической философии», а их «средневековые обедни» рассматривались как «случайные вывихи каких-либо стареющих чудаков». Их привязанность «к самым отдаленным источникам теологии» объяснялась не личными психическими, а социальными причинами, в основе которых — антисоветизм и идеализм. «За что бы ни брался современный буржуазный ученый,— писал Невский,— за философию, историю, психологию, этику,— он в конечном счете приходит к Госпо-

ду Богу и, без сомнения, критике социализма»⁸. Невский продолжил эти рассуждения в статье «Реставрация идеализма и борьба с «новой буржуазией», где приходил к выводу, что попытка части интеллигенции построить «новую идеологию», воспользовавшись нэпом, основана на идеализме⁹.

Невский был страстным библиофилом, собирателем рукописей и книг. Ему настолько нравилось это занятие, что в 1928 г. он отказался от чести стать ректором МГУ, предпочитая место директора библиотеки. Невскому нельзя было отказать в определенной самостоятельности, стремлении «сметь свое суждение иметь»¹⁰.

По мнению Р. Медведева, Невского арестовали после того, как он запретил изъятие из фондов библиотеки «неудобной» политической литературы (он не подчинился даже тогда, когда сотрудники НКВД предъявили ему письменное распоряжение Сталина). «Я сторож,— заявил Невский.— Партия поручила мне хранить все это»¹¹. Но вряд ли эта небольшая фронда явилась причиной ареста.

Его арестовали в ночь с 19 на 20 февраля 1935 года. При обыске были изъяты (и позже пропали) 76 книг, 24 документа с личными пометками Ленина, 94 папки личного архива, переписка, архивные материалы (2066 л.), рукописи воспоминаний о Ленине, «Очерки по истории РКП (б)»—2-й том и другие, маузер, личные документы.

В следственном деле Невского также не указаны причины ареста. В обвинительном заключении говорилось: «Следствием по делу антисоветской организации правых в ноябре 1936 г. было установлено, что осужденный за контрреволюционную деятельность к пяти годам политизолятора в 1935 году Невский В. И. скрыл свою преступную деятельность как участника этой организации и не выдал всех известных ему участников организации правых». Далее сообщалось, что Невский был вновь привлечен к следствию, так как изобличающие показания Л. Б. Каменева, Н. Н. Ванага, бывшего заместителя Невского по строительству библиотеки Е. Ф. Куликова, секретаря МК ВКП(б) Н. А. Угланова, П. А. Галкина свидетельствовали о подготовке им покушения на Сталина и Кагановича. Затем следовало заключение, что как террорист Невский подлежал суду с применением закона от 1 декабря 1934 г. 24 мая 1937 г. Невский расписался в получении обвинительного заключения.

Ничего нового по сравнению с обвинительным заключением не содержал и протокол судебного заседания. Председателем суда 25 мая 1937 г. был Ульрих, членами —

Н. М. Рычков и Д. Я. Кандыбин. Заседание продолжалось чуть больше часа (началось в 17 ч. 44 мин., закончилось в 18 ч. 50 мин.). Невскому был вынесен смертный приговор.

Он признал себя виновным только в том, что резко критиковал некоторые постановления партии. От показаний, данных на предварительном следствии, он отказался. Так, на допросе 23 ноября 1936 г. Невский заявил, что «нелегальный центр правых стоял на позициях террора, что Бухарин, Рыков и Томский входили в состав руководства контрреволюционной организации правых». (Выписка из этого протокола фигурировала в числе показаний, разосланных участниками Пленума ЦК ВКП(б) в феврале 1937 г. для доказательства вины «правых»). А на суде сказал, что показание, написанное им собственноручно на имя наркома внутренних дел, было сделано после длительной беседы со следователем Глебовым, который уверил его, что это необходимо во имя интересов партии и для осуждения Бухарина и Рыкова. Он отрицал саму возможность существования всесоюзной и московской организаций «правых», заявил, что не вел никаких разговоров с Углановым и не знает, «чем объяснить показания Ванаса и Галкина о том, что, якобы, он им внушал террористические мысли».

В последнем слове Невский, судя по протокольной записи, напомнил о фактах своей биографии. «Он с 1897 года является членом партии и ни разу не выходил из рядов партии. При царском режиме он был неоднократно судим и находился в ссылке. Он являлся организатором восстания в Петрограде и ему, конечно, стыдно что-либо скрывать от суда. В террористических организациях он не участвовал и ни в одной оппозиции также не участвовал. От Зиновьева и Каменева он отказался еще до революции, так как видел, что они имеют личные интересы. Он критиковал правительство и партию за то, что допускали поголовное уничтожение скота с вредительской целью, но теперь видит, что эти люди сняты с ответственных постов. Он имел большое влияние на молодежь и признает, что ему не нужно было так резко критиковать политику партии и правительства, ибо это вредно отразилось на молодежи... Он писал Сталину о творимых безобразиях людьми, не принимавшими участия в революционном движении, как о Пятакове, Ягоде и других, что последние разлагаются, подхалимничают, вредят и злоупотребляют своим положением. Он не является организатором террористической группы и террористических заданий Галкину не давал. Он знал, что Бухарин, Рыков и Томский являются органи-

затомами правых, но не знал, что они связались с зиновьевско-троцкистской организацией».

В деле хранится справка о расстреле В. И. Невского 26 мая 1937 года. Не помогли ни объяснения в последнем слове на суде, ни отрицание вины. Разумеется, приговор был вынесен еще до суда, а сам процесс судебного заседания был лишь необходимой формальностью. Материалы судебного заседания не содержали убедительных обвинений против Невского и уж конечно не давали оснований для столь свирепого приговора.

Мало что разъясняют и содержащиеся в следственных томах обвинения в адрес Невского со стороны запуганных и сломленных физически и психологически людей. Например, Л. Б. Каменев 14 августа 1936 г. сообщил: «Невский. Моя характеристика его враждебности и озлобленности основывается на личных встречах с ним в 1932-1934 гг. Он больше всего распространялся на тему об удущении мысли в партии, об отсутствии демократии. Ответственность за это он приписывал лично Сталину и относился к Сталину враждебно. К этому прибавлялась злоба за отстранение от руководства старых членов ЦК. Он говорил мне часто резко о группе новых учеников, разумея под этим не только учеников в области истории, а и своих политических единомышленников. Из них лично я встречал только Парадизова, действительно настроенного к руководству решительно враждебно. «Хотелось бы написать,— говорил он,— о том и другом, но нельзя: у нас ведь мыслить запрещено»¹².

В следственном деле — несколько заявлений Невского на имя наркома внутренних дел. 24 октября 1936 г. он писал, что признает себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации «правых» и готов дать показания. При этом он назвал среди участников организации «правых» П. А. Галкина, историков Н. Н. Ванага, П. И. Анатольева, П. П. Парадизова, упомянул, что был связан с бывшим секретарем Московского комитета партии Н. А. Углановым, хотя ни Бухарин, ни Угланов для него не авторитет. «Меня никто не совращал... Внутренняя моя настроенность включила меня в организационную нелегальную систему правых».

Егор Федорович Куликов, работавший заместителем Невского во время строительства библиотеки имени Ленина, показал, что Невский ему известен как активный участник организации «правых». «Он имел свою контрреволюционную группу, которая входила в состав организации правых. Из участников группы Невского мне известен Парадизов и Анатольев... Невский особенно злобно относился к Ста-

лину и прививал участникам своей группы ненависть к Сталину». Куликов назвал Невского, Парадизова и Анатольева людьми, «могущими совершить теракт». На очной ставке в марте 1937 г. Невский этих показаний Куликова не подтвердил. «Я утверждаю,— сказал Невский,— что никогда террористической деятельностью не занимался. Своих взглядов от Куликова не скрывал, но я ему не говорил, что готов убить Сталина и Кагановича».

К «делу» приложены донесения сексотов, сокамерников Невского. Один из них 6 октября 1935 г. доносил из Суздальского политизолятора, что во время прогулки Невский заявил, что «его и ряд других лиц арестовали те люди, которые сами должны были сидеть в тюрьме». Другой сексот 6 марта 1937 г. сообщал, что Невский восхвалял следствие при царском режиме, сравнивая с ходом своего следствия, и добавлял, что «следствие ведет пять следователей, может быть, хороших ребят, но малограмотных и что он часто их осаживает».

31 января 1937 г. жена Невского, Любовь Васильевна, писала наркому внутренних дел: «Вчера вечером умерла от скоротечной чахотки дочь В. И. Невского тридцати одного года. Большая просьба дать возможность В. И. Невскому последний раз увидеть дочь и проститься с нею. В. И. Невский находится в Бутырках». В деле нет сведений о том, какова была реакция на эту просьбу. Не до того было, поскольку как раз в то время Невского активно «обрабатывали», так что 8 февраля он писал на имя Ежова: «Я обязуюсь дать искренние и откровенные показания обо всем, что мне известно о контрреволюционной террористической деятельности организации правых. Прошу мне верить».

На следующий день, 9 февраля 1937 г., Невский заявил, что с 1929 г., со времени его работы руководителем кафедры истории революционного движения в РАНИОНе, вокруг него создалась группа молодых историков: Парадизов, Анатольев, Рубач и другие. «Я расхотелся с проведением в жизнь некоторых важнейших установок партии. В качестве примера — отношение и практическое проведение в жизнь партийной политики в области просвещения, науки, свободы обсуждения и критики». Он показывал, что плохо относился к Троцкому, Зиновьеву и Каменеву, лучше — к Бухарину, которого не считал контрреволюционером.

К этому заявлению Невского приложены показания историков Парадизова и Анатольева¹³. Первого арестовали 2 февраля 1935 года и вскоре приговорили к 5-летнему

заклучению. В 1937 году «дело» Парадизова пересмотрели, его судили вновь. В последнем слове он заявил, что его связь с Невским и Анатольевым выражалась лишь в разговорах антисоветского характера, но о терроре и речи не шло.

Анатольев был арестован вместе с Парадизовым 2 февраля 1935 года и также осужден на 5 лет лагерей. Затем последовал пересуд, в результате 19 июня 1937 г. Анатольева расстреляли — на день раньше Парадизова. На повторном суде Анатольев показывал, что в 1927—1929 годах в институте истории Комкадемии было «засилье антимарксистов», потому они во главе с Невским объединились в секцию новой русской истории. «Показания В. И. Невского о моей принадлежности к контрреволюционной организации правых я полностью отрицаю. Они от начала и до конца вымышленны. Мне абсолютно не было известно о какой-либо связи Невского и вхождении его в организацию правых».

В деле имеется документ, как бы подтверждающий «связь» Невского с Троцким. Это—пересказ письма Невского Троцкому от 30 апреля 1927 г. (в тексте пометка: обнаружено при обыске на квартире Троцкого): «В письме Невский заявлял, что он разделяет пессимизм адресата, поясняя, что к этому есть основания, так как его наблюдения за жизнью приводят к выводу, что «страна сильно правее». В подтверждение этой мысли указывалось на «все растущий звериный антисемитизм, повальное пьянство, рост крестьянской буржуазии, некоторые явления на теоретическом фронте... события на Западе, наши экономические явления («снижение цен») и т. п., разговоры рабочих, крестьян, их думы, поведение».

В то время, когда из арестованных выбивали нелепые «признания», шли собрания, публиковались статьи, в которых клеймились невинные, общественное мнение готовилось к осуждению «врагов» и одобрению действий властей. Ярославский на страницах «Историка-марксиста» (1936.— № 4.— С. 3-16) обрушивался на своих недавних единомышленников: «... На историческом фронте... подвизались такие двурушники, такие ренегаты и участники контрреволюционных организаций, как Невский, Зайдель, Рубач, Малышев, Пригожин, Кипарисов, Анатольев, Парадизов, Фридлянд, Ванег, Далин, Лозинский, Томсинский и другие, ... сходящиеся на отрицании величайшей роли Ленина и Сталина... и особенно пытавшиеся смазать и замолчать величайшую роль тов. Сталина как гениального продолжателя великого дела Ленина... А ведь в их руках... был

целиком журнал «История пролетариата», ... они «находились в руководстве журнала «Историк-марксист».

Незадолго до появления этой статьи, 15 апреля 1935 г., примерно через два месяца после ареста Невского, состоялось «закрытое заседание» Президиума коммунистической академии. Обсуждалась реакция на январское (1935 г.) письмо ЦК ВКП(б), разосланное в партийные организации в связи с убийством С. М. Кирова. С основным докладом выступил историк партии М. А. Савельев, заявивший, что за «первый квартал» 1935 г. из институтов академии было уволено 40 научных сотрудников, что особенно «неблагополучно в институте истории, в журнале «Историк-марксист», где «громадное число статей ... этих двурушников, контрреволюционеров из компании Невский-Анатольев», что Невский — это «прохвост-вредитель»¹⁴.

5 мая 1954 года Любовь Васильевна, вдова Невского, обратилась в военную прокуратуру с просьбой пересмотреть дело мужа. При проверке выяснилась его, а также Парадизова и Анатольева невиновность. «О несерьезности показаний Ванага и Фридлянда,— писал следователь, проверявший «дело»,— и их порочности свидетельствует тот факт, что к числу участников контрреволюционной организации и террористов они голословно относили, кроме Невского, и ряд других лиц, которые не будучи ничем скомпрометированы, являются в настоящее время видными деятелями советской науки» (имелись в виду А. М. Панкратова и М. В. Нечкина). Обнаружилось, что следователь-палач Невского — Зиновий Глебов, 1903 года рождения, был сам арестован 14 сентября 1938 г. и в январе 1940 г. расстрелян за фальсификацию следственных дел, применение методов физического воздействия на следствии, шантажирование арестованных.

Академик И. И. Минц на просьбу следователя прокуратуры дать отзыв о Невском указал, что с ним не работал и посоветовал обратиться к А. М. Панкратовой. 25 апреля 1955 года Панкратова в отзыве о Невском отметила: «В. И. Невского я знала как историка партии. Мы работали вместе в Коммунистической академии в 1929—1932 гг. Он был членом Президиума академии и входил в состав редколлегии сборника «История пролетариата СССР», который я редактировала... Лично я знала больше других П. И. Анатольева, который писал под моим руководством большую работу по истории марксистской организации в России 80-х годов, так ее и не завершил... О Невском вспоминаю только, что он был мягкий и деликатный человек и очень трудолюбив. Он был прекрасный пропагандист

и широко образованный человек и до ареста пользовался среди интеллигенции популярностью как старый большевик и отзывчивый человек».

Военная коллегия Верховного суда СССР 1 июня 1955 года полностью восстановила в гражданских правах имя В. И. Невского.

* * *

¹ Чесноков В. И. В. И. Невский как историк русского революционного движения // История и историки.— М., 1965; Пушкарева И. Революционер, историк революции // Коммунист.— 1976.— № 8; и др., а также: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат.— М., 1989.

² Деятели СССР...— С. 564.

³ История СССР.— 1967.— № 1.— С. 107.

⁴ Нечего и говорить, что в действительности сторонниками единства были и представители меньшевиков. В марте 1917 г. многие местные организации РСДРП называли себя объединенными, несмотря на решения Пражской партийной конференции большевиков (1912 г.) о разделении и требования вождей большевизма после легализации политических партий в феврале 1917 г. об отдельном функционировании.— См.: Очерки истории исторической науки в СССР М., 1966.— Т. IV.— С. 365; Коммунист.— 1976.— № 8.— С. 86.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 17.

⁶ Клушин В. И. Роль В. И. Невского в марксистском истолковании истории (1918—1925 гг.)//Философские науки.— 1970.— № 1.— С. 130-137.

⁷ Невский В. И. Очерки по истории РКП.— С. 524.

⁸ Под знаменем марксизма.— 1922.— № 4.— С. 98.

⁹ Там же.— № 7-8.— С. 122-126.

¹⁰ В 1930 г. Невский написал письмо Сталину, возражая против разрушения Чудова и Вознесенского монастырей, ссылаясь на то, что сохранение памятников — часть партийной политики.— История СССР.— 1967.— № 1.— С. 108-110.

¹¹ Знамя.— 1989.— № 2.— С. 201.

¹² Каменев не преминул тогда же бросить тень и на своего неприятеля Емельяна Ярославского. Он «вдруг» вспомнил о разговоре с И. А. Теодоровичем, который говорил ему: «Ваша ошибка не в 1925 году, а в 1917 году, когда вы отказались от возражений о невозможности социалистической революции в такой стране, как Россия. Каменев: «Теодорович говорил мне, что он находится в хороших отношениях и часто видится с Ярославским, который часто выручает его из неприятностей, в связи с его, Теодоровичем, редактированием «Каторги и ссылки». На мое удивление, как он со своими, настроениями находит общий язык с Ярославским, Теодорович мне ответил: «Конечно, вам Ярославский представляется очень односторонне. На самом же деле он не таков, каким мне кажется, он сам относится ко многому критически, а после удара, полученного им по поводу его истории партии, очень зол на Сталина и, хотя признал свои ошибки, начинает понимать, куда ведет этот режим, который он сам поддерживал». Подтверждением этих слов Теодоровича явилось сообщение мне Зиновьева (не знаю откуда им полученное), что жена Ярославского, Кирсанова, в связи с критикой Сталиным исторических работ Ярославского, настроена очень зло против Сталина и не стесняется резко выражаться о нем в своем кругу».

Из этих и других показаний Каменева ясно, что он отвечал на специально задаваемые вопросы следователей, которые «на всякий случай» собирали досье на Ярославского и других лиц.

- ¹³ Петр Павлович Парадизов, 1906 года рождения, член партии большевиков с 1926 г., работал научным сотрудником института истории Коммунистической академии, являлся автором нескольких работ по истории рабочего класса в России. П. П. Парадизов был расстрелян 20 июня 1937 г. Письма Парадизова семье из челябинского изолятора см.: Е. Н. Никитин. Архив историка П. П. Парадизова // Археографический ежегодник за 1988 год.—М., 1989.—С. 237-252.

Павел Ильич Анатольев, 1897 года рождения, большевик с 1919 г., научный сотрудник института истории Коммунистической академии, автор статей о рабочем движении в России в XIX веке, истории стачек и др.

- ¹⁴ Архив АН России.—Ф. 350.—Оп. 1.—Д. 997.—Л. 6, 8-10.

ВЫБОР СУДЬБЫ И СУДЬБА ВЫБОРА

Следственное дело Сергея Андреевича Пионтковского (1891 — 1937) занимает три тома. Собственно, вся его жизнь разместилась в протоколе первого тома № 3257. Два другие — это идентичные тексты дневника историка за 1927—1934 гг¹.

Первый том открывается ордером № 8636 от 7 октября 1936 г. на арест и обыск С. А. Пионтковского, проживавшего в Москве по адресу: площадь Свердлова, д. 2/4, кв. 313. Ко времени ареста Пионтковскому было 45 лет. С ним проживали его мать-пенсионерка Елена Григорьевна и жена — Елизавета Михайловна Черменская. При обыске изъяли: партийный и профсоюзный билеты, две папки дневника, записные книжки, книги, листовки, копии документов. В постановлении об аресте, подписанном начальником 5-го отделения секретно-политического отдела М. Л. Гатовым, Пионтковский обвинялся в том, что он «является членом контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. По поручению троцкистско-зиновьевского центра, в частности Пригожина, вел подготовку по совершению теракта над тов. Сталиным». Из того же документа следовало, что очередного «контрреволюционера», «врага народа» изобличили другие активные участники названной организации — Пригожин, Фридлянд, Ванег и Томсинский. Стоит ли говорить, что из историков выбивали нелепые, но нужные следствию признания-оговоры, чтобы создать видимость «раскрытия» еще одной «террористической организации».

Предстояла еще одна сцена в театре абсурда, с подмостков которого веяло замогильным жутким холодом. Сценарий был написан заранее, роли распределены, актеры подготовлены, трагический финал почти предрешен. Ведь врагов должно быть все больше и больше: классовая борьба по мере продвижения к социализму обостряется. Так учил вождь, а он, как известно, не ошибается.

К Пионтковскому были применены меры воздействия и через месяц после ареста историк «признался», что он «двурушник», «вел организационную троцкистскую контрреволюционную работу, будучи участником контрреволюцион-

ной нелегальной троцкистской группы на историческом фронте, возглавляемом Минцем, Эльвовым и др.»

Минуло несколько дней, Пионтковский немного пришел в себя и отказался от выбитых «признаний».

Из протокола допроса 16 ноября 1936 г.:

Гатов: Следствие располагает данными о том, что вы являетесь активным членом контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Признаете ли вы это?

Пионтковский: Это чудовищное обвинение я признать ни в коем случае не могу, ибо я не только не являюсь членом троцкистской контрреволюционной организации, но я не участвовал ни в каких антипартийных группировках в прошлом и всегда активно выступал за генеральную линию ВКП(б).

Гатова подобный поворот дела не смутил: старшие товарищи постоянно наставляли чекистов, что враг хитер, коварен, изворотлив, поэтому он подготовил план дальнейшей обработки арестованного, опираясь на вынужденные оговоры других историков — «членов организации».

Доказательства контрреволюционных намерений и деяний, приверженности историка троцкизму следователь искал и в его дневнике. Вот, кажется, требуемый пассаж — дневниковая запись за 23-29 октября 1927 года. «Вечером читал в ГМТУ лекцию об Октябрьской революции, — отмечал Пионтковский, — читал эпоху войны и Февраля, разбирал и сопоставлял прогноз революции, данный Лениным и Троцким во время войны и их оценку Февральской революции. Во время лекции группа ребят начала шептаться и пересмеиваться. Я предложил им остаться после лекции и объяснить в чем дело, а не перешептываться и не нервировать тем самым меня. После лекции они с азартом заявили мне, что я читал тенденциозно и совсем не так, как следует, что я тенденциозен в двух положениях: я слишком много уделял внимания ошибкам Троцкого в период войны и в момент Февральской революции. Троцкий, как сказал мне один из них с величайшей яростью, не представлял в то время отдельного течения. Поэтому рассказывать о его ошибках в период войны и в момент Февральской революции — совершенно излишне. Я сказал, что Троцкого ставлю выше, чем они, и считаю, конечно, что Троцкий представляет несомненно резко выраженное и очерченное течение социал-демократической мысли».

Последнее предложение следователь подчеркнул, а зачитав, испытующе взглянул на Пионтковского.

— Да, — сказал историк. — Формулировки в дневнике

разные, но никакой связи с троцкистской организацией у меня не было и нет.

Гатов выложил новые карты — показания историков Н. Эльвова и его жены М. Бычковой, Г. Фридлянда, С. Томсинского, А. Пригожина, провокатора Я. Ельковича. Собранный компромат тянул на расстрельную статью. Так, Эльвов назвал высказывания Пионтковского о партии «клеветническими»; Фридлянд включил его в состав «троцкистской террористической группы Пригожина»; последний «сознался» в том, что при встрече с Пионтковским в начале января 1935 года тот дал согласие принять участие в террористической группе. Но тут же сделал оговорку: «Имей в виду, Пригожий, сам я стрелять не буду». Елькович уверял, что Пионтковский уже в 1919 году был по своим политическим настроениям «зиновьевцем», что он собирал документы оппозиции и потому в нем видели специалиста, могущего в будущем «осветить в надлежащем духе всю историю борьбы троцкистско-зиновьевской организации против ВКП(б)».

Следователь резонанс Пионтковского не внимал, а тот уже ясно видел, какая перед ним разверзлась пропасть, и то, что дело шито белыми нитками. Да, в 1931-1932 годах в разговорах с Минцем, Эльвовым, С. Дубровским, Б. Граве они «исходили из того, что на историческом фронте созданы такие условия, при которых невозможно работать, что эти условия тормозят развитие теоретической мысли, что творческая работа заменяется казенщиной», Но где же тут клевета, контрреволюция?

Бычкова утверждает, что при встречах названные историки, в том числе и он, вели «антипартийные разговоры» и между ними существовала «организационная связь». Однако о содержании их бесед она в июне 35-го ничего не могла вспомнить. И немудрено. Вернувшись после длительного пребывания в лагерях, Бычкова в 1958 году говорила, что во время допросов ответы за нее сочинял следователь, «писал неправильно», содержание этих протоколов попросту фабриковалось. Она призналась, что лишь несколько раз была с мужем в гостях у Пионтковского, что следователь ставил перед ней «непосильные задачи», требуя охарактеризовать историков, которых она почти не знала.

Что оставалось делать Пионтковскому? Потрясенный ложью и почти отчаявшийся, он пишет заявление на имя комиссара госбезопасности Я. Агранова: «Прошу Вас, т. комиссар, вызвать меня и лично допросить. Я обвиняюсь в тягчайших для гражданина Союза преступлениях. В принадлежности к троцкистской террористической организации.

Я отрицаю это обвинение и прошу Вас и в Вашем лице Советскую власть произвести еще расследование по этому делу». На заявлении резолюция Агранова: «Молчанову». Затем Молчанов — Гатову: «В дело». И все. Глас вопиющего в пустыне «социалистической законности». Некому и незачем было прислушиваться к нему.

Обвинительное заключение по делу Пионтковского было подготовлено менее чем за два месяца. 3 декабря 1936 года его подписал прокурор Союза А. Вышинский. Капитан ГБ Гатов довел следствие до конца. Что нужно было «доказать», то и «доказал»... Характерная деталь: обвинительное заключение почти дословно совпало с постановлением об аресте. Пионтковский обвинялся в том, что «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, осуществившей 1 декабря 1934 года убийство Кирова и подготовлявшей в последние годы (1934-1936 гг.) теракты против руководителей ВКП(б) и советского правительства; входил в состав боевой террористической группы т. н. «активного действия», возглавляемой террористом Пригожиным; дал согласие Пригожину на участие в террористической деятельности и принял от него задание вербовать от числа студентов нескольких лиц, способных быть исполнителем теракта над т. Сталиным». Резюме, разумеется, было иным: «Вследствие изложенного, Пионтковский С. А. подлежит суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР с применением закона от 1 декабря 1934 года».

После утверждения Военной коллегией Верховного суда СССР обвинительного заключения, — а произошло это 5 марта 1937 года, — оно было вручено Пионтковскому. Через два дня началось слушание дела, процесс был закрытым. На вопрос председательствующего, признает ли Пионтковский себя виновным, историк ответил: «Нет, не признаю». Он заявил, что участником террористической организации не был, двурушником не являлся, содержание своих показаний сейчас считает неправильным. «На всем протяжении предварительного следствия его состояние было таково, — передает слова обвиняемого протокол, — что он подписывал показания, с которыми не соглашался». Пионтковский отрицал показания о себе Пригожина, Фридлянда, Томсинского, Эльвова. Прибегнем опять к протоколу. «Со всеми перечисленными лицами у него никогда никаких личных счетов не было. Объяснить, почему они все дают уличающие его показания, не может». Единственно, с чем согласился Пионтковский, — это с неточными формулировками в дневнике.

В последнем слове Пионтковский еще раз подчеркнул, что он не троцкист, а автор нескольких статей против троцкизма, что никаких террористических намерений у него не было. «Я еще могу много принести пользы Советской власти и прошу суд дать мне возможность честно работать на благо партии и социалистической родины».

Суд такой возможности не нашел, впрочем, и не искал. Совсем с другой целью собралась на заседание Военная коллегия Верховного суда в составе армвоенюриста В. Ульриха, диввоенюристов И. Никитченко и Н. Рычкова. За 55 минут,— а именно столько длилось заседание,— можно было только проштамповать заранее принятое решение. Приговор же гласил: «Пионтковского Сергея Андреевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению». В ночь с 7 на 8 марта 1937 г. Пионтковского не стало.

10 мая 1956 года Андрей Андреевич Пионтковский обратился к главному военному прокурору страны с просьбой пересмотреть дело погибшего брата. Он указал, что сведения о нем могут дать историки А. М. Панкратова, И. И. Минц, Э. Н. Бурджалов, Е. Н. Городецкий, Г. Н. Анпилогов, знавшие осужденного.

В реабилитационном деле сохранились отзывы. Воспроизведем некоторые из них. Заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» Бурджалов, учившийся в 1929–1933 годах у Пионтковского, писал: «Мы все, коммунисты-студенты, знали С. А. Пионтковского как образованного марксиста, глубокого исследователя и хорошего преподавателя... В лице С. А. Пионтковского мы видели пример историка-большевика, борца за ленинизм в политике и науке». По мнению доцента Московского университета Анпилова, «он был хорошим ученым — смелым и резким в суждениях, внешне казался грубоватым, а по существу — простым, внимательным и чутким ученым-коммунистом». Академик Панкратова: «Профессора Пионтковского я знала как одного из самых крупных специалистов по истории СССР... Среди историков профессор Пионтковский считался одним из наиболее ортодоксальных историков, и его арест в свое время вызвал недоумение, так как никаких сведений о том, чтобы он был связан с троцкистскими элементами, у нас не было».

Другие отзывы также были самые положительные. Но это теперь, двадцать лет спустя. А тогда пишущие о

Пионтковском либо отмалчивались, либо употребляли его фамилию в штампованном наборе преданных остракизму. Запоздавшее раскаяние, хотя иным даже оно не было ведомо...

7 июня 1956 года Военная коллегия Верховного суда вынесла оправдательное заключение в связи с пересмотром «дела» С. А. Пионтковского. Непредвзятое следствие быстро установило несуряицу в обвинительном заключении и показаниях осужденных. «Пригожин показал на предварительном следствии, что об участии Пионтковского в антисоветской организации он узнал от Фридлянда, однако Фридлянд о Пионтковском в этом плане не высказывался... Осужденный по другому делу Эльвов, кроме Пионтковского, участниками антисоветской организации назвал Минца, Сидорова, Рубинштейна и Дубровского, однако эти лица в настоящее время являются известными деятелями советской исторической науки... Томсинский реабилитирован, Елькович осужден за фальсификацию, Гатов расстрелян за преступления».

В том же месяце та же инстанция приговор 7 марта 1937 года в отношении Пионтковского отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления. Копия документа была направлена жене историка — Елизавете Михайловне Черменской, которой вместе с тем сообщили и очередную ложь: дескать, С. А. Пионтковский умер в лагере 14 апреля 1940 года. Этого требовала инструкция. Тоталитарный режим всячески замалчивал правду о массовых расстрелах невинных людей, оттого и практиковались «смягчающие» сообщения о смерти в лагерях по болезни.

Это все, что сообщало следственное дело. И совершенно неясно, кем был Пионтковский, за что «удостоился» столь пристального внимания со стороны НКВД? Почему столь трагично завершилась его жизнь?

Имя и труды Сергея Андреевича Пионтковского были хорошо известны, особенно в период становления советской исторической науки. Пионтковский был в числе первых членов Истпарта, утвержденных в начале сентября 1920 года постановлением Политбюро ЦК РКП(б)³. С мая следующего года он профессор кафедры истории Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова и одновременно заместитель редактора журнала «Пролетарская революция». В 1922 году Пионтковский — действительный член только что открытого в Петрограде научно-исследовательского института при Коммунистическом университете. Он работал в Институте красной профессуры, Коммунистической академии, Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, 2-м МГУ, Мос-

ковском институте истории, философии и литературы. В 1934 году постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) его ввели в состав группы по составлению учебника по истории СССР.

Авторитет Пионтковского — преподавателя и ученого был достаточно высок. М. В. Нечкина в конце 20-х гг., делясь впечатлениями об экзаменационной сессии во 2-м МГУ, рассказала о таком случае. На доске объявлений она вывесила список литературы, необходимой для сдачи зачета по истории России XIX—XX веков. В нем были указаны работы В. И. Ленина. «На следующий же день рано утром меня будит звонок по телефону.

— Это говорит студент, я у вас сдаю зачет. Там на доске ваш список вывешен. Нельзя ли Ленина заменить Пионтковским?

— Пионтковским?

— Да.

Категорически возражаю. Студент недоволен.

— Но почему же нельзя? Ведь Пионтковский в своем курсе про то же пишет».

Широкую популярность Пионтковскому принесла его первая большая работа по истории Октября — «Октябрьская революция. Ее предпосылки и ход», вышедшая в 1923 году. Она выдержала несколько изданий, была переведена на иностранные языки. Экземпляр первого издания этой книги находился в библиотеке Ленина в Кремле⁴.

В 1923—1926 гг. тремя изданиями выходит «Хрестоматия по истории Октябрьской революции» Пионтковского, в 1925 году — хрестоматия по истории гражданской войны в СССР. Одновременно и опять-таки в нескольких изданиях публикуются его очерки о февральских днях 1917 г., истории рабочего движения в России⁵. В те годы не было, пожалуй, ни одного крупного исторического журнала в стране, в котором бы систематически не печатались статьи, рецензии и заметки Пионтковского⁶. Под его редакцией и с предисловием выходят сборники документов, мемуары белогвардейцев, совместно с И. Минцем он редактирует серию «Гражданская война в очерках», вместе с М. Мебелем и В. Невским — «Библиотечку по истории народов СССР»⁷.

В 1928 г. Пионтковский в качестве делегата с решающим голосом принимал активное участие в работе I-й Всесоюзной конференции историков-марксистов⁸. Тогда же он избирается членом-корреспондентом Коммунистической академии общественных наук. В 1928-1936 годах тремя изданиями выходят «Очерки истории СССР XIX-XX ве-

ков» — переработанный курс лекций, прочитанных Пионтовским в Московском университете, Институте красной профессуры, Московском институте истории, философии и литературы. В 1931 году Пионтовский выступил с обобщающей историографической работой, посвященной критике буржуазных концепций истории России. В качестве одного из авторов он принял участие в написании четвертого тома по истории партии, изданного под общей редакцией Е. М. Ярославского.

Труды Пионтовского положительно оценивались в печати. Не обходилось, понятно, и без критики, которая, однако, чем дальше, тем больше принимала политизированный и разнузданный характер. Волна тенденциозности пошла с конца 20-х: начинался этап «развернутого наступления социализма по всему фронту» и, стало быть, обострившейся классовой борьбы. Супостатов искали повсюду и, естественно, находили. Конечно, кто-то по велению сердца следовал установкам тоталитарного режима, отдавая дань догматизму, а кто-то на разоблачениях строил собственную карьеру, страховал себя от возможных обвинений в том или ином уклоне.

Вот некоторые образчики критики трудов Пионтовского тех лет. «Книга Пионтовского (Очерки по истории России в XIX-XX веках.— А. Л.),— резюмировал в рецензии на нее В. Рахметов,— бесхребетна. Автор... не согласен и с существующими истинами, в частности, с общепринятой схемой Покровского, и в ряде вопросов расходится с Лениным, ... расходится с революционным марксизмом-ленинизмом в ряде принципиальных вопросов». В 1932 году Толстихина и Миллер, обозревая в журнале «Историк-марксист» работы Пионтовского, узрели в них «целую систему политических и принципиальных исторических ошибок» — изображение революции как стихийного процесса, принижение руководящей роли партии большевиков; извращение ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; подмену истории классовой борьбы историей отдельных контрреволюционных генералов и т. д. В вину историку ставилось то, что он «нигде в печати не выступил с развернутой критикой своих ошибок».

Особенно досталось главе о гражданской войне, написанной Пионтовским для четвертого тома «Истории ВКП(б)». Так, А. Абрамов, И. Шмидт указывали, что эта глава «вся от начала и до конца представляет собою сплошное извращение истории гражданской войны», ибо в ней «смазана роль партии, не освещена руководящая

роль ЦК, Ленина и Сталина, не разоблачена легенда о роли Троцкого». В таком же ярлыково-обличительном духе и с теми же претензиями выступила другая бригада историков—А. Андропов, Н. Радков, А. Соловейко, И. Федин, Е. Фокин. Рецензенты были озабочены не существом вопроса, не аргументацией, выявлением действительных недостатков в работах Пионтковского, а апологией большевистского режима, «тонкошеих вождей»⁹. Иного трудно было ждать в условиях, когда, по выражению И. Бабеля, «идеологии стало больше, чем кислороду».

Вначале Пионтковский отнесся к критике в свой адрес довольно спокойно. В 1928 году он записал в дневнике: «День за днем, как всегда, почти ничего и нет, о чем вспомнить следовало бы, все обыденная работа — лекции, семинары, враги, кто-то ругал мою книгу, я отругивался, кто-то ругает другую, опять буду отругиваться,— все, как всегда, и все как обычно». На рецензию Рахметова отозвался так: «Трудно представить себе что-нибудь более безграмотное. Перевертали факты, перевертали мысли, приписали то, что я и не думал и не писал, и облаяли самым отчаянным образом». Пионтковский считал, что ее инспирировал Минц, а затем в сердцах добавил: «Вообще все историки наши — жулики».

Через два года, в 1930-м, Пионтковский разочарован и угнетен происходящим:

«10 лет, как я уже в Москве, пишу книги, а итоги — за 10 лет не выбирают меня ни в одну из академий. Значит, идеологически я еще не превратился в идеолога, не переварился до конца. Историю мою сейчас ругают, говорят она неленинская и вообще. А честное слово, вот сейчас, я все время перечитывал Покровского, не хваля себя, должен сказать, что все же по сравнению с ним я и в смысле фактов, и в смысле их освещения, и в теоретическом смысле, конечно, сделал своей книгой шаг вперед в области истории... А что же мне дальше делать? Делать-то главное я ничего не умею. Могу читать лекции, писать книги, ходить в кино, а ведь на хозяйственную работу меня не возьмут, на мелкой партийной я не смогу работать, а больше не дадут. Положение трагическое».

В самом деле, кем был любой советский профессор? Государственным служащим, полностью зависимым от власть предержащих. Могут выгнать с работы, не оставив никаких перспектив, разругать или предать забвению прежние труды. Что делать дальше? Это также была проблема всей творческой интеллигенции, которая могла «творить» в тоталитарном государстве только с его разрешения, ни на йоту

не отступая от генеральной линии. А она постоянно колебалась...

В феврале 1932 года Пионтковский писал, что после многочисленных проработок у него появился страх перед аудиторией. Да-да, преподаватель боялся говорить, так как студенты искали в его лекции уклоны. Он понимал, что многочисленные «разоблачения» могут привести к физическому уничтожению. И с горечью отмечал: «Говорят, что я поседел за этот месяц. Черт его знает, уж очень трудно, пробывши 13 лет в партии, согласиться с тем, что ты все 13 лет был в партии лишь рупором враждебных классов. Согласиться с такой формулировкой — это все равно, что признать себя закоренелым вредителем, социал-фашистом и контрреволюционером. Нет, с этим я никогда не соглашусь».

Совершенно издерганный и измученный беспардонной критикой и проработками, Пионтковский 24 октября 1932 года записал в дневнике, что все его книги изруганы и заплеваны, что перестали печатать и ему начинает казаться, что вся его жизнь — сплошная ошибка. «Не надо было заниматься историей, не надо было заниматься наукой, не надо было брать как неоспоримое наследство интеллектуальную работу в области идеологии...». И далее следовал образный вывод: «В результате проработок я очутился, как рыба, выброшенная на мель. Превратиться в сухопутное животное я не могу, а в воду тоже уже не пускают»¹⁰.

В 1936 году нападки на Пионтковского усилились. И. Фролов назвал третье издание «Очерков истории СССР XIX и XX вв.» Пионтковского «идеологическим браком», «безответственной», «антинаучной, антиленинской книгой» и «посоветовал» сдать ее в архив. Ведь в ней не были учтены руководящие партийные указания историкам, а сам автор входил в группу Н. Ванага, чей учебник так не понравился Сталину. А Клинов подчеркивал антиисторизм «Очерков», видел в них иллюстрацию того, что бывает, если не учитывать указания Сталина «в деле поднятия преподавания истории на должную высоту»¹¹. Наверное, после этих зубодробительных отзывов Пионтковского не покидала мысль о скорой развязке.

Затем было два десятилетия умолчания: имя запрещено — «враг народа», труды покоились в спецхране. Со второй половины 50-х вновь начались упоминания: табу было снято, историка реабилитировали.

Теперь о нем писали как о составителе первого научно-исторического сборника документов об Октябре 1917 г.

(Е. А. Луцкий), исследователе, который дал правильную характеристику «огромной роли руководителя большевистской партии и главы рабочего и крестьянского правительства В. И. Ленина в обеспечении успеха Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и создании Советского государства» (М. П. Ирошников). Г. Д. Алексева, В. М. Водолагин, Е. Н. Городецкий, А. Г. Черных назвали книгу Пионтковского «Октябрьская революция в России. Ее предпосылки и ход» первой обобщающей работой советской историографии начала 20-х гг. на эту тему. Л. В. Черепнин считал верным положение работы Пионтковского «Буржуазная историческая наука в России» (она, увы, изобиловала резкими суждениями и категорическими высказываниями в адрес видных русских историков.— А. Л.) о том, что дореволюционная историография в стране к концу 20-х была «загнана в тупик» и умирает, как тот «класс, который она представляет и выражает». Как написанную с марксистских позиций рассматривал книгу историка «Краткий очерк рабочего движения в России» В. Н. Лаверычев¹².

Этот перечень можно и продолжить. Но оценочные высказывания об отдельных работах Пионтковского не давали представления о его творчестве в целом. Своего рода «белым пятном» оставалась биография ученого. Причем попытки опубликовать подобную статью все время наталкивались на ощутимое сопротивление.

Впервые предложение написать о Пионтковском я получил в начале 60-х гг. Тогда в Институте истории АН СССР Г. Алексева собирала сборник об историках-большевиках. У меня до сих пор хранится неопубликованная статья об историке с краткой рекомендацией С. М. Дубровского: «Статья т. А. Л. Литвина о С. А. Пионтковском безусловно может быть напечатана. Самые необходимые поправки внес. 17.V.1965 г.».

Однако генеральная линия опять заколебалась. К руководству пришла команда Брежнева. Сборник был выкинут из всех планов, ведь судьба многих историков-большевиков была трагична, а писать об этом стало немодно и слово «репрессии» начало исчезать из биографических очерков. Надо ли говорить, что все попытки где-то «пристроить» этот материал были неудачны.

В 1975 г. кафедра истории СССР Казанского педагогического института, где я тогда работал, готовила сборник статей по отечественной историографии. Моя статья о Пионтковском была набрана, прочитана корректура... и последовал вызов в местную цензуру (обллит). Там

сообщили, что эта статья не будет опубликована, более того, мне не будет позволено пропагандировать взгляды «еврея и меньшевика с 1905 года» и что об этом уже сообщено в отдел пропаганды и агитации обкома КПСС. Я хотел оправдаться: принес выписки из свидетельства о рождении и крещении Пионтковского в православной церкви, говорил, что в 1905 году ему было 14 лет и он не мог тогда быть активным меньшевиком... Вскоре стало известно, что готовится мое персональное дело и меня хотят осудить в партийном порядке за распространение меньшевизма...

Пришлось статью отдать на отзыв в самую авторитетную для партийных органов идеологическую инстанцию — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его сотрудники, доктора исторических наук П. А. Голуб и Л. М. Спиринов дали положительный отзыв с важным в то время для меня выводом: «Статья методологически выдержана и с позиций современной советской историографии правильно оценивает роль и значение трудов одного из первых советских историков-марксистов». Экземпляр этой «охранной грамоты» от 19 января 1976 года со всеми подписями и имеющимися печатями я отдал в отдел науки обкома партии. Персональное дело не состоялось, но и статья не была опубликована.

Прошло еще десять лет. В Институте истории СССР АН СССР готовился сборник статей к 90-летию академика И. И. Минца. Составитель и редактор сборника В. Д. Поликарпов предложил мне участвовать в нем статьей о Пионтковском. Материал под названием «В ряду первых историков Октября» был отредактирован, подготовлен к набору. И вдруг получаю письмо Поликарпова с просьбой срочно ответить на замечания «черного» рецензента, рекомендовавшего не публиковать статью. Что же его смутило? Ссылки на работы Пионтковского начала 20-х гг., в которых положительно оценивались книги Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина и других, тогда еще нереабилитированных политических деятелей. Я, не мешкая, взялся за перо и написал, что в моем материале цитировались иные положения историка. А в итоге упомянутый сборник под названием «Исторический опыт Великого Октября» (М., 1986) вышел без статьи о Пионтковском. Ее удалось опубликовать лишь в 1990 г. в первом номере журнала «Вопросы истории КПСС». Статья была написана с осторожными формулировками, умолчаниями: еще раз испытывать судьбу не хотелось.

Почему же, однако, возвращение Пионтковского из

небытия было столь долгим? Думается, ответ на этот вопрос можно найти в творческой биографии ученого. Ведь формальных препятствий не было: Пионтковского, как уже отмечалось, реабилитировали в гражданском и партийном отношении еще в 1956 г. Есть, вероятно, какая-то более важная разгадка причин того, почему Пионтковский, по сталинскому выражению, «выпал из тележки». Его расстреляли, Дубровскому дали 10-летний гулаговский срок, оставили в живых, Минца не тронули. Игра случая? Ошибка следствия? Или судьба в образе тоталитарного режима, который подобно мифологическому существу, пожирал своих детей?..

Проследим же жизненный и творческий путь Сергея Андреевича Пионтковского.

Родился он 8 октября 1891 г. в Одессе в семье профессора-юриста. Детство и юношеские годы будущего историка прошли в Казани, где с 1899 г. его отец, А. А. Пионтковский, занимал кафедру уголовного права в университете. Юристам он известен своими работами, в которых выступал за отмену смертной казни и условное освобождение обвиняемых. Умер Андрей Андреевич в 1916 г., не дожив до времени разгула насилия и краха своих гуманных идей.

В 1910 г. Сергей Пионтковский получил аттестат зрелости за полный восьмилетний курс в 3-й Казанской гимназии, а в 1914 г. закончил историко-филологический факультет Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории под руководством профессора Н. Н. Фирсова.

Сохранившиеся документы свидетельствуют об участии Пионтковского в студенческом движении. В 1912 г. он был одним из организаторов сходки студентов университета. Через год стал председателем литературного кружка, объединявшего представителей «левых партий»¹³, тогда же выступал на студенческом собрании против инспирации черносотенцами «Дела Бейлиса». В 1913-1914 гг. на адрес Пионтковского поступала из Петрограда «Правда». Будучи студентом, он примыкал к той части демократически настроенной молодежи, которая рвалась к активной общественной деятельности, но чей путь в революцию был сложен¹⁴.

Пионтковский не сразу стал коммунистом: с марта 1917 и до конца 1918 г.— меньшевик-интернационалист или, как он сам писал в своей биографии,— меньшевик-объединенец¹⁵. В июне 1918 г. Пионтковский писал в издаваемой им в Казани газете «Рабочая воля», что «в данный момент» рабочий класс должен понять, что борьба за власть

«бесплодная и вредная задача»¹⁶. Он решительно выступал против начавшейся гражданской войны и разжигавших ее большевиков, полагая, что говорить о социалистической революции в России преждевременно¹⁷. В автобиографии Пионтковский сообщал об этом времени: «С момента революции занимался общественной деятельностью. Был членом исполкома Совета рабочих депутатов Казани... писал в газете «Рабочее дело», был членом редколлегии «Казанской рабочей газеты», «Знамя революции». Он был участником октябрьских событий в Казани. После победы вооруженного восстания в городе он продолжал работать в Казанском Совете, был товарищем (заместителем) комиссара труда губернии, заведовал отделом распределения рабочей силы.

Влекла его к себе и научная деятельность. В декабре 1917 г. Пионтковский сдал магистерский экзамен по русской истории, в марте следующего — по политэкономии. Тогда же совет историко-филологического факультета продлил ему срок пребывания в университете еще на год — для подготовки к профессорскому званию. Однако болезнь легких вынудила его прервать занятия наукой и отправиться на кумысолечение в Уфимскую губернию.

Пионтковский покинул Казань в июне 18-го. Развернувшаяся гражданская война, временный захват чехословацкими легионерами и комучевскими народоармейцами Урала и Среднего Поволжья не позволили ему вернуться домой. Около года он провел в Томске и Владивостоке. В автобиографии Пионтковский писал об этом времени: «С сентября 1918 года до осени 1919 года был членом исполнительного комитета Совета профсоюзов в Сибири, а с апреля до июля 1919 года, кроме того, был товарищем председателя Владивостокского губернского совета профсоюзов... В Сибири в 1918—1919 годах издавал рабочие журналы и сотрудничал в них. Редактировал «Рабочий путь» в Томске (вышел № 1) и «Приморский рабочий» во Владивостоке (вышел № 1-2). Писал в «Сибирском рабочем» (все названные издания были меньшевистского направления.— А. Л.), выходившем в 1918—1919 годах в Иркутске»¹⁸.

Колчаковщина произвела тяжелое впечатление на Пионтковского, потому, вернувшись в Казань, в сентябре 1919 г. он вступил в РКП(б)¹⁹, присягнув тем самым на верность другой диктатуре — большевистской.

В Сибири и на Дальнем Востоке Пионтковский собрал материал для своих первых печатных работ по истории гражданской войны. Они — «Год в царстве Колчака»,

«Наш Дальний Восток. Японская интервенция в Сибири» — были опубликованы в Казани в 1919—1920 гг. под псевдонимом Эспе (по начальным буквам имени и фамилии автора). Так в казанских газетах 1917—1918 гг. он подписывал свои статьи, а позже некоторые рецензии.

Основным источником книги Пионтковского «Год в царстве Колчака» были сибирские газеты, журналы, собственные впечатления. А наиболее интересными — сведения о деятельности профсоюзов, больничных касс, бирж труда, рабочей кооперации и т. п. Данные Пионтковского о функционировании рабочих газет и сугубо экономических стачках рабочих позже были дополнены фактами их политических выступлений против колчаковского режима.

В 1920 г. вышла вторая книга Пионтковского «Наш Дальний Восток. Японская интервенция в Сибири». Работа носила научно-пропагандистский характер, и ее положительное значение состояло в попытке выявить роль Японии в интервенции, показать ее бесперспективность. В основе и этой книги лежал узкий круг источников — сибирская периодика той поры. Пионтковский не затрагивал событийный ряд интервенции и был склонен полагать основной причиной высадки японских войск в Приморье традиционную конкурентную борьбу за рынки сбыта и источники сырья.

В конце 1919—начале 1920 гг. Пионтковский приобретает в Казани опыт партийно-советской и профсоюзной работы, выполняя обязанности заведующего агитационно-пропагандистским отделом губкома РКП(б), члена Президиума Казанского губпрофсовета и Казанского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Наряду с преподавательской деятельностью в Высшем институте народного образования и на рабфаке университета Пионтковский часто выступал перед населением города с лекциями: «Программа и устав партии», «Почему у нас тяжело жить». В апреле 20-го он был делегатом 3-го Всероссийского съезда профессиональных союзов.

В конце лета того же года Пионтковский переехал в Москву. Связано это было, по-видимому, с тем, что в июне 20-го В. В. Адоратский, работавший вместе с Пионтковским в Казанском университете, получил письмо от М. Н. Покровского с приглашением прибыть в столицу для участия в составлении хроники Октябрьской революции и разборки архивов белогвардейских правителей — Колчака, Деникина и других. Пионтковский поехал по вызову Адоратского как историк-профессионал. Последний вспо-

минал, как они вместе выносили из здания ВЧК на Лубянке тяжелые мешки с документами Колчака и транспортировали их в архив²⁰.

Покровский помог друзьям и в устройстве на новом месте. Записка от 26 августа 1920 г. на имя заведующего домами Советов А. П. Платонова гласила: «Тов. В. В. Адоратский и С. А. Пионтковский, члены РКП, выполняющие по поручению председателя Совнаркома ответственную работу по разборке белогвардейских документов, крайне нуждаются в помещении для жилья. Прошу Вас оказать названным товарищам всемерное содействие, иначе они не смогут выполнить данное им тов. Лениным поручение»²¹.

Основным местом работы для Пионтковского с осени 1920 г. стал Истпарт, куда его также приняли по инициативе Покровского и Адоратского²². Пионтковский вошел в состав второй подкомиссии Истпарта, занимавшейся историей РКП(б) после февраля 17-го.

Пионтковскому шел тогда тридцатый год. Он был полон энергии и надежд. Первые годы пребывания историка в Москве необычайно плодотворны: Пионтковский публиковал различные архивные материалы и многочисленные рецензии, вел занятия по истории России XIX в. с лекторской группой Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Вместе с Покровским редактировал первые номера журнала «Пролетарская революция», а также упорно отыскивал и систематически посылал в казанское бюро Истпарта документы, относящиеся к истории местной организации РСДРП. В июле 1922 г. в Петроградском Коммунистическом университете для «ведения работы в духе революционного марксизма» открылся научно-исследовательский институт. Пионтковский входил в инициативную группу по его созданию, а затем был утвержден его действительным членом.

Становление новых отраслей исторической науки — историко-партийной и истории советского общества — происходило одновременно. В Истпарте Пионтковский работал менее года: в мае 1921 г. он сдал дела М. А. Савельеву. Но за этот короткий срок он прошел хорошую школу. Именно тогда определился круг его научных интересов: история Октябрьской революции и гражданской войны, российского рабочего класса, классовой борьбы и революционного движения, историография. Центральное место в творчестве Пионтковского заняла история первых лет Советской власти. Он был в числе сотрудников Истпарта, привлеченных Агитпропотделом ЦК РКП(б) к созданию

работы по истории Октябрьской революции, а также подготовке учебной литературы²³.

Над своими первыми книгами по истории революции Пионтковский начал трудиться с конца 1920 г. В автобиографии, написанной 29 апреля 1921 г., он сообщал: «По поручению Комиссии истории партии (имеется в виду Истпарт.— А. Л.) пишу книгу размером 12—15 печатных листов под названием «Пролетарская революция». Книга будет закончена в июне-июле месяце»²⁴. Параллельно велась работа по составлению хрестоматии по истории Октябрьской революции (редактировал ее Покровский)²⁵.

Монография и хрестоматия Покровского об Октябрьской революции увидели свет в 1923 г. Им предшествовал ряд публикаций в журналах, в том числе статья о роли Ленина в Октябрьской революции²⁶.

В опубликованных примерно тогда же статьях о февральских днях и событиях 3-5 июля 1917 г. в Петрограде Пионтковский пришел к выводу о том, что вторая российская революция была необходимым этапом на пути осознания пролетариатом и идущим за ним крестьянством собственных целей и своей собственной классовой программы, а расстрел июльской демонстрации привел меньшевиков и эсеров к «политической смерти», они стали «партиями открытой реакции и контрреволюции»²⁷. Нетрудно заметить, что он исходил из ленинской характеристики поведения мелкобуржуазных партий в то время.

В 1922-1923 гг. наряду с фрагментами из готовящихся к печати работ им было опубликовано более 20 рецензий и аннотаций на советские издания и воспоминания белогвардейцев, а также обзор литературы, который можно рассматривать как своеобразное историографическое дополнение к хрестоматии и монографии об Октябрьской революции. Он положительно оценил работы Троцкого и Бухарина, критически — Милюкова и сделал вывод, что систематического изучения истории революции не ведется. Большинство же работ, по его мнению, были «писаны непосредственными участниками и могут служить примером того, как понимался ее ход представителями общественных классов, как воспринимался ход событий в том или ином лагере»²⁸.

В историографических работах советские ученые дают оценку вклада Пионтковского в изучение истории Октябрьской революции, вскрывают и ошибочные положения, содержащиеся в первых его книгах 20-х годов²⁹. Наибольшей критике подвергается формула о «двуликости» Октябрьской революции (с одной стороны, революция

социалистическая, с другой — буржуазная). Свою точку зрения Пионтковский выразил так: «В Октябрьской революции принимали участие две силы: пролетариат и мелкая буржуазия — крестьянство. Это наложило на Октябрьскую революцию свою неизгладимую печать. Она была сразу и пролетарской и буржуазной. Октябрьская революция была двулика, но эти две стороны ее лица, как двуликий Янус, были тесно связаны друг с другом и немыслимы одна без другой»³⁰. В те годы эту точку зрения разделяли Л. Н. Крицман, М. Н. Покровский, А. В. Шестаков, А. Я. Яковлев³¹, об этом же писала в своих первых работах об Октябре К. Цеткин³². Покровский и в 1927 году полагал, что Октябрьская революция представляла собой «переплет революции социалистической, ...и революции национальной и буржуазной». И что не подлежит никакому сомнению, что против Деникина и Колчака нам помогали отбиваться буржуазные демократы»³³.

Из анализа текста «Хрестоматии» и последующих работ Пионтковского явствует, что формула «о двуликости» Октября была им взята как общее место исторической литературы и впоследствии неоднократно повторена.

Иначе говоря, формула «о двуликости Октября» Пионтковским была взята как нечто данное, известное в исторической литературе. Однако эта данность имела свойства менять свой облик и очертания. Через четыре года в изданном к 10-летию Октября очерке Пионтковский утверждал: «Пролетариат доводил до конца буржуазную революцию, одновременно осуществляя на практике свою основную революцию, революцию социалистическую». И, наконец, в 1935 г. он написал: «Октябрьская революция была пролетарской по движущей силе, социалистической — по целям. Пролетариат, беднейшее крестьянство творили Октябрьскую революцию. Пролетариат, совершая свою основную революцию против буржуазии и эксплуататоров, тем самым походя уничтожил остатки феодализма. Основным, решающим в Октябре был переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата»³⁴.

Эволюция взглядов Пионтковского происходила по мере утверждения в советской исторической и политической литературе доминирующей тогда концепции об Октябрьской революции как революции социалистической. Хотя ныне ясно, что непредвзятое, деидеологизированное исследование характера того, что произошло в России в октябре 1917 года, еще предстоит. И тогда точка зрения историков начала 20-х вряд ли будет называться только «ошибочной» и методологически неверной.

В 1924—1927 г. четыре издания выдержал очерк Пионтковского о Февральской революции, в котором раскрывается ее буржуазно-демократический характер, отмечалась роль РСДРП(б) в руководстве массами. Историк писал: «Позиция большевиков в февральские дни была ясна. Это была позиция не заглушения движения, а его развертывания и роста... Лидеры, не верящие массам, лидеры, боящиеся масс — такова позиция меньшевиков и эсеров в февральские дни»³⁵.

В работах тех лет Пионтковский выступал апологетом большевистской политики. Вместе с Покровским и другими он включился в критику работ Троцкого по истории Октября, а затем — Зиновьева и Каменева. Его замечания были традиционны для той поры: Троцкий преувеличил свою роль, петроградского гарнизона, лозунгов в дни Октября и т. п. Так же, как и Покровский, участвовал в восхвалении деятельности Ленина и большевистской партии в 1917 г. В статье «Ленин в Совнаркоме» (Пионтковский первым начал писать о Ленине как Председателе СНК, его роли в создании Петроградского ВРК) он подчеркивал, что «Ленин не только был инициатором создания Совнаркома, но он входил во все детали его внутренней структуры и практической деятельности. Он налаживал работу Совнаркома, его аппарат, технику и организацию»³⁶. Важнейшей задачей Пионтковский считал создание истории большевистской партии как основной силы, руководившей пролетарской революцией, борьбой со всеми попытками реставрации дооктябрьских отношений в годы гражданской войны, строительством социализма в период новой экономической политики.

Из когорты официальных советских историков он выделялся, пожалуй, одним — профессиональным пониманием значения документов и активной публикаторской работой. Собственно, с публикации документов началась его научная деятельность в Москве. Уже в первом номере «Пролетарской революции» (1921 г.) появилась подборка документов из архива Колчака. Пионтковский разбирал архив департамента полиции и печатал материалы из истории рабочего движения в России, первым обратился к изучению фонда Совнаркома. Он ввел в хрестоматийный оборот резолюции партийных съездов и статьи Ленина, первые декреты Советской власти, текст крестьянского наказа, мемуары участников октябрьских событий в Петрограде. Подготовленная хрестоматия по истории гражданской войны в России долгие годы являлась единственным сборником, где советские документы можно было видеть в

сравнении с документами иных режимов, функционировавших на территории страны в 1918—1921 гг. Многие из них Пионтковский цитировал в разделе о гражданской войне четвертого тома «Истории ВКП(б)».

В дальнейшем Пионтковский намечал издание серии документальных сборников, посвященных деятельности РКП(б), партийному и советскому строительству, профсоюзам, экономике страны, а также положению в стране контрреволюции. Особое значение он придавал сбору и последующей публикации документов первичных партийных организаций, которые обрисовали бы «ход Октября на фабриках и заводах, в казармах, полках, деревне». В 1928 г. под редакцией Пионтковского и с его предисловием вышел сборник документов «Советы в Октябре», в последующие годы — мемуарные и документальные сборники по истории гражданской войны и истории народов СССР.

В особый вид историографической литературы Пионтковский выделял мемуары. Он высоко оценивал воспоминания Н. К. Крупской, Д. Рида, В. Вильямса, В. А. Антонова-Овсеенко, Ф. Ф. Раскольниково о революции, весьма критически относился к мемуарам лидеров непролетарских партий и белогвардейцев³⁷.

В 20-е гг. создавалось советское историко-партийное источниковедение. У его истоков стояли Н. Н. Авдеев, В. В. Адоратский, С. Н. Валк, М. Н. Покровский. К ним с полным правом следует отнести и Пионтковского. В те годы теоретическое источниковедение исходило из оценки источников прежде всего с учетом их классового происхождения. Разделяя эту точку зрения, Пионтковский, более чем кто-либо из современных ему историков, придавал данному аспекту первостепенное значение.

В 1926 г. под редакцией и с предисловием Пионтковского была выпущена одна из первых библиографий по истории Октябрьской революции. В литературе, посвященной этой теме, он особо выделял труды Ленина, считал его первым историком Октября. Пионтковский высоко ценил также работы соратников Ленина, ибо эти «вожди и руководители политических боев пролетариата за власть, руководители боев за удержание власти и за строительство социализма» являлись и первыми историками нового мира³⁸.

Нельзя не заметить при этом, что официальное отношение ко многим соратникам Ленина, начавшее меняться с середины 20-х, тут же конъюнктурно сказывалось на трудах историков. Работы Пионтковского не были исключением. Если в 1923 г., обзоревав литературу об Октябрьской

революции, он, например, высоко оценивал отдельно работы Н. И. Бухарина и Л. Д. Троцкого, то из подобного же обзора, помеченного 1926 годом, они просто выпали³⁹.

Труды Пионтковского, в том числе по истории рабочего класса России, отражали современный ему этап и уровень развития исторической науки. А она уже находилась во власти узкоутилитарного классового подхода, догматизма, априорных истин. Быстро сформировалось сакральное отношение к ленинским текстам, научные аргументы стали вытесняться партийными установками, политическими ярлыками. Обозревая как-то историческую литературу, Пионтковский заметил, что историки берут схему, данную в работах Ленина, его выводы о значении Октября и иллюстрируют эти положения конкретным материалом. Однако и сам он делал так же.

В архивах сохранились протоколы заседаний директора Института красной профессуры Коммунистической академии. Среди них план семинара по историографии, предложенный Пионтковским на 1931/32 учебный год. В нем ставилась задача доказать слушателям, что «история есть определенный вид классовой идеологии», что нужно «дать на фоне вскрытия классовой сущности отдельных историков, представителей отдельных классов, понятие об основных проблемах русского исторического процесса»⁴⁰. Как историк, он полагал, что диктатура пролетариата без пришествия диктатора немыслима. Пионтковский своими работами защищал и оправдывал свершившееся в октябре 1917 г., славил Ленина и остановился перед апологией Сталина.

Пионтковский учился в дореволюционной школе и университете, у профессоров, начавших свою научную деятельность в конце XIX в. Но в его дневниковых записях сквозит ненависть к «буржуазным историкам» С. В. Бахрушину, М. М. Богословскому. Исключением для него был его учитель, профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов, «изумительный старик», но не марксист... Для Пионтковского историография подразделялась на буржуазную, реакционную, и пролетарскую, марксистскую, революционную. По его мнению, последняя получила от дореволюционной лишь печатный материал да техническое умение оперировать историческими документами. После Октября история стала «боевым орудием пролетариата»⁴¹.

Но было бы неправильным считать, что Пионтковский только плыл по течению, всецело был у времени в плену. Он отнюдь не идеализировал «новое» общество. Образованный, из профессорской семьи, владевший многими сла-

вянскими языками, а также немецким и французским, побывавший в научной командировке в Италии и Австрии, Пионтковский достаточно презрительно относился к нарождавшейся партийной номенклатуре. После отдыха в Кисловодске летом 1928 г. он записал в дневнике, что встретился со средними ответработниками. «Партийные сановники не мешаются даже во время отдыха с рядовой партийной шпаной. Ни в одной, пожалуй, стране аристократия не поставлена так крепко и в высоко привилегированные условия, как у нас в стране». Его отвращали жестокость и карательное всемогущество часто ничтожных людей, оказавшихся у власти. Там же, в Кисловодске, он случайно оказался свидетелем беседы двух чекистов. Один из них рассказывал с воодушевлением, как расстреливал в подвале бывших офицеров и ходил, хлюпая в крови. «Мне стало страшно,— вспоминал историк,— а вдруг он опять начнет кого-нибудь расстреливать...» И описал этого чекиста. «Совсем шуплый, жидкий, только в глазах какая-то кровавая чертовщина».

Пионтковский, бывший сторонником классовых воззрений Покровского, когда начались нападки на последнего, пытался защитить его. «Ошибки в книгах Покровского,— утверждал он,— не умаляют роли, сыгранной им в истории развития марксистской исторической науки в нашей стране. Книги Покровского являются этапом в развитии марксистской исторической мысли»⁴².

И все же конформизм зачастую брал верх. В дневниковой записи 24 февраля 1930 г. есть рассуждения об устарелости взглядов Покровского, о том, что «он пережил себя сам», поскольку появились новые материалы и новые идеологические установки. Теперь, считал историк, нужно было говорить о единственном вожде — Сталине.

Сам Пионтковский, видимо, решил от новых идеологических веяний не отставать. В 1928—1930 гг. произошел разгром исторического отделения Академии наук. Идеологическое обеспечение различных «фабрикаций» взяла на себя Коммунистическая академия. Один из первых ударов нанес Покровский в докладе на конференции представителей марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. 10 октября 1930 г. на объединенном заседании секции промышленного капитализма Института истории Комкадемии и Общества историков-марксистов выступил Пионтковский с докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия». Этот доклад не делал ему чести. Он резко критиковал работы С. В. Бахрушина, Р. Ю. Виппера, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, С. Ф. Платонова,

М. К. Любавского и других ученых, так как «на всем протяжении революции они защищали интересы собственников». В работах историков Пионтковский обнаружил «зоологический национализм московских лабазников» и расценил их «как последнее сопротивление буржуазии, последние судороги мертвеца». «Наша задача,— утверждал он,— заключается в том, чтобы помочь им поскорее умереть, умереть без следа и остатка»⁴³. Эти выводы поддержали С. А. Голубцов, А. В. Шестаков и другие участники совещания.

Подобные обсуждения прошли в Ленинграде, Киеве и Минске. Эти выступления в то время, когда Платонов, Любавский и другие были арестованы, трудно расценить иначе, как удар в спину оклеветанных коллег.

Пионтковский записал в дневнике 1 ноября 1930 г., вскоре после своего погромного доклада, что его уволили из института истории и выслали из Москвы в Харьков, что выявлены антисоветские заговоры историков, экономистов и инженеров, что ему было тяжело. Вот и все. О докладе ничего. Может быть, Пионтковский, выступая с оголтелой, ярлыковой критикой, как-то хотел заявить о своей политической благонадежности режиму, который в таких заверениях мало нуждался? Может быть. По крайней мере, уверенности в том, что Пионтковский положения доклада отстаивал искренне,— нет. Но факт есть факт, и он — черная, мрачная страница в биографии ученого.

11 декабря 1930 г. Пионтковский отметил, что работает над книгой по историографии. Его занимал вопрос станет ли эта книга «камнем строящегося социализма» и как скоро она устареет. Он сетовал на то, что чрезвычайно сложно участвовать в строительстве социализма писанием книг. Оправдывал ли он этим свою книгу? Считал ли, что избежит непрерывных проработок, публично участвуя в них? Трудно сказать. Однако они его не минули.

Полные отчаяния, боли строки находим в дневниковой записи за 3 февраля 1932 г. «На идеологическом фронте идет отчаянная проработка. Я никогда ни в каких оппозициях не был, а вообще все мы самым искренним образом преданы партии,— и вдруг мы (речь идет также об Эльвове и Минце.— А. Л.) оказались троцкистскими контрабандитами, фальсификаторами истории партии и большевизма, одним словом, врагами рабочего класса. Нас прорабатывают из номера в номер в «Большевике», дали несколько статей в «Правду». Наконец, два дня подряд все мои книжки, статьи, заметки, библиографии прорабатыва-

ли в ИКП, нашли тьму ошибок, превратили всю мою десятилетнюю деятельность в одну чернильную кляксу и доказали как дважды два, что я правый оппортунист с меньшевистско-эсеровскими загибами».

Последняя запись в дневнике датирована 23 марта 1934 г. В ней говорится о вызове на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) вместе с другими авторами учебников для средней школы. О том, что на заседании председательствовал Молотов, с «отвратительнейшим докладом» выступил Бубнов, и в «благоговейной тишине» звучали слова Сталина: «учебники эти никуда не годятся». После этого их вызвал нервничавший Бубнов и «кричал», кто и какие учебники будет писать...

19 марта 1936 г. Пионтковский прочел последнюю публичную лекцию в Высшей школе пропагандистов имени Свердлова при ЦК ВКП(б). В том же году она была издана под названием «Крепостническая Россия в борьбе с революцией в Европе». Осенью того же года за ним пришли. Дальнейшее читателю известно.

На совести охотно палачествующей диктатуры миллионы жертв. Был проклят, попадал в немилость всяк, полагавшийся неудобным благу революции. Таковые обнаруживались и среди строивших и укреплявших режим, и среди стоявших в оппозиции к нему, и среди безмолствовавших. Пионтковский был активен, на виду, многие годы находился рядом с Покровским, чью школу разгромили в середине 30-х, проявил профессионализм, а потому — был потенциально опасен. Возможно, сыграли свою роль и его архивные историографические изыскания. Заверения в лояльности тогда не действовали. Принцип «чего изволисте?» мог спасти тело, но не душу. Но в данном случае и он не помог. Может быть, правы древние: «Каждому человеку судьбу создают его нравы?»

* * *

¹ В 1963 г. Андрей Андреевич Пионтковский (1898-1967), юрист, член-корреспондент АН СССР, специалист по уголовному праву, обратился в Военную прокуратуру с просьбой передать ему личные дневники погибшего старшего брата. Военный прокурор Б. Репин 4 марта 1963 г., решил, что «по своему содержанию дневник Пионтковского С. А. непосредственного отношения к делу не имеет и ничего антисоветского в себе не содержит». А. А. Пионтковский получил экземпляр дневника. Я читал отрывки из него, будучи у него в гостях в 1964 году, когда собирал материалы для статьи о судьбе историка. Позже текст этого дневника мне удалось идентифицировать с хранящимся в архиве экземпляром и только после этого можно было сделать вывод о его подлинности (дневник напечатан на машинке, рукописи нет). В тексте

- очерка широко используется этот, еще не опубликованный, источник.
- ² Гатов М. Л., сотрудник НКВД, 22 февраля 1939 г. был приговорен к расстрелу за злоупотребление служебным положением. При просмотре дела в 1956 г. оснований для реабилитации не нашлось.
- ³ Бюллетень Истпарта.— Госиздат, 1921.— № 1.— С. 18. В состав коллегии Истпарта вошли: В. В. Адоратский, Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, С. А. Пионтовский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов.
- ⁴ Пионтовский С. А. Октябрьская революция в России. Ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк.— М.—Пг., 1923; М., 1924; М., 1926. А также см.: Piontkovsky S. A. Histoire populaire de la Revolution d'Octobre.— Paris, 1927; Библиотека В. И. Ленина в Кремле.— М., 1961.—С. 226.
- ⁵ Пионтовский С. А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции.— М., 1923; М., 1924; М., 1926; Он же. Гражданская война в России (1918-1921 гг.). Хрестоматия.— М., 1925; Он же. Февральские дни 1917 года.—Л., 1924; Л., 1925; Л., 1926; Л., 1927; Он же. Краткий очерк истории рабочего движения в России (с 1870 г. по 1917 г.).— Л., 1925.
- ⁶ Только в журнале «Пролетарская революция» в 1921-29 гг. было опубликовано более двадцати его работ.— См.: Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель 1921-1929 гг.— М., 1931.— С. 148-149.
- ⁷ Советы в Октябре//Сб. док.—М., 1928; Шульгин В. В. 1920 г.—Л., 1926; В этой серии вышли: Чаадаева О. Корниловщина.— М.—Л., 1930; Корнатовский Н. Северная контрреволюция.— М., 1930; Пухов А. Кронштадтский мятеж.— М., 1931; В этой библиотечке вышли: Зельцер В. и Гайсинович А. Дореформенная экономика.— Харьков, 1930; Симонов С. Пугачевщина.—Харьков, 1931; и др.
- ⁸ См.: Труды первой Всероссийской конференции историков-марксистов.— М., 1930.—Т. 1.—С. 417-418; Т. 2.—С. 616. Тогда же С. А. Пионтовский вошел в созданную по решению конференции комиссию по изучению истории пролетариата СССР.— См.: 50 лет советской исторической науки. / Хроника.—М., 1971.—С. 130.
- ⁹ Историк-марксист.—1928.—№ 7.—С. 224, 228; 1932.—№ 1-2.—С. 193, 200; Большевик.—1931.—№ 22.—С. 75; 1932.—№ 1-2.—С. 123.
- ¹⁰ Последняя запись в дневнике датирована Пионтовским 23 марта 1934 г.
- ¹¹ Историк-марксист.—1936.—№ 3.—С. 121, 137; Борьба классов.— 1936.—№ 5.—С. 117, 120.
- ¹² Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях// Проблемы источниковедения.— М., 1963.— Т. XI.— С. 27; Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата.— Л., 1967.— С. 11; Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.).— М., 1968.— С. 165; Водолагин В. М. Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе.— М., 1967.— С. 29; Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. 1917—середина 30-х годов.—М., 1981.—С. 174; Черных А. Г. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России.— М., 1969.— С. 308-309; Очерки истории исторической науки в СССР.— М., 1966. Т IV.— С. 164.
- ¹³ А. Аросев вспоминал: «Мы прослышали, например, что есть еще какая-то организация среди гимназистов. Мы отправились к одному из членов ее, С. Пионтовскому. С ним беседовали В. Скрябин (позже В. М. Молотов.— А. Л.) и я в какой-то темноватой комнате около кухни в сумеречное время. Пионтовский сидел на сундуке, смотрел

- на нас сквозь пенсне живыми, острыми глазами... и подробно спрашивал нас о программе наших занятий. Из разговора этого ничего не вышло, так как оказалось, что и его, Пионтовского, как-то тревожит то положение, что наша организация не отказывалась от революционных практических действий, но вместе с тем составлялась из разнообразных революционно-социалистических элементов». — Аросев А. Как мы вступали в революционную работу. — М. — Л., 1926. — С. 66. Казанский полицмейстер 30 октября 1913 г. докладывал в канцелярию губернатора, что студент Пионтовский отказался от должности председателя литературного кружка. Этого потребовал от него отец, профессор А. А. Пионтовский (1862-1915), который в то время избирался в деканы юридического факультета и не хотел, чтобы сын как-то его скомпрометировал. — ЦГА РТ. — Ф. 1. — Оп. 4. — Д. 5481. — Л. 50.
- ¹⁴ В 1914 г. Пионтовский закончил историко-филологический факультет Казанского университета с дипломом первой степени и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Занимался Пионтовский у профессора Н. Н. Фирсова и еще студентом был отмечен золотой медалью за научную работу «Главнейшие общественные течения в России за 1811-1812 гг. и выражение этих течений в публицистических и литературных произведениях того времени». Но весной 1914 г. Фирсова вынудили подать в отставку и в университет он вернулся лишь через два года, весной 1916 г. Пионтовский в это время занимался под руководством профессора Д. А. Корсакова, который в отчете за 1915 г. отмечал усердие аспиранта, но находил, что его источниковедческая подготовка оставляет желать лучшего, а также, что «Пионтовский находится под влиянием случайных современных воззрений». — ЦГА РТ. — Ф. 977. — Оп. 1. — Д. 2364. — Л. 17.
- ¹⁵ Архив АН России. — Ф. 350. — Оп. 3. — Д. 249. — Л. 4.
- ¹⁶ Рабочая воля. — Казань, 1918. — 12 июня.
- ¹⁷ ЦГА РТ. — Ф. 271. — Оп. 2. — Д. 153. — Л. 35.
- ¹⁸ Там же. — Ф. 3682. — Оп. 2. — Д. 405. — Л. 158.
- ¹⁹ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 9. — Д. 1911. Анкета партийной переписки. Заполнена 15 января 1927 г.
- ²⁰ Адоратский В. Воспоминания о возникновении Истпарта // Пролетарская революция. — 1930. — № 5. — С. 164. Архивы Колчака и его правительства были переданы в 1920 г. в архив Октябрьской революции.
- ²¹ Советские архивы. — 1966. — № 5. — С. 7.
- ²² Покровский М. О. возникновении Истпарта // Пролетарская революция. — 1930. — № 7-8. — С. 139.
- ²³ См.: Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917-1927 гг.). — М., 1980. — С. 73, 134, 137; Носов А., Юсупов Э. Ленинское наследие и вопросы методологии истории Великого Октября. — Ташкент, 1984. — С. 232, 233.
- ²⁴ ЦГА РТ. — Ф. 3682. — Оп. 2. — Д. 405. — Л. 158.
- ²⁵ РЦХИДНИ. — Ф. 17. — Оп. 60. — Д. 88. — Л. 27. 16 ноября 1922 г. Покровский сообщил в Агитпропдел ЦК партии: «Просмотрев рукопись хрестоматии по истории Октябрьской революции, составленной тов. Пионтовским С. А., я нахожу, что она по плану и содержанию соответствует тем задачам, которые были ей поставлены. Поэтому ее можно сдать в печать с тем, чтобы гранки, по мере отпечатания, присылались мне для окончательной редакции». — Там же. — Л. 4.
- ²⁶ Пионтовский С. Ленин в октябрьские дни 1917 г. // Молодая гвардия. — 1923. — № 9-10. — С. 88.
- ²⁷ Пионтовский С. 3-5 июля // Современник. — 1922. — № 2. — С. 17; См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 44.

- ²⁸ См.: Пионтковский С. Обзор литературы по истории пролетарской революции в России // Печать и революция.—1923.—№ 2.—С. 99.
- ²⁹ Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября.— М., 1981.— С. 174-175; Очерки истории исторической науки в СССР.— М., 1966.— Т. 4.— С. 447-448; Историография истории СССР. Эпоха социализма.— М., 1982.— С. 65, 92, и др.
- ³⁰ Пионтковский С. А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции.— С. 183.
- ³¹ См.: Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. «военного коммунизма»).— М., 1925.— С. 30-34; Покровский М. Н. Контрреволюция за 4 года.— М., 1922.— С. 11; Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г.—Л., 1927.— С. 120, 162; Яковлев Я. Об историческом смысле Октября.— М., 1922.— С. 15. и др.
- ³² К. Цеткин писала: «По существу дела революция должна была нести пролетарско-социалистическое зерно».— Цеткин К. За большевиков // Коммунисты Запада и Советской России.— М., 1918.— С. 10.
- ³³ ГАРФ.— Ф. 4655.— Оп. 1.— Д. 53 — Л. 10, 20.
- ³⁴ Пионтковский С. А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции.— с. 183; Он же. Октябрь 1917 г.—М.—Л., 1927.—С. 97; Он же. Очерки истории СССР XIX и XX вв.—М.—Л., 1935.—С. 518-519.
- ³⁵ Пионтковский С. Февральские дни 1917 г.—Л., 1924.—С. 30.
- ³⁶ См.: Пионтковский С. Ошибки в «Уроках Октября» тов. Троцкого // Пролетарская революция.—1925.— № 1; Он же. Большевизм и вопрос о буржуазно-демократической революции // Коммунистическая революция.—1926.— № 24; Он же. Накануне Октябрьской революции // Коммунистическая революция.—1927.—№ 19; Он же. Октябрь 1917 г.— С. 101-103. Ответы на замечания в свой адрес см.: Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций.— М., 1990.
- ³⁷ Пионтковский С. А. Мемуары Октябрьской революции // История заводов.— М., 1934.— Вып. 8.— С. 55-62.
- ³⁸ Пионтковский С. Предисловие к кн.: Данишевский С. Л. Опыт библиографии Октябрьской революции.— М.— Л., 1926.
- ³⁹ См.: Пролетарская революция.—1926.—№ 2.—С. 234-235.
- ⁴⁰ Архив АН России.—Ф. 350.—Оп. 1.—Д. 510.—Л. 35, 36.
- ⁴¹ Пролетарская революция.— 1927.—№ 2.—С. 114, 121.
- ⁴² Пионтковский С. Борьба М. Н. Покровского с российской буржуазной историографией // Историк-марксист.—1932.—№ 6.—С. 86; Он же. Памяти ученого-революционера // Фронт науки и техники.—1935.— № 4.— С. 9.
- ⁴³ См.: Пионтковский С. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист.—1930.—№ 17; Он же. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист.—1930.— Т. 18-19; Он же. Буржуазная историческая наука в России.— М., 1931.

ПОСЛЕДНИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ В ВКП(б)

21 марта 1930 г. в конференц-зале института Маркса и Энгельса торжественно отмечали 60-летие Давида Борисовича Рязанова (1870-1938)¹. Вел заседание председатель ЦИК М. И. Калинин. Приветствуя юбиляра от имени ЦК партии, правительства и ЦИК, он зачитал официальное постановление: «Отмечая крупнейшие научные заслуги тов. Рязанова, создание им Института Маркса и Энгельса — единственную в мире научную лабораторию по марксоведению, истории рабочего движения и классовой борьбы, а также отыскание и публикацию неизвестных до последнего времени многих произведений основоположников научного социализма... наградить Рязанова Д. Б. орденом Трудового Красного Знамени». И тут же, под аплодисменты присутствующих, прикрепил орден к лацкану пиджака растроганного юбиляра.

С докладом о научном творчестве Рязанова выступил Деборин. Он характеризовал своего коллегу как «выдающегося революционера, ...деятеля профессионального движения, ...крупнейшего ученого, исследователя специальной научной дисциплины — марксоведения». Рязанова также приветствовали: Катаяма — от имени Коминтерна, Лозовский — Профинтерна, Будкевич — Реввоенсовета страны, Ярославский — редакции газеты «Правда» и Всесоюзного общества политкаторжан. Покровский подчеркнул уникальность Рязанова, которая заключена в том, что он не прошел «никакой правильной школы», но стал первоклассным ученым, и что таких людей — единицы. Стеклов вспомнил, что когда они познакомились, у Рязанова еще не было почтенной лысины и седых волос — это был «очень красивый юноша с густой шевелюрой». Бах, выступая от имени Академии наук, сказал, что хотя в этом учреждении марксизм долго не считали научной дисциплиной, теперь признали, что это не так. И достойный представитель этой науки — Рязанов («мировой ученый, ...лютый на работу, ...несравненный организатор»). Бухарин говорил о мужестве Рязанова, который в июльские дни 1917 года, будучи беспартийным, поддержал большевиков, а в 1919-м, во время наступления Юденича, оставался в Петрограде, не поддавшись общей панике².

В заключительном слове юбиляр повторил, что он самоучка, и пообещал: «Мой голос всегда будет слышен тогда, когда нужно защищать дело пролетариата и дело коммунизма». ЦИК СССР принял постановление об учреждении премии имени Рязанова с целью поощрения научных исследований по истории развития марксизма и разработке научных биографий К. Маркса и Ф. Энгельса³.

16 февраля 1931 года (почти в годовщину юбилейного празднования) Рязанов был арестован. Месяц шли допросы. 23 марта начальник 2-го отдела ОГПУ Д. Дмитриев, ознакомившись со следственными материалами, определил: «В ходе следствия по делу союзного бюро ЦК РСДРП было установлено, что член контрреволюционной меньшевистской организации профессор И. И. Рубин передал Рязанову ряд меньшевистских партийных документов на хранение. Выяснилось, что в институте под руководством Рязанова работали меньшевистские элементы, в 1926 г. он пригласил на работу бундовца Рубина Исаака Ильича, который был осужден к ссылке. Рязанов поручился за него и назначил Рубина зав. кабинетом политэкономии института. Вскоре Рязанов взял на работу члена союзного бюро ЦК РСДРП Шера, члена ЦК меньшевика Череванина и др. Рязанов покровительствовал меньшевикам.

В процессе обыска, произведенного ОГПУ, в институте были обнаружены десятки заявлений, в которых члены семей осужденных меньшевиков через Рязанова и при активном его участии возбуждают различные ходатайства⁴... В своих показаниях Рубин отмечал, что, постепенно сближаясь с Рязановым, он устанавливал в идеологии последнего родственные меньшевизму взгляды... Рязанов взял на хранение в декабре 1930 г. письмо заграничной делегации РСДРП, излагающее новую тактическую установку на интервенцию. Документы, мотивирующие необходимость блока с буржуазными контрреволюционными организациями, исходя из той же установки о принятии интервенции...

Допрошенный Рязанов отрицал предъявленное ему обвинение: никаких документов от Рубина не получал, о том, что Рубин меньшевик, не знал...

Решил: следственное дело по обвинению Рязанова, 61 год, представить на рассмотрение судебного заседания коллегии ОГПУ».

16 апреля 1931 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ решило выслать Рязанова в Саратов на 3 года. До этого был обыск на квартире (где изъяли его переписку, статьи, экземпляры «Социалистического вестника», письма

Радека, Николаевского и других), а также очная ставка Рязанова с Рубиным, где первый опроверг все «признания» второго.

23 февраля Рязанов писал в Политбюро ЦК ВКП(б), что после бесед с руководством ОГПУ и прокуратуры Прокофьевым, Гаем, Дмитриевым, Крыленко ему стало ясно предъявленное обвинение. «Оно сводится к показанию Рубина в предъявленном мне его письме. Оказывается, что незадолго до ареста Рубин якобы передал мне на хранение запечатанный конверт с бумагами, которые представляют интерес для истории РСДРП, с просьбой сохранить его и вернуть ему обратно после его освобождения. Никакие ссылки — т. Гай — на всем известную страсть мою «коллекционировать», или — т. Крыленко — на мою «доброту» и «неосторожность» не могут затушевать всю дикую нелепость такого гнусного оговора. Я должен был бы быть первостепенным идиотом, чтобы взять на хранение документы от Рубина...»

Рязанов признавал, что он получил какие-то запечатанные пакеты (в заграничных конвертах) с просьбой передать их кому-то. Он их передал в ОГПУ Ягоде и Евдокимову, и вообще история его отношений с Рубиным «великолепно известна Менжинскому и Ягоде. Я, вместе с другими товарищами, ценил Рубина как очень знающего экономиста и прекрасного переводчика...⁵ ЦК, который еще 10 марта 1930 г. приветствовал в моем лице «неутомимого борца за торжество идей великих учителей международного пролетариата Маркса, Энгельса, Ленина»... может быть уверен, что я ни душой, ни телом не повинен в том поступке, который возводит на меня гнуснейшим образом мой бывший сотрудник», — заверял Рязанов.

Однако клятвенные уверения не тронули никого из тех, кто еще недавно произносил здравицы в его честь. Рязанова направили в Суздальский изолятор. В следственном деле № 553901 хранится подлинник его письма от 11 апреля 1931 г. в коллегиям ОГПУ⁶. Он жаловался на ухудшение здоровья, плохое питание, просил перевести его в Москву, дать книги для чтения, разрешить свидание с женой, Анной Львовной. Ему разрешили передачи, выдали писчую бумагу и выслали... Затем, одно за другим, последовали постановления особого совещания ОГПУ — 15 декабря 1933 г. срок его высылки был продлен еще на 2 года; 5 марта 1934 г. последовал запрет на проживание в Московской и Ленинградской областях сроком на 2 года. Наконец, 21 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Рязанова к высшей мере нака-

зания. В тот же день приговор был приведен в исполнение⁷.

В. А. Смирнова утверждала, что расправа с Рязановым, за ходом которой внимательно следил Сталин (ему докладывались все материалы следствия), была одним из первых грозных сигналов тотального наступления режима на науку⁸. По мнению Р. Конквеста, суд над «меньшевиками» в 1931 г. послужил благоприятным поводом впутать в дело старого большевика-демократа Рязанова и исключить его из партии якобы за недозволенную связь с меньшевиками⁹. Эти констатации необходимо откорректировать: расправа с Рязановым не была одним из первых актов в уничтожении обществоведов, она была частью набирающего в то время силу процесса их осуждения и дискредитации; и Рязанов не был освобожден, как думает Конквест, конечно, если не считать, что ссылка есть свобода.

Со второй половины 20-х годов в стране последовательно усиливалась тенденция устрашения интеллигенции — инженеров, военных, историков, экономистов, иностранных специалистов. Если начало 20-х годов знаменовалось судом над руководством партии правых эсеров, то начало 30-х — над выдуманными ОГПУ и ЦК партии «трудовой крестьянской партией», «союзным бюро ЦК РСДРП» и другими мифическими организациями. В лице Рязанова осудили одного из старейших социал-демократов страны. Это было предостережением не только академикам, научным работникам, обществоведам (ведь судили директора института Маркса и Энгельса), но и старым большевикам. Рязанов формально был членом ВКП(б) с июля 1917 г., он был хорошо знаком с Лениным и практически со всеми лидерами II Интернационала. Разумеется, отличавшийся самостоятельными суждениями (часто отличными от ленинских), не боявшийся критиковать ЦК, известный своим ироничным отношением к Сталину, он уцелеть не мог. Достаточно лишь вспомнить отдельные факты из биографии Рязанова, чтобы убедиться в этом.

Давид Борисович Гольдендах (Рязанов) родился в Одессе, учился в гимназии, хотя и не закончил ее. В 1887 г., с семнадцати лет, увлекся идеями народников, затем стал социал-демократом. Во время заграничных поездок пытался издавать марксистскую литературу. В 1891 г. был арестован и после предварительного 18-месячного заключения приговорен к 4 годам тюрьмы. Сидел в петербургских «Крестах», затем был выслан в Кишинев. В 1900 г. эмигрировал, в 1903 г., после II съезда РСДРП, издал полемическую брошюру «Разбитые иллюзии». В 1905-1907 гг. создавал профсоюзы в Одессе

и Петербурге. Был арестован и вновь эмигрировал. В 1909 г. работал лектором в пропагандистской школе «впередовцев» на Капри, затем у Ленина, в Лонжюмо. Участвовал в Циммервальдской конференции. Но главное, собирал рукописи работ, письма Маркса и Энгельса, контактировал с их родственниками, а также с А. Бебелем, Э. Бернштейном, Ф. Мерингом, К. Каутским¹⁰. После революции Рязанов руководил петроградскими профсоюзами, стал организатором института Маркса и Энгельса, одним из создателей Коммунистической Академии, собирателей советских архивов¹¹. Рязанов был составителем и редактором сочинений Маркса и Энгельса, Плеханова и Лафарга, автором многих оригинальных сочинений по истории марксизма.

Он был членом президиума II съезда Советов, но затем вместе с Каменевым и другими поддержал идею создания однородного социалистического правительства, за что подвергся резкой критике Ленина и Троцкого. Рязанов оппонировал Ленину на VII съезде РКП(б) в марте 1918 г. по вопросу заключения Брестского мира. Он заявил о себе как о стороннике мировой революции и обвинил Ленина в том, что тот сделал ставку только на русских крестьян. «Ленин хотел воспользоваться лозунгами Толстого, — говорил Рязанов, — видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой. Толстой предлагал устроить по-мужицки, по-дурацки, Ленин — по-мужицки, по-солдатски». По его мнению, стремление сохранить Советскую Россию как очаг революционной пропаганды для международного пролетариата объяснялось желанием «устроить в России «келью под елью», под защитой германского штыка»¹².

На VIII съезде партии (март 1919 г.) въедливый Рязанов обнаружил, что Бухарин, выступавший с (как она тогда называлась) «великодержавной оппозицией» национальному разделу программы РКП(б), заимствовал эту идею у Сталина¹³. Столь же критичным было выступление Рязанова на IX съезде партии. Он осмелел выступление Рыкова, защищавшего вместе с Троцким идею огосударствления профсоюзов, и выступил против изгнания с профсоюзной работы противящегося огосударствлению Рязанова. Возражая Рыкову, Рязанов (не без сарказма) предлагал дать возможность профсоюзам заниматься охраной прав рабочих и их воспитанием¹⁴.

Собравшийся в марте 1921 года X съезд партии завершился отказом от политики военного коммунизма и провозглашением нэпа. В то же время Ленин довел едва ли не до абсурда идею единства партии, специальной резолю-

цией закрепив, вопреки принципам демократизма, право ЦК на исключение собственных же членов. Слишком силен был страх, вызванный кронштадским выступлением и сочувственной реакцией на него рабочих и крестьян. Рязанов не преминул сравнить призыв Ленина к единству с попыткой Пугачева помирить своих сторонников: «И речь докладчика (Ленина) и речь самарского товарища (Милонова) напомнили мне одного из наших предшественников XVIII столетия — т. Пугачева. Когда начались фракционные разногласия... Пугачев обратился к своим соратникам с прочувствованным словом: «Господа енералы, полно вам ссориться. Не беда, если бы и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладной, беда, если наши кобели между собой перегрызутся. Ну, помиритесь!». Рязанов считал, что ЦК, упорно борясь с инакомыслящими, сам же «культивирует» и выращивает «рабочую оппозицию»¹⁵.

XI партийный съезд был последним, которым руководил Ленин. В обсуждении его доклада принял участие Рязанов, весьма образно представивший положение в партии: «Все товарищи, которым приходится... критиковать политику ЦК, попадают в затруднительное положение. Наш ЦК — совершенно особое учреждение. Говорят, английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается». По Ленину, заметил Рязанов, выходит, что коммунистическая партия для работы в новых условиях «абсолютно не годится». Рязанов считал, что так будет до тех пор, пока ЦК не перестанет душить внутривнутрипартийную демократию¹⁶. На XIII съезде партии Рязанов выступил против переноса праха Маркса в Москву, на XIV констатировал понижение теоретического уровня в работе партии и сказал, что политика партии была «не всегда правильная, а часто очень ошибочная, в особенности за последнее время»¹⁷.

Рязанов всегда был настроен на критику. Его язвительные реплики, насмешки над авторитетами вызывали раздражение аппаратчиков и партийных оракулов. Судя по его выступлениям на съездах, он мало считался с уставными запретами и высказывался так, как считал нужным. Он знал себе цену, как одному из лучших знатоков истории марксизма. Наверное, можно сказать, что его воспитание, образ мыслей, поведение были скорее социал-демократического, чем большевистского типа. Именно Рязанов на одном из собраний в середине 20-х, когда Сталин пытался «теоре-

тически» обосновать возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране, срезал его публично: «Прекрати, Коба, не выставляй себя на посмешище. Все знают, что теория — не твоя стихия»¹⁸. Сталин промолчал, но, конечно, запомнил. Ведь о его мстительности ходили легенды, а по свидетельству Каменева, для Сталина «высшее наслаждение — выявить врага, подготовиться, порядком отомстить и затем спокойно спать»¹⁹.

Столь же независимые суждения Рязанов позволял себе в статьях, книгах и редактируемых им изданиях. Он исходил из права ученого сомневаться во всем, не считаясь при этом с авторитетами. «Если можно и должно относиться критически к Марксу и Энгельсу,— и я показал это в нескольких работах, которые Меринг удостоил самых лестных похвал,— писал Рязанов,— если можно опровергать легенды, созданные с легкой руки Маркса и Энгельса, то не менее святое право имеет марксист разрушить и легенды, созданные анархистами. И мне удалось показать, что ряд глупейших инсинуаций и грязнейших клевет, которыми старались запачкать партийную честь Маркса, которые приняты на веру Бернштейном и Мерингом,— просто высосаны из пальца»²⁰. Рязанов также установил, что ряд положений Маркса по истории России основаны на выводах историка Н. М. Костомарова²¹.

В 1923 году Рязанов издал план работы института Маркса и Энгельса, который включал в себя издания сочинений Маркса и Энгельса в 32-х томах; Плеханова — в 26-ти томах; Каутского — в 21-м; Лафарга — в 4-х томах²². Этот план был поддержан²³. И в 1930 г., когда резко изменилось положение в обществоведении, Сталин был канонизирован как классик, отношение к социал-демократии стало резко враждебным, история переписывалась и модернизировалась, Рязанов по-прежнему во введении к «Архиву К. Маркса и Ф. Энгельса» ограничивал задачи издания изучением истории марксизма и I и II Интернационалов²⁴. Он, вероятно, полагал естественной полемику о состоянии общественных наук (1928 г.), выступая в защиту работ, написанных без использования марксистской методологии. Рязанов лестно отозвался о высокой научно-исследовательской культуре трудов Д. М. Петрушевского, хотя и встретил возражение Горина, полагавшего, что такую культуру может обеспечить только приверженность марксизму²⁵.

В науке для Рязанова были все равны, а в политике он ненавидел партийные игры. Не претендуя на высокие посты, он был принципиален как в больших вопросах, так и в лич-

ностных оценках. Так, в ноябре 1928 года Рязанов писал Покровскому, председателю правительственной комиссии по празднованию 100-летия Чернышевского: «Не считая для себя возможным выступить совместно с А. Луначарским, я, к своему сожалению, вынужден отказаться от участия в вечере, посвященном памяти Чернышевского»²⁶. Тогда же, отметив шаткое положение Бухарина, он произнес фразу, которую запомнили: «В Политбюро марксисты не нужны»²⁷.

Надо сказать, что свое мнение о Чернышевском Рязанов высказал на заседании общества историков-марксистов (1928 г.). Присутствовавший при этом Пионтковский восхищался эрудицией Рязанова: он «изумительный старик. Такой бездны знаний нет ни у кого. Такая дикая память, все помнит, а главное, что восхищает и поражает,— это самый комплекс сведений... Массу ценных мыслей успел бросить этот старик во время дискуссионного выступления, и о влиянии Чернышевского на русскую историографию, и на Ключевского в частности, и о значении нелегальной печати для 60-х годов для развития легальной мысли, и на аналогию между Чернышевским и Бланки в смысле идеологии. Замечательно интересные мысли»²⁸.

Рязанов не собирался перестраиваться в угоду политической конъюнктуры и был, по существу, обречен. В декабре 1930 года Сталин в беседе со слушателями института красной профессуры поставил перед ними задачу «бить по всем направлениям». Он предложил им не забывать Рязанова, ведь «Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете»²⁹. Как не раз замечал Рязанов, «всегда легче найти монахов, чем аргументы». Так что он вряд ли удивился, когда против него началась дикая политическая кампания. В вину ему ставили утверждение, будто «ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения»³⁰.

Заметим, что «обвинение» не было лишено основания. Когда в 1928 году тогда еще рядовой преподаватель философии М. Б. Митин представил в ИКП доклад «Ленин и Сталин, как продолжатели философского учения Маркса и Энгельса», то получил замечание Деборина, Луппола и Карева, что заголовок некорректен: единственная работа Ленина по философии — «Материализм и эмпириокритицизм» — не философский трактат, а популярные критические заметки, а Сталин вообще ничего не писал на философские темы³¹.

По мнению Рязанова, «если действительно ленинизм есть новая, высшая ступень марксизма, если марксизм действительно ...снят ленинизмом, как «гегелизм» и «фейер-

бахианизм» сняты марксизмом, то — при условии, что наши младофилософы действительно понимают смысл тех слов, которые они употребляют,— необходимо, чтобы новый партсъезд ликвидировал не только мой «меньшевистский» взгляд на ленинизм, но немедленно изъял из обращения книгу Сталина «О Ленине и ленинизме»... Взгляды Ленина на диалектический метод от 1894 г. до 1914 г. подверглись значительным изменениям... Только после знакомства с перепиской Маркса и Энгельса Ленин приступил к новому, более глубокому изучению материалистической диалектики... Он пришел к результатам, которые дали ему возможность, в отличие от Плеханова, уточнить и усовершенствовать понимание марксовской диалектики... Эти результаты использованы им в его прекрасной статье о Марксе, ...потому не может быть никакой речи о ленинизме как о новом, высшем методе научного исследования по сравнению с методом марксизма... Можно говорить лишь о диалектическом методе Маркса, Энгельса и Ленина»³².

Рязанов, конечно, знал, что само понятие «ленинизм» не встречало у Ленина восторга; что газетные статьи Г. Зиновьева или молодого историка В. Сорина в 1923 году, настаивающие на понимании марксизма в истолковании Ленина³³, погоды не делали; что более популярно было утверждение: марксизм в науке, ленинизм в тактике; что термин «марксизм-ленинизм» был введен в пропагандистский оборот в середине 20-х, а Сталин видел в ленинизме «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции». У Рязанова было свое мнение.

В письме, написанном в Президиум Комакадемии 8 февраля 1931 года (за неделю до ареста), Рязанов возмущался философской дискуссией, ее результатами, разгромной критикой Деборина, призывал серьезно оценить его работы, так как еще никто не доказал, что они «представляют на деле, по существу, меньшевистствующий идеализм... Деборина и его группу обвиняют в отрицании «ленинизма в философии как новой и высшей ступени развития диалектического материализма». Когда такое обвинение выдвигается философскими младенцами, которые думают, что марксизм так же легко, путем декрета ИКП, переименовать в ленинизм, как Петроград декретом ЦИК в Ленинград, а Царицын — в Сталинград, то еще понять можно. Но когда это делает Президиум Комакадемии, он сначала должен доказать, что ленинизм есть «цельное мировоззрение», что он «снял», или «схоронил» марксизм в области философии, права, экономики, истории, он сначала должен подвергнуть уничтожающей критике

все работы Ленина, доказывающие прямо противоположное. Если мы строим — и должны строить — социализм в одной стране, то «безнадежной утопией было бы строить науку в одной стране и для одной страны». Рязанов весьма критически оценивал деятельность Президиума Комакадемии как «мозга партии» и просил вывести его из состава Президиума³⁴.

30 апреля 1931 г. состав президиума Комакадемии был пересмотрен. В его составе остались: М. Н. Покровский (председатель), С. Б. Пашуканис и В. П. Милютин (замы). Директор института истории — Покровский, зам. по учебной работе — Дубыня, по научной работе — Лукин. Директор института философии — Адоратский, его замы — Ф. А. Горохов, М. В. Митин (в связи с этим Адоратский был освобожден от должности директора историко-партийного института красной профессуры³⁵). Но все это произошло уже после ареста Рязанова.

В неопубликованном письме в «Правду» он продолжал оправдываться, возражать и возмущаться. Рязанов писал, что еще в 1919 г., когда начала работать Социалистическая Академия общественных наук, и ее предлагали переименовать в Коммунистическую, он возражал: «Я не большевик, я не меньшевик, но если вы считаете себя марксистами, то вы не должны чураться слова — социалист». Рязанов приводил фрагмент своего выступления на XIII партийной конференции, где говорил о себе: «Я не старый большевик, я не ленинец, но знаю, что даже и питерские товарищи чувствуют, ...что я с ними теснее связан, чем многие старые большевики, которые от Ленина получили название старых дураков». Он напоминал, что сотрудничал с большевиками в 1905 г., читал лекции в Лонжюмо, писал в «Звезду», а не в «Правду» Троцкого. «Чем, наконец, объяснить, что Л. Троцкий в своем бюллетене нашел необходимым дать специфическую характеристику деятельности учреждения, возглавляемого т. Рязановым: «Институт Маркса и Энгельса остается по-прежнему в противовес институту Ленина и Истпарту единственным учреждением, где горит и светит марксистская мысль, где реставрируется, очищается, оттачивается и отчасти куется заново теоретическое оружие пролетарской революции». Чем объяснить? Почему Волга впадает в Каспийское море?»³⁶.

Арест Рязанова обескуражил современников. Пионтковский назвал его нелепым и диким. «Рязанова знают все, — записывал он в дневник. — Его отлично знал Каутский, отлично знали все столпы II Интернационала, его знают все руководящие слои коммунистических партий и социал-

демократия всего мира... Сейчас мы питаемся пока об этом деле лишь слухами, но и сами слухи навевают колоссальнейшую печаль. Давид Борисович, этот необыкновенный старик, исключительный буйан, с буйной головой и буйным темпераментом, человек огромных знаний, остроумный человек, которого привыкло видеть революционное движение на трибуне, во ВЦИКе и в ВЦСПС, на съездах профсоюзов, как одного из непременных участников русской революции...» (запись в дневнике датирована 24 февраля 1930 г.).

Пионтковский, отдавая дань классово-партийному восприятию событий, писал о Рязанове как «мелкобуржуазном демократе», так и не ставшем большевиком, и о том, что присущая ему независимость превратила его в оппозиционера.

В периодике, с высоких трибун и после ареста Рязанова продолжалось его шельмование. Президиум Комакадемии в специальной резолюции назвал Рязанова «прямым проводником социал-демократических влияний в нашей среде, агентом контрреволюционного меньшевизма»³⁷. Президиум общества историков-марксистов 7 марта 1931 г. решил исключить его из общества за «защиту меньшевистских взглядов на ленинизм, отрицая его особую роль как марксизма эпохи империализма, сознательно отрывая историческое исследование от запросов партии и Коминтерна». Рязанову вменялось в вину и то, что у него в институте работали представители «буржуазной профессуры», что он выступал против ликвидации РАНИОН и защищал историков-академиков³⁸.

Разумеется, арест Рязанова и расправа над ним не случайны. Р. А. Медведев связывал их с процессом над так называемым «Союзным бюро» ЦК РСДРП (меньшевиком)³⁹. Этот процесс происходил с 1 по 9 марта 1931 г. Обвинялись 14 человек: В. Г. Громан, член Президиума Госплана СССР; В. В. Шер, член правления Государственного банка, затем — заместитель заведующего архивом института Маркса и Энгельса; Н. Н. Суханов, литератор; А. М. Гинзбург, экономист; М. П. Якубович, ответственный работник Наркомторга СССР; В. К. Иков, литератор; И. И. Рубин, профессор политэкономии, заведующий кабинетом института Маркса и Энгельса; и другие. Председателем суда был Н. М. Шверник, членами: В. П. Антонов-Саратовский и М. К. Муранов; государственными обвинителями Н. В. Крыленко и Г. К. Рогинский; адвокатами — И. Д. Брауде и Н. В. Коммодов⁴⁰.

В прошлом многие из обвиняемых действительно были

в партии меньшевиков, но затем как специалисты исключительно честно работали на своих служебных местах. Их обвинили в нарочитом искажении планов развития народного хозяйства, «вредительстве» и приговорили к различным срокам заключения. К «буржуазной профессуре», работавшей в институте Рязанова, относились двое: Василий Владимирович Шер и Исаак Ильич Рубин.

Р. А. Медведев нашел множество нелепостей в ведении процесса «Союзного бюро»⁴¹, но, видимо, точнее будет говорить, что сам процесс от начала до конца был сфальсифицирован и преследовал политические цели. Один из осужденных, М. П. Якубович, провел в заключении 24 года, остался жив и вплоть до своей кончины в 1980 году жил в карагандинском инвалидном доме. 10 мая 1967 г. этот бывший дворянин и революционер писал Генеральному прокурору страны: «Никакого «Союзного бюро меньшевиков» в действительности никогда не существовало... Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой степени вскрыть действительные политические связи и действительные политические позиции обвиняемых. У них была готовая схема вредительской организации... Началось извлечение «признаний». Некоторые поддались на обещание будущих благ. Других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» физическими методами воздействия: избивали (били по лицу и по голове, по половым органам, валили на землю и топтали ногами, лежащих на земле душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т. п.), держали без сна на «конвейере», сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо душный и жаркий, без окон) и т. д. Для некоторых достаточно было одной угрозы подобного воздействия. Для других оно применялось в разной степени, в зависимости от сопротивляемости каждого...

После покушения на самоубийство меня уже больше не били, но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно: какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и других, лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания... какие мне подсказывали следователи...

За несколько дней до начала процесса состоялось первое «организационное заседание» «Союзного бюро» в кабинете старшего следователя Д. М. Дмитриева и под его председательством... На «заседании» обвиняемые знакомились друг с другом и согласовывалось (репетировалось) их поведение на суде... Я знал Крыленко давно, еще с дореволюционных времен. Знал близко... Крыленко сказал мне

примерно следующее: «Я не сомневаюсь в том, что Вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией. Я Вас считал и считаю коммунистом. Я буду обвинителем на процессе, Вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это — наш с Вами партийный долг...»⁴².

Ю. А. Щетинов, специально изучивший источники, советские и эмигрантские, не обнаружил ни одного документа, который подтверждал бы версию ОГПУ, и пришел к выводу, что, по всей видимости, их не существует в природе⁴³. Сравнение текстов показаний, опубликованных в стенографическом отчете процесса, с подлинником, хранящимся в следственных делах (их 58 томов), свидетельствует о тщательном редактировании первых⁴⁴.

И все-таки, учитывая необходимую критическую коррекцию показаний бывших сотрудников института Маркса и Энгельса, рассмотрим, что же они говорили и в чем обвиняли своего бывшего директора.

В. В. Шер (1883 г. рожд.), член РСДРП с 1905 г., секретарь Московского Совета рабочих депутатов, не раз до революции сидевший в царских тюрьмах, показывал, что в институте Маркса и Энгельса он начал работать в январе 1930 г., когда был «вычищен» за меньшевистское прошлое из Госбанка, где прежде служил. Рязанов об этом знал, но взял его на работу. Знакомы они были по работе в профсоюзах с 1906 года. В институте Шер работал в архиве; как и все сотрудники, имел доступ к документам. Как хранилище для нелегальных документов архив не использовал. С Рязановым общался как со старым знакомым; вероятно, Рязанов знал, «что существует меньшевистская организация, работающая в России», но с Шером об этом не говорил⁴⁵.

И. И. Рубин (1885 г. рожд.) заявил, что был с 1904 г. членом Бунда, меньшевиком-интернационалистом. Работал в партийных издательствах, работал в институте Маркса и Энгельса заведующим кабинетом политэкономии с ноября 1926 г. По поручению Рязанова с начала 20-х годов занимался переводами экономических работ Маркса и Энгельса. С Рязановым отношения были хорошие. Во время ареста Рубина в 1923 г. Рязанов приезжал к нему на свидания, привозил литературу, даже предлагал взять на поруки. Рязанов не знал о его «связях с меньшевиками» и о документах, которые он, Рубин, прятал у себя в кабинете. Более того, подчеркивал Рубин, «моральная ответственность за то, что я в своих партийных целях использовал институт и использовал личное расположение ко мне Рязанова —

падает целиком и исключительно на меня». Он отмечал, что его «взаимоотношения с Рязановым были не очень близкие». Перед его увольнением из института в декабре 1930 г. Рязанов взял у него на хранение несколько документов по истории социал-демократии, правда, «если бы Рязанов был осведомлен в том, что я принимаю активное участие в работе за последнее время, то он никоим образом не взял бы у меня документа». Рязанов знал о его возможном аресте, поэтому и отрицал взятие у него каких-либо документов, ибо для этого нужно было быть «первостепенным идиотом».

Из показаний Шера и Рубина ясно видно, что они оба были важны Рязанову прежде всего как превосходные специалисты, а не люди с меньшевистским прошлым. Случай с передачей на хранение Рязанову каких-то документов недоказуем: один говорил, что дал документы, другой — что не брал и даже в глаза не видел. Сами документы остались ненайденными.

Отсутствие доказательств не остановило прокурора Крыленко, который в обвинительном заключении специально остановился на взаимоотношениях Рязанова с Шером и Рубиным и сделал столь страшное, сколь и абсурдное умозаключение: «...Когда я задал вопрос Рубину, какие еще предпосылки легли в обоснование его предложения Рязанову, какие еще моменты сыграли в согласии Рязанова на укрывательство документов, что одних симпатий здесь недостаточно,— логика должна была бы подсказать здесь только один ответ. Другого рода моменты, моменты организационной связи, должны были лежать в основе этой близости к Рязанову, а не только личные симпатии.

Рубину было угодно остаться при своей формулировке. Но для меня совершенно ясно, что обстановка, которая там была, говорила о более тесной связи, говорила не только о согласии Рязанова скрыть документы, но говорила и о принятии им всех мер к тому, чтобы эти документы не были найдены. Документы эти существуют, это совершенно ясно. Это — письменный документ. Это — письменная директива об интервенции...»⁴⁶.

Фантазия прокурора была беспредельна: Рязанов, оказывается, взял документ, потому что состоял с Рубиным в одной организации. Документ никто не видел, не читал, он не был приобщен к обвинительному заключению. Но Рубин, единственный, кто знал о нем, на допросе (под угрозами, битьем или как?!) «признался», а потому документ имел место, а интервенцию Бюро меньшевиков приветствовало.

Нельзя не согласиться с замечанием Солженицына, что в судебных процессах той поры абсолютна была лишь пуля, а доказательства вины — относительны. Солженицын назвал процесс Союзного бюро меньшевиков «одуряюще гладким». Беседуя с Якубовичем, писатель выяснил, что во время следствия Якубович «принимал» в состав Бюро арестованных, например, И. И. Рубина. Вначале Рубин отказался, но его «доследовали» в Суздальском изоляторе. Там он встретился с Якубовичем и Шером и спросил первого: «Как вы могли придумать, что я — член Союзного бюро?» И Якубович ответил (ответ изумительный, тут целое столетие русской интеллигенции): «Весь народ страдает — и мы, интеллигенты, должны страдать». Якубович не мог на суде отказаться от своих лживых показаний. Это ведь будет «отрицанием всей жизненной цели, для которой Якубович живет, всего того пути, которым он выдирался из ошибочного меньшевизма в правильный большевизм». И еще: «После такого скандала не дадут умереть, не расстреляют просто, а будут снова пытаться, уже в месть, доведут до безумия, а тело и без того измучено пытками. Для такого еще нового мучения — где найти нравственную опору? в чем почерпнуть мужество?»⁴⁷.

Рязанов не признал себя ни в чем виновным, его не удалось «включить» в состав «Союзного бюро меньшевиков». Он отрицал свою вину и последующие шесть лет, когда работал в Саратове консультантом в библиотеке Саратовского университета, и когда его вновь арестовали и обвинили в связях с мифической «правооппортунистической троцкистской организацией».

Наверное, работая в Саратове, в университете, он не раз вспоминал ответ Чернышевского офицеру, приехавшему к нему в ссылку и предложившему подать прошение о помиловании: «Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер — а об этом разве можно просить помилования?» Так же своим палачам мог бы ответить и Рязанов. Он был и остался историком-марксистом, которого Покровский назвал первым, начавшим работу в этом направлении⁴⁸. Он был и остался социал-демократом европейского образца, который не мог (да и не хотел) колебаться вместе с генеральной линией ВКП(б).

* * *

¹ Сохранилась стенограмма чествования и изданный специально юбилейный сборник статей.— РЦХИДНИ.— Ф. 301.— Оп. 1.— Д. 167; На боевом посту./ Сб. ст. к 60-летию Д. Б. Рязанова — М., 1930.

- ² Всех превзошла, пожалуй, Клара Цеткин, которая в юбилейном сборнике писала: «На цоколе великолепного памятника созидательной научной работы советского государства неизгладимыми чертами вырезано имя «Рязанов».
- ³ Эта премия никогда и никому не была присуждена. Вскоре о ней совсем забыли, так как имя Рязанова на долгие годы было подвергнуто остракизму.
- ⁴ К Рязанову обращались за помощью сотни ученых, не только бывших меньшевиков. В следственном деле хранится множество писем к нему с просьбой поспособствовать в облегчении участи. Это письма от историков Любавского, Петрушевского, Платонова и др. А. Преображенский, публицист и экономист (1886-1937) писал 27 марта 1929 г. Рязанову из Казани, куда он был выслан за «троцкизм», что «один товарищ передавал мне, что Вы якобы спасаете академические колоссы от марксизма, на что я заметил: «неясно, он, очевидно, спасает марксизм от Покровского, а Вы смешиваете эти две вещи». — Вестник АН СССР. — 1991. — № 11. — С. 103. Рязанов был известен своими резкими выступлениями против карательной политики большевиков в разные годы. В 1922 г. он выступил против преследования священнослужителей разных конфессий, на заседании ВЦИК 3 августа 1922 г. Рязанов потребовал отмены всех смертных приговоров эсерам и другим осужденным за «контрреволюцию». — Вестник Российской АН. — 1922. — № 4. — С. 103-113.
- ⁵ И. И. Рубин преподавал политэкономии в институте красной профессуры и слыл популярным профессором.
- ⁶ «Вот уже шесть недель, как я переброшен в Суздаль, где сижу в сырой камере, выходящей на север и расположенной против различных служб», — писал Рязанов.
- ⁷ Д. Б. Рязанов был реабилитирован 22 марта 1958 г. И только ровно через 32 года, 22 марта 1990 г. Рязанов был восстановлен в качестве действительного члена АН СССР, несправедливо исключенного из нее 3 марта 1931 г.
- ⁸ Смирнова В. А. Первый директор института К. Маркса и Ф. Энгельса. Д. Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. — 1989. — № 9. — С. 84.
- ⁹ Конквист Р. Большой террор. — Рига, 1991. — Кн. 2. — С. 398.
- ¹⁰ Еще до октября 1917 г. были опубликованы работы Рязанова о I Интернационале и изданы два тома работ Маркса и Энгельса за 1852-1856 гг. Архив АН России. — Ф. 350. — Оп. 3. — Д. 256. — Л. 1; Деятели СССР и революционного движения России / Энциклопедический словарь Гранат. — М., 1989. — С. 639-640.
- ¹¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографич. отчет. — М., 1962. — С. 73, 75, 91.
- ¹² «Та формулировка, которую он (Бухарин. — А. Л.) повторяет за тов. Сталиным — самоопределение трудящихся классов — как объективный критерий, так же несостоятельна, как и формула права наций на самоопределение...», — говорил Рязанов. См.: VIII съезд РКП(б) // Стенографич. отчет. — М., 1919. — С. 59.
- ¹³ Отражая выпад в свой адрес, Рязанов заметил: «Вы видите, что если я возвращаю профсоюзное движение, то я этим упорно занимаюсь еще с того времени, когда т. Рыков не отличал кавалерийского седла от токарного станка». — См.: IX съезд РКП(б) / Стенографич. отчет. 29 марта — 4 апреля 1920 г. — М., 1920. — С. 207.
- ¹⁴ X съезд РКП(б) / Стенографич. отчет. (8-16 марта 1921 г.). — М., 1921. — С. 45-46.
- ¹⁵ XI съезд РКП(б) / Стенографич. отчет. (27 марта — 2 апреля 1922 г.). — М., 1922. — С. 69.

- ¹⁷ XIII съезд РКП(б). / Стенографич. отчет. (23-31 мая 1924 г.).— М., 1924.— С. 560-561; XIV съезд ВКП(б) / Стенографич. отчет. (18-31 декабря 1925 г.).— М., 1926.— С. 688-690.
- ¹⁸ См.: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929.— М., 1990.— С. 433-434.
- ¹⁹ См.: Там же.— С. 195.
- ²⁰ Рязанов Д. Очерки по истории марксизма.— М.—Л., 1928.— Т. 1.— С. 5-6.
- ²¹ Там же.— М., 1923.— С. 529-530.
- ²² Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК. — М., 1923.— С. 35-58.
- ²³ См.: Волгин В. П. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса // Научный работник.—1926.—№ 3.—С. 27-36.
- ²⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.— М., 1930.— Кн. 1.—С. 3.
- ²⁵ Вестник Коммунистической академии.—1928.—Кн. 2 (26).—С. 250, 262.
- ²⁶ РЦХИДНИ.—Ф. 301.—Оп. 1.—Д. 90. В марте 1929 г. Рязанов отказался быть вице-президентом АН СССР, наверное, не желая быть проводником партийной политики.
- ²⁷ См.: Коэн С. Бухарин. Политическая биография.— М., 1988.— С. 376.
- ²⁸ Пионтковский записывал в дневнике: «В газетах есть несколько статей о юбилее Рязанова. Нужно сказать, что юбилей его празднуют гораздо хуже, чем он это заслужил. Старик действительно презабавный, орет диким голосом, покровительствует меньшевикам, собирает исключительные редкости о Марксе и Энгельсе, издает их, сам написал ряд статей, знает исключительно много и исключительно много помнит, но не всегда четко и ясно мыслит, хотя и орет нечеткие мысли страшно громко».
- ²⁹ Вопросы истории КПСС.—1989.—№ 9.—С. 83.
- ³⁰ Правда.—1931.—15 января.
- ³¹ См.: Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории.—1991.—№ 2-3.—С. 127.
- ³² РЦХИДНИ.—Ф. 301.—Оп. 1.— Д. 90.—Л. 66-70.
- ³³ Правда.—1923.—3 января; Петроградская правда.—1923.—30 августа.
- ³⁴ РЦХИДНИ.—Ф. 147.—Оп. 1—Д. 33.—Л. 56-57.
- ³⁵ Там же.—Л. 61.
- ³⁶ Там же.—Ф. 301.—Оп. 1.—Д. 90 —Л. 133-139.
- ³⁷ Пролетарская революция.—1931.— № 4-5.— С. 183.
- ³⁸ Историк-марксист.—1931.—Т. 21—С. 18.
- ³⁹ Медведев Р. О Сталине и сталинизме//Знамя.—1989.— № 2.— С. 183.
- ⁴⁰ См.: Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. / Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор.— М., 1931.
- ⁴¹ Знамя.—1989.—№ 2.—С. 184-185.
- ⁴² См.: Режим личной власти Сталина. К истории формирования.— МГУ, 1989.—С. 94-95.
- ⁴³ Там же.— С. 67.
- ⁴⁴ Н. Н. Суханов из тюрьмы направил заявление в ЦИК СССР, где утверждал, что «пожертвовал своей совестью, согласившись играть комедию меньшевистского процесса», и подробно рассказал, как ставился «судебный спектакль».— См.: Режим личной власти Сталина.— С. 70.
- ⁴⁵ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков.— С. 147-148.
- ⁴⁶ Там же.— С. 351.
- ⁴⁷ Новый мир.—1989.—№ 9.—С. 123-127.
- ⁴⁸ Историк-марксист.—1930.—Т. 15.—С. 168.

МИНГАРЕЙ САГИДУЛЛИН И «САГИДУЛЛОВЩИНА»

Следственное дело № 3389 по обвинению Мингарея Сагидулловича Сагидуллина мало чем отличается от миллиона подобных.

Сержант ГБ Вахонин 6 марта 1938 г. «установил», что «Сагидуллин М. С. в прошлом с 1928 г являлся руководителем «левой контрреволюционной националистической организации в Татарии, переросшей в 1931-32 гг. в троцкистскую повстанческую антисоветскую организацию «Крестьянский иттифак», за что в 1933 г. коллегией ОГПУ был приговорен к 10 годам заключения. Находясь в Дмитлаге, Сагидуллин, «как неразоружившийся троцкист проводил контрреволюционную деятельность среди заключенных» и ставил задачей «свержение Советской власти и совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства». Потому Сагидуллину, находящемуся в казанской тюрьме № 1, были предъявлены новые обвинения.

Когда читаешь подобное, поражают не безграмотные штампы отработанных фраз, не бессмысленная трескучесть обвинения, не их полнейшая бездоказательность, а полное пренебрежение к человеку, к его правам. Согласно канонам тех лет, чем больше угрожающих слов содержало обвинение, тем оно должно было быть аргументированнее... Хотя последнее менее всего интересовало следователя.

У него были свои основания. Так, еще в 1929 году первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) М. Разумов на партийном пленуме сказал: «Сагидуллин при необходимых условиях может быть отличным и полезным партийным работником, но не в Татарской республике, ибо он воспитан в восточной атмосфере, является продуктом национальной среды и полностью оторваться от этой среды он никогда не сможет»¹. Секретарь обкома, мнивший себя интернационалистом, по сути исключал возможность для Сагидуллина служить своему народу. Для сержанта ГБ подсудимый татарин тут же становился «националистом». Следователь не учитывал, что ко времени нового обвинения против Сагидуллина Разумов был уже расстрелян как «враг народа» и его отрицательная оценка не играла, казалось бы, своей прежней роли...

Сагидуллина не пощадил и сменивший в 1933 г. Разумова на посту первого секретаря обкома партии А. Лепа. Включившись в разнузданное тогда избиение национальных кадров, в осуществление политики русификации, народный комиссариат просвещения Татарии с одобрения партийных властей заявлял: «Буржуазные националисты султангабиевцы и сагидуллинцы пытались сохранить татарский язык в его старых, закостеневших формах; они старались сохранить старые непонятные народным массам арабские и персидские термины, вновь оживить мертвые слова и на их основе образовать новые искусственные термины; они пытались игнорировать значение русского литературного языка в развитии татарского языка; одновременно они стремились к интернационализму, перескакивая через советскую действительность. Известно, что эти течения, борющиеся против политики партии и советского правительства в области развития языка, получили отпор со стороны Татарской партийной организации и были разгромлены»².

Сержант ГБ знал, что Сагидуллин «националист», отбывал срок, но ему не показалась абсурдной идея о том, что, находясь в концлагере, он мог готовить покушение на руководителей партии и правительства...

В анкете арестованного со слов Сагидуллина записано: родился 18 апреля 1900 года в деревне Верхние Суксы Мензелинского уезда Уфимской губернии в семье крестьянина-бедняка. В феврале 1920 года вступил в РКП(б) и тогда писал о себе: «Прочитал почти все книги первой важности по теории, истории и практике марксизма». С 1918-1920 гг. Сагидуллин — председатель деревенской комсомольской ячейки, с начала 1920 г. — на комсомольской работе в Мензелинском уезде, с октября 1921 г. — заведующий агитотделом, затем секретарь канткома партии. Потом в Казани возглавлял объединенно-слободской райком, характеризовался положительно, как инициативный, понимающий национальную политику работник. В январе 1925 г. Сагидуллин стал заведовать орготделом обкома ВКП(б). И тогда же начался закат его партийной карьеры. В феврале 1926 г. ему было предложено покинуть пределы республики за «невыдержанность» выражений.

Сагидуллин уехал в Среднюю Азию, вернулся через год и занялся историко-литературной работой. В 1927 году, к юбилею Октябрьской революции появляется его книга «Татарские трудящиеся на путях Великого Октября». Брошюру выпустил Татарский институт истории партии. Следуя тогдашним классовым канонам ведения исследова-

ния, события 1917 г. историк представлял по схеме: татарские трудящиеся действовали вместе с русскими трудящимися, а татарская буржуазия была едина в своих стремлениях с русской... Наверное, он был одним из первых, кто пытался проанализировать материалы мусульманских съездов той поры. И кто не побоялся в 1927 году опубликовать групповой фотоснимок членов Мусульманского социалистического комитета, среди которых был и М. Султан-Галиев, к тому времени уже исключенный из партии.

В соответствии с учетом политической конъюнктуры Сагидуллин доказывал при помощи различных газетных публикаций факт участия многих татар — но не масс трудящихся — в процессе перехода власти в руки большевиков, всячески пытался дискредитировать вполне парламентскую идею создания штата «Идель-Урал». Хотя документы свидетельствуют, что проект создания Идель-Урала был тогда поддержан всеми народами края, он не был осуществлен.

Книга Сагидуллина была весьма лояльна по отношению к властям. Но в ней было названо много имен. И они тут же доставили автору неприятности. Среди членов штаба по созданию «Забулачной республики» в Казани в конце февраля 1918 г. Сагидуллин назвал Нигмата Еникеева. Сам факт провозглашения фирмана об образовании штата «Идель-Урал» в казанском Забулачье (отсюда «Забулачная республика») был к 1927 г. объявлен контрреволюционным. На основании газетных публикаций Н. Еникеев действительно тогда, в 1918 г., в «Забулачье» действовал. Теперь он этого боялся, хотел всячески забыть прошлое и подал жалобу на автора книги.

10 февраля 1928 г. Татарский обком ВКП(б) обсудил заявление Еникеева и принял удивительное по своей безграмотности волонтаристское решение: «1. т. Еникеева Нигмата... реабилитировать. 2. тов. Сагидуллину за помещение в выпущенной брошюре «Татарские трудящиеся на путях к Октябрю» фамилии Еникеева Н. без наличия на то каких-либо документальных данных и тем самым компрометирующим члена партии, а также выпуск этой части брошюры без согласования с членами редколлегии — объявить выговор. 3. Имея в виду, что т. Сагидуллин неоднократно был замешан в групповой работе и возвратившись в Таторганизацию, как подававший заявление о полном отходе от групповой борьбы, что им выполнено не было — поставить перед ОК вопрос о целесообразности откомандирования т. Сагидуллина в распоряжение ЦК ВКП(б)»³.

Чуть позже книга Сагидуллина будет объявлена «вражеской вылазкой» и на годы запрятана в спецхран.

Такая же участь постигла и его вторую брошюру «К истории ваисовского движения» (Казань, 1930). Сардар Ваисов был руководителем религиозной секты «божьих воинов», выступавших до революции против национального и политического гнета царизма, они обвиняли мусульманское духовенство в поддержке власти предрержащих. Ваисов исходил из старого принципа: все люди братья, а потому равны между собой. Он и его сторонники мечтали о возрождении Булгарского ханства. Ваисов приветствовал Октябрьскую революцию, признал власть Советов и, хотя не мыслил социализма без ислама, выступал против наиболее реакционных его канонов. Его проповеди и дружина «божьих воинов» пользовались определенной популярностью среди части населения города. Председатель Казанской ЧК Г. М. Иванов позже писал: «Когда совершился Октябрьский переворот, то Ваисов телеграфировал товарищу Ленину, что он всецело за рабоче-крестьянскую революцию и предложил свои услуги Совнаркому. В феврале 1918 г., когда была провозглашена Идель-Уральская буржуазная мусульманская республика (Забулачная республика), с согласия Совнаркома Казанским Советом было отпущено семь тысяч винтовок и деньги на организацию «зеленой гвардии» ваисовских воинов для защиты Советской власти от контрреволюционных войск Всероссийского Великого Шуро. Его штаб помещался на Сенной площади в номерах «Болгар». Мусульманская буржуазия, увидя в нем опасного противника, решила пойти на отчаянный шаг. Вот громадная толпа народу, приведенная агитаторами Шуро, с оружием в руках, бросилась на штаб «зеленой гвардии», разгромила его и зверски растерзала Сардара Ваисова. «Зеленая гвардия» была разоружена и разошлась, а все оружие попало в руки Шуро и было направлено против Советской власти». Ваисова похоронили 8 марта 1918 г., следствие настоящих убийц не нашло.

Сагидуллин ставил задачу дать очерк истории ваисовского движения, начиная его со второй половины XIX в., как ответ на крестьянскую реформу 1861 г. Наиболее интересным была приведенная в брошюре переписка Г. Ваисова и Л. Н. Толстого, факты жандармского наблюдения за ваисовцами. Разумеется, в духе времени Сагидуллин видел в ваисовском движении после Октября 1917 г. реакционное явление. Но само исследование малоизвестной ранее тематики, сопоставление в книге фактов, устанавливающих общие черты в мировоззрении различных людей

(Ваисов и Л. Толстой), резко отличались от конъюнктурных выводов автора.

Тогда это было характерно для многих историков-профессионалов и тех, кто искал истину. Факты, известные им, говорили одно, но выводы они делали в угоду политике. Для Сагидуллина характерна была искренняя вера в революцию, Ленина, для него политика Сталина представляла «18-е брюмера», термидорианский переворот, приход к власти Наполеона, императора, диктатора. Он не мог с этим смириться, протестовал против правил этой «игры», стоившей жизни целому поколению партийных бонз.

В августе 1929 г. в газете «Кызыл Татарстан» был опубликован памфлет Сагидуллина «Племя подхалимов», в котором критиковались подхалимаж руководителей перед начальством и хамство по отношению к подчиненным. Это, естественно, не понравилось начальству. Татарский обком ВКП(б) не замедлил принять решение «Об ошибках редакций «Кызыл Татарстан» и «Красной Татарии». Бюро обкома обсудило статью Сагидуллина, заявив, что «партия всегда боролась с подхалимством». Это общее положение никак не опровергало конкретные данные статьи Сагидуллина. Бюро обкома и не могло ничего опровергнуть. А потому прибегло к политическому обсуждению статьи: «...статья тов. Сагидуллина, так же, как и осужденные ЦК статьи товарищей Шацкина и Стэна, представляют собою замаскированную атаку против основ большевистской партии. Заявляя, что подхалимов надо искать не среди правых и левых, а среди средних и прочих, тов. Сагидуллин под видом борьбы против подхалимства направляет удары по основным кадрам партии и стремится оправдать борьбу правых и «левых» уклонистов против генеральной линии партии. Статья эта является в то же время откровенной попыткой оправдать и возобновить неоднократно осужденную всей Татарской партийной организацией работу по подрыву авторитета партии в массах. Поэтому статья тов. Сагидуллина способна лишь принести вред делу очищения партийных рядов от перерожденческих элементов»⁵. Сагидуллин получил «последнее предупреждение» и принял решение уехать из Казани.

В 1930 г. Сагидуллин стал студентом философского отделения Института красной профессуры и с семьей переехал в Москву. Этот институт был создан по инициативе Ленина еще в 1921 г. и являлся, по существу, по своей учебной программе аспирантурой для подготовки преподавателей-обществоведов, обучающихся студентов только по марксистской программе. По мнению учившегося в этом

институте профессора Абдурахмана Авторханова, ИКП предъявлял к поступающим довольно высокие академические требования. ИКП называли «теоретическим штабом» ЦК партии, который дал много кадров как Сталину, так и его противникам (Авторханов А. Технология власти.— М., 1991.—С. 18-20).

В Институте красной профессуры Сагидуллин занимался увлеченно два с половиной года. Закончить не успел. Не дали. 21 декабря 1932 г. он был арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Сначала сидел в изоляторе Бутырской тюрьмы. После оглашения приговора под конвоем отправлен в город Дмитров, в ИТЛ (Дмитровлаг). Обвинения, предъявленные Сагидуллину, были бессмысленны и жестоки. Как во многих протоколах, обвинения той поры вещественных доказательств «преступления» не содержали. Сагидуллину инкриминировали: участие в деятельности «националистической контрреволюционной повстанческой организации «Крестьянский иттифак». Далее цитирую по тексту приговора, обращая внимание на бездушный, казенный, малограмотный язык... Оказывается, Сагидуллин в «Крестьянский иттифак» «вошел через троцкистскую организацию в Казани, в которой принимал активное участие с 1928 г., являясь связывающим звеном между «Крестьянским иттифаком» и «троцкистами». И еще он обвинялся «в участии по созданию подпольной техники организации (типографии и т. д.) и в выпуске антисоветских листовок, большинство которых сам редактировал». Казалось бы, в связи с обвинением в создании типографии должны были быть вещественные доказательства, но их не было.

Это было время завершения первой пятилетки, как тогда шумно писали в газетах — построения фундамента социализма в стране. Писать и говорить можно было о чем угодно. Реалии тех лет выглядят необычайно трагично. «Нечеловеческая сила лжи», по Б. Пастернаку, не могла хоть как-то заставить забыть человеческое горе и делала политику тех дней по индустриализации и коллективизации столь же ущербной, как желание утолить голод человеческой. Ныне известно, что именно в те годы была проведена массовая депортация населения — раскулачено и выселено из мест постоянного проживания более 200 млн. человек. Не менее 10 млн. человек стали жертвами голода 1932-1933 гг.

Когда умирает один человек — об этом скорбят родственники, а когда миллионы? Официоз пытался замолчать проводимую политику террора насильем и голодом. А тех,

кто пытался думать иначе,— изолировать, запугать, расстрелять. Чтобы удобнее было расправиться с мнимыми врагами и убедить население в том, что они существуют и из-за них — все беды, специалисты по провокациям придумали партии и объединения, которые следует разгромить и тогда жить станет лучше... Как в сказке Фазиля Искандера,— все когда-нибудь попробуем цветной капустой...

Так, кризис в сельском хозяйстве, вызванный его реальным разрушением, разорением деревень, выселением крестьян и грабежами, непомерными налогами, власти объясняли «вредительской деятельностью крупных ученых-экономистов А. Чаянова, Н. Кондратьева, будто бы создавших «кулацкую партию» — «Трудовую крестьянскую партию» для свержения советской власти. Естественно, созданная мифотворцами партия должна была иметь своих сторонников в различных регионах страны. Так в Казани возникло «дело» о «кулацкой» группе «Крестьянский иттифак», «террористической и националистической организации», главным «теоретиком» которой был объявлен Мингарей Сагидуллин, а его ближайшими сподвижниками Гилемдар Баимбетов, Галимзян Аминов, Вали Хабибуллин. Сначала, в конце 1932—начале 1933 г., по этому делу было арестовано 30 человек, затем еще примерно столько же.

В газетах развернулась разнузданная, клеветническая кампания против «троцкиста» Сагидуллина под уничижительными заголовками «сагидуллощина». Часть арестованных обвинялась в подготовке вооруженного выступления, другие — в поддержке связи с ними. В результате 5 человек было расстреляно, остальные получили различные сроки заключения. Сагидуллин — 10 лет.

На допросах Сагидуллин, как и Ханзафаров, признал себя виновным лишь в том, что в 1928-1929 г. будто бы «состоял в нелегальной контрреволюционной троцкистской организации», в которую его вовлек бывший председатель Татсовнархоза Щербинин. Эту организацию, по его словам, возглавляли сосланные в Казань «троцкисты» Преображенский, Тер-Ваганян и Сергей Сафронов. Свое же участие в руководстве «Крестьянским иттифаком» Сагидуллин отрицал. 10 января 1933 года он писал в ЦК ВКП(б) и ОГПУ: «Такое чудовищное обвинение, адресованное мне, ни в какой степени не соответствует действительности, и я боюсь, что исходя из этой точки, следствие примет ложное направление: доказывать недоказуемое. Я свои показания в основном уже сделал. Прошу их внимательно проверить. Дело идет об участии моем с конца 1928 года

по конец 1929 года в троцкистской организации в Казани. Обвинение же предъявляется без календарных рамок, вне времени». Далее Сагидуллин сообщал, что с конца 1929 по май 1930 года он находился в северном крае, затем готовился к поступлению в институт красной профессуры, учился в Москве и все это время «ни с какой антипартийной организацией связан не был».

По представлению ОГПУ вопрос о «Крестьянском иттифаке» рассматривался 9 февраля 1933 года на партколлегии ЦКК. Секретарь коллегии Емельян Ярославский подписал представление об исключении Сагидуллина из партии. Причем, странно, что его исключили после, а не до ареста, как это делалось в порядке вещей. «Дмитровлаг», куда был направлен Сагидуллин и где как «троцкиста» его поместили в один из отдаленных от железной дороги пунктов, был базой стройки канала Москва — Волга. М. Сагидуллин стал работать там редактором многотиражки с правом переписки. 5 октября 1933 года Сагидуллин из лагеря написал письмо Максиму Горькому с просьбой о помощи. Одновременно каялся: «В 1928 году, когда в Казани поселились Е. А. Преображенский и Ваганян — троцкисты — я примкнул к их кружку, читал троцкистскую литературу, помогал их работе денежно и организационно. В конце 1929 г. я отошел от троцкистов, начал писать и выступать против них, а в ИКП я окончательно вытравил все пережитки троцкизма, но я до ареста скрыл о том, что когда-то примыкал к троцкистской организации и активно помогал». Горький передал это письмо Ярославскому. Тот формально отписался: «Нет никаких оснований для пересмотра дела». Сагидуллина этапировали в другой лагерь — на Соловки.

В 1957 году в связи с реабилитацией Сагидуллина следователи КГБ Татарии начали новую проверку его «дела». Они допросили оставшихся в живых его подельников. Гали Кудояров сообщил, что Сагидуллина знал с 1922 года и вспомнил его «троцкистские» увлечения. Ханзафаров подтвердил знакомство с Сагидуллиным с 1925 года и не вспомнил о его принадлежности к какой-либо антипартийной группировке. Он также сказал, что о «существовании организации «Крестьянский иттифак» никогда не слышал... Наша вина только в том, что мы выступали против культа личности Сталина, что-либо другого против Советской власти никто из нас не имел».

Следователь КГБ Татарии М. Аминов искал в 1957 году данные о функционировании в Казани «Крестьянского иттифака» и не нашел их. Потому в заключении он напи-

сал: «Таким образом, произведенной дополнительной проверкой наличие контрреволюционной повстанческой организации «Крестьянский иттифак», ставившей якобы своей задачей осуществление вооруженного восстания весной 1933 года с помощью крестьян, не подтверждается». Но в том, что Сагидуллин был «троцкистом» и вел «активную антипартийную и антисоветскую деятельность» в 1928 — 1929 гг., он был уверен. Более того, когда встал вопрос о реабилитации Шамсии Азановой, жены Сагидуллина, арестованной 16 октября 1937 года и пробывшей в лагерях и спецпоселениях до 1956 года, Аминов записал, что «троцкистская деятельность» Азановой не установлена. Однако она знала «о контрреволюционной деятельности своего мужа Сагидуллина, о чем не донесла... Поскольку виновность Азановой установлена в недонесении, ...то в настоящее время нецелесообразно ставить вопрос перед судебными органами о переквалификации состава преступления Азановой».

В 1957 году ни Мингарей Сагидуллин, ни его жена, Шамсия Азанова, не были полностью реабилитированы. Следователи КГБ Татарии не сняли с него обвинения в «троцкизме», а с жены «недоносительство на мужа». Хрущевская «оттепель» была лишь самым началом пересмотра дел необоснованно репрессированных. В отношении Троцкого и Бухарина, тех, кто был осужден или предан остракизму вместе с ними, реабилитация не проводилась.

Троцкий был отрешен от всякой государственной службы в конце 1927 г., а в 1929 г. депортирован из страны. После убийства Кирова 1 сентября 1934 г. Сталин начал Большой террор. С этого времени слово «троцкист» стало синонимом «врага народа». Для Сталина все они были еще и террористами. В газетах писали о троцкизме, как разновидности фашизма, их выискивали, арестовывали, расстреливали. Троцкий недоумевал: если в стране обнаружилось столько моих сторонников, почему в Кремле Сталин, а не я?

Против Сагидуллина как троцкиста возбудили дело прямо в лагере и для завершения следствия этапировали в Казань, где он как «троцкист» начинался.

Из допроса Сагидуллина в Казани 6 марта 1938 года:

— Вы являетесь участником антисоветской террористической организации, существовавшей в Дмитровских лагерях, где вы отбывали наказание. Намерены ли вы дать следствию откровенные показания в вашей террористической деятельности?

— Мне о существовании террористической организации ничего не известно и я в ней участником не был.

Тогда к нему применили метод физического воздействия такие мастера пыток, как Матвей Шелудченко, Василий Юрченко и другие. А также предъявили показания против него. Это характеристика на него, составленная из донесений лагерных сексотов. В ней ему приписывались слова: «Ленин характеризовал Лигу Наций как сборище бандитов. Теперь СССР вошел в эту самую Лигу. Идя таким путем, ЦК, руководимый узурпатором Сталиным, докатился до такой прелести, как монархический социализм. Это звучит парадоксально, но тем не менее, очень вероятно, что в недалеком будущем будет избран социалистический монарх». Оказалось, что Сагидуллин продолжал критиковать Сталина: «Вообще нас ждут интересные события, ведь ни для кого не секрет, что Сталина никто не любит. К примеру, Радек, который все время поет ему хвалебные гимны — не любит его так же, как и раньше. Радек не любит Сталина потому, что очень много знает о нем, чтобы любить и уважать». В характеристике следует вывод: «В разговорах с заключенными зек Сагидуллин постоянно утверждает, что в СССР скоро произойдут большие политические события и что в ЦК партии назревают крупные разногласия».

Затем Сагидуллину показали свидетельства против него заключенных: художника из Томска Константина Соболевского и журналиста из Омска Николая Жигульского. Первый на допросе 15 марта 1937 г. назвал Сагидуллина среди тех, кто был готов совершить теракт и убить наркома Ежова, который собирался инспектировать лагерь. Второй 2 июня 1937 г. заверял следователя по его же указке: «Газету националов «Канал-Зародары» редактировал видный казанский троцкист Сагидуллин Мингарей. С ним у меня был откровенный разговор, он открылся мне, что до сих пор он является неразоружившимся троцкистом, лишь оторвавшись в лагере от организации и не имеющим последних политических установок своего руководства. От него же я впервые узнал об антисоветских настроениях... Кроме того, Сагидуллин заявил мне, что формирование лагерных подразделений строго по национальностям — способствует работе националистов-дашнаков, муссаватистов и пантюкистов».

И снова из допроса Сагидуллина 8 марта 1938 года.

— Вы неразоружившийся троцкист. Среди заключенных Дмитлага, а также Беломорско-Балтийских лагерей,

агитируя последних против Советской власти, внедряли идеи троцкизма, восхваляя при этом заклятых врагов народа Троцкого, Бухарина, Радека и др. Это вы подтверждаете?

— Я мог иметь ошибочное суждение по ряду вопросов, но сознательно контрреволюционную агитацию я не вел. К таким ошибочным суждениям отношу свое мнение о Бухарине, не помню кому высказанное мною, о Радеке, так как они тогда еще арестованными не были. Я никогда полностью троцкистской платформы не разделял и убежденным троцкистом не был. Мои антипартийные, антисоветские взгляды относились к национальному вопросу.

10 мая 1938 года на закрытом судебном заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР Мингарей Сагидуллин виновным себя не признал. Показания свидетелей назвал лживыми. Приговор был заготовлен заранее. Сагидуллин был обречен.

28 августа 1968 года сестра Мингарея Сагидуллина, Шамсия, жившая в Самарканде, обратилась с заявлением к Генеральному прокурору страны: «Осенью 1937 года моего брата Сагидуллина и его жену Азанову арестовали, признав их врагами народа, осудили к 10 годам лишения свободы. До ареста в г. Москве они проживали по ул. Большая Пироговская, дома № я не помню. На день ареста у них было двое детей — близнецы: мальчик Рафаэль, девочка Луиза, родившиеся в декабре 1925 года. В связи с их арестом, но имеющимся у меня сведениям, дети были определены в детский дом. Квартира, оставшаяся за ними в г. Казани, где они проживали до выезда на учебу в г. Москву, была занята органами МВД. Я, будучи сестрой Сагидуллина, боясь незаконной репрессии, все эти годы молчала, надеясь, что мой брат жив и должен будет вернуться домой. Вместе с ним арестованные и осужденные давно уже вернулись и добились реабилитации, мой же брат не вернулся и сведений о нем я не имею. Мой брат никогда не был врагом народа, семья его и он явились жертвами незаконных репрессий отдельных руководителей нашего государства и мне хочется это незаслуженное позорное пятно снять с моего брата, реабилитировать его и если его нет в живых, сообщить мне время и место его смерти».

Судебный маховик по реабилитации Сагидуллина начал медленно раскручиваться. Из КГБ Татарии пошли письма-запросы с просьбами проверить и сообщить, за что Сагидуллин исключался из партии, был ли «троцкистом»

в действительности, какова судьба тех, кто его судил и оговорил?

Дополнительная проверка установила, что свидетельствующий против Сагидуллина Николай Жигульский в 1922-1929 гг. был не раз судим за кражи и растраты, журналистом стал в лагере. Выяснилось, что будто бы начальник Дмитлага С. Г. Фирин готовил «покушение» на Ежова и с этой целью завербовал 219 человек бывших «контрреволюционеров». Почти все они были расстреляны. Проверка 1956 г. установила, что все это «дело» было сфальсифицировано, а потому все реабилитированы. Расследование установило, что «показания» у Сагидуллина попросту жестоко выбивались и его палачи были осуждены еще в 1940 году.

27 ноября 1968 года сестра Сагидуллина была приглашена в Самаркандское КГБ, где ей сообщили, что ее брат был расстрелян 10 мая 1938 года.

В январе 1969 г. Прокуратура СССР пришла к заключению о необоснованности осуждения Мингарея Сагидуллина. Военная коллегия Верховного суда СССР 8 февраля 1969 года установила, что «доказательств виновности Сагидуллина в антисоветской агитации... не имеется», что «Сагидуллин осужден, без достаточных к тому оснований». Потому коллегия постановила: «Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 10 мая 1938 года в отношении Сагидуллина Мингарея Сагидулловича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить, а дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления».

После получения этого реабилитирующего документа сестра Сагидуллина обратилась в КГБ Татарии с просьбой выяснить, какое имущество было конфисковано при аресте брата и нельзя ли возместить его стоимость, на что она претендует как родственница и материально нуждающаяся.

Из КГБ Татарии Ш. Сагидуллиной ответили, что ее брат действительно был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества, но так как арестован был в Москве, то в Казани никакими документами по этому поводу не располагают.

Проверка, проведенная московскими чекистами, показала, что во время ареста жены Сагидуллина в Москве «в комнате имущества, за исключением литературы, никакого не было», что «имущество у Сагидуллина не конфисковывалось из-за отсутствия такового», так как в момент ареста он проживал с семьей в общежитии Института красной профессуры.

Сестре Сагидуллина было объявлено об этом устно.

Этим эпизодом следственное дело о Мингарее Сагидул-

лине заканчивается. Но не могут остаться без ответа многие вопросы, связанные с беззаконием, уничтожением людей и тем, что те, кто его творил, так и не понесли никакого наказания. Расстрел нескольких палачей мало что значил. Ведь идеологам и вдохновителям уничтожения собственного народа до сих пор стоят памятники в центре Москвы.

Мингарей Сагидуллин принадлежал к новому поколению историков, не сомневающих в марксизме, преданных Ленину и революции. Он понимал развитие страны после Октября 1917 г. как демократическое с расширением прав наций на жизнь и место в обществе. Потому, если не очень обращать внимание на идеологическое обрамление его двух небольших книг, то станет ясно, что избранная им тематика исследования вполне закономерна и не случайна. Доказательства активного участия татар в революции, попытка сопоставления учения Вайсова с учением Толстого означали, что у всех народов есть общечеловеческие ценности и они имеют на них равные права. Но лишь искать истину он начинал самостоятельно, без достаточного профессионального образования. Его судьба была преступно оборвана в расцвете творческих возможностей.

* * *

¹ Национальный вопрос на III пленуме Татарского обкома ВКП(б), 3-10 ноября 1929 г.—Казань, 1930.—С. 107.

² Цит. из кн.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики.— Мюнхен, 1974.— С. 300.

³ ЦХИДНИ РТ.— Ф. 292.— Оп. 8940.—Д. 328.— Л. 12.

⁴ ЦГА РТ.— Ф. 823.— Оп. 1.— Д. 2.— Л. 2-3.

⁵ ЦХИДНИ РТ.— Ф. 292.— Оп. 8641.—Д. 322.— Л. 10.

НАХАМКИС. ОН ЖЕ СТЕКЛОВ.

Из личного дела студента-юриста Петербургского университета Нахамкиса Овшия Моисеевича:

«Родился 15 августа 1873 г. в Одессе, иудейского вероисповедания. 24 августа 1906 г. крещен в православную веру с наречением Георгием (Юрием) Михайловичем. Окончил 3-ю Одесскую гимназию 14 июня 1891 года, с августа 1891 по 30 мая 1892 г.—студент юридического факультета университета святого Владимира в Киеве, 30 мая 1892 г. уволен из университета за невзнос платы. В сентябре 1908 г. принят в число студентов юридического факультета Петербургского университета. Окончил университет в 1916 году с дипломом первой степени».

В автобиографии Стеклов объяснял свою долгую студенческую жизнь так: из Киевского университета был уволен за непосещение лекций, из Петербургского в первый раз — вследствие ареста и эмиграции. «По возвращении из второй эмиграции снова поступил в Петербургский университет в 1914 г. и окончательно сдал университетские экзамены в 1916 г., т. е. через 25 лет после поступления в университет. После этого записался в сословие помощников присяжного поверенного в Петрограде, но юридической практикой заниматься не пришлось в виду разразившейся вскоре революции»¹.

Это был способный и увлекающийся человек, рано занявшийся революцией, изучением и пропагандой марксизма, находивший в политике, журналистике, научных изысканиях выход для своей бурной энергии. В его жизни было многое: одиночная камера в одесской тюрьме, ссылки, побег из далекого Якутска, встречи с Лениным, Плехановым, Н. Бауманом, В. Засулич и еще тысячами людей, товарищами по революционной работе и строительству нового государства.

Стеклов оставил после себя много написанных им книг (первые появились в 1902 г.). Наиболее заметными из них были жизнеописания Н. Г. Чернышевского и Н. А. Бакунина, история Интернационала.

Стеклов был корреспондентом «Искры», «Пролетария», «Правды» и многих других журналов и газет. Читал лекции

по государственному праву в Лонжюмо, школе, созданной Лениным. Но большевиком стал не сразу. Вначале он не воспринял трактовку Лениным принципов организационного централизма, негативно отнесся и к аграрной программе, провозглашенной в 1903 году большевиками. Первое знакомство со статьями Ленина поразило Стеклова: «Автор был совершенно неизвестен, новичок на литературном поприще. Однако он говорил тоном власть имущего, он решал, изрекая свои приговоры с таким авторитетом, который мог себе позволить только крупнейший деятель, имеющий за собой уже продолжительный политический и литературный стаж»².

Демократически настроенная интеллигенция считала своим долгом противостоять властям, не вступать с нею в какие-либо компромиссы. Служить, получать государственную зарплату — могли, ворчать, выражать недовольство, в свободное от работы время — почитали долгом. Но как и что сделать для народа? «Веховцы» говорили о пропасти, разделявшей интеллигенцию и простонародье.

С репортерской точностью и иронией Стеклов вспоминал, как одесские социал-демократы вели агитацию в 1890-х годах среди рабочих. Например, социал-демократ Калашников подобрал на какой-то стройке чернорабочего и, не сомневаясь в успехе, принялся за агитацию. «И вот оглушенного, ошалевшего, изумленного дикаря, почти не владевшего даже членораздельной речью, Калашников и его ближайшие помощники начинают накачивать социалистическими проповедями об эксплуатации, прибавочной стоимости, классовой борьбе, социальной революции и т. д. Несчастный, который никогда не подозревал о существовании таких вещей, сначала растерялся, а затем сделался ярым прозелитом новых идей. Но первое применение того, что он узнал от своих новых товарищей, отличалось некоторой оригинальностью. Так, отправившись в первую же субботу после водворения на новой квартире в баню в старых стоптанных сапогах, Ошманец (фамилия рабочего) вернулся оттуда в новых лакированных полуботинках. На вопрос, где он раздобыл такие прелестные ботинки, Ошманец, самодовольно ухмыляясь, ответил: «А свистнул у одного буржуя. Довольно им нашу кровь пить!» И заговорил что-то о прибавочной стоимости».

В дни свержения самодержавия в России, в феврале 1917 г., Стеклов — в Петрограде³. Член исполкома Петроградского совета, первый редактор газеты «Известия». Газета была органом Петросовета, и представителем партий, входивших в его состав. Вспоминая то время,

Стеклов писал: «Известия» этого периода выражали... характер общего, неопределенного революционизма, окрашенного социалистическим оттенком, противопоставляющего себя буржуазии, выбрасывающего интернационалистическое знамя и в то же время допускавшего под общими пролетарскими лозунгами противоестественное сожительство глубоко различных элементов, которые рано или поздно, при столкновении с пошлой практической прозой, должны были заговорить каждый на своем языке и разойтись в разные стороны»⁴.

Вскоре Стеклова стали критиковать и Церетели, и Ленин, прежде всего за соглашательство со всеми. Стеклов заявлял о себе как стороннике двоевластия и «революционного оборончества», полагая, что Советы должны контролировать власть органов Временного правительства. Однако 12 мая 1917 г., вследствие политических расхождений с руководством Петросовета и внутриредакционных интриг и склок, он оставил пост редактора.

Вновь он вернулся в «Известия» по поручению президиума II Всероссийского съезда Советов и, овладев амплуа «правительственного публициста», оставался там до июня 1925 г. Тогда появлялись его известные передовицы-«стекловицы», тогда же (в 1923-1924 гг.) он вместе с Луначарским и другими организует и редактирует «Красную ниву» и «Новый мир». Все это время он член ВЦИК и ЦИК. Стеклов был членом комиссии по созданию Конституции РСФСР 1918 г., делегатом многих большевистских съездов, в годы гражданской войны выезжал с агитпоездами на фронт, в 1919 г. был ранен и почти оглох после взрыва в здании МК в Леонтьевском переулке.

В 1925-1935 гг. Стеклов редактировал журнал «Советское строительство», некоторое время работал заместителем председателя и председателем Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР. В 1935 г. он вышел на пенсию, с тем чтобы продолжить главное дело жизни — публикацию многотомного собрания сочинений Бакунина.

Труды Стеклова, его выступления на научных конференциях, независимые суждения выходили за установленную и отмеченную красными флажками колею. Цензоры бдительно ждали своего часа, не забывая, что зарубежные историки называли труды Стеклова в числе тех, в которых было явное отступление от марксистской концепции (например, труды по истории Парижской Коммуны), и которые только потому вносили что-то новое в историческую науку⁵.

В 1928 году, когда все более канонические очертания принимала легенда о единственно верном общественно-политическом учении, и число его классиков стало строго ограничено, Стеклов выступил с юбилейным докладом о Чернышевском. Он охарактеризовал Чернышевского как мыслителя, который по своему философскому мировоззрению, политическим принципам и тактике был революционным коммунистом и историческим материалистом-диалектиком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин. По его мнению, Чернышевский был «первым обосновавшим в России взгляды, впоследствии получившие законченную формулировку в учении Маркса и Энгельса — революционном коммунизме»⁶. Стеклова поддержал Рязанов. Против выступили Покровский, Нечкина, Минц и другие, видевшие в Чернышевском революционного демократа и крестьянского революционера. С той дискуссии, где победила точка зрения Покровского⁷, Чернышевский вошел во все исторические учебники как революционный демократ.

Не вдаваясь в подробный анализ позиций оппонентов, обратим внимание лишь на один сюжет. Стеклов встречался с Лениным в самом начале века в Женеве. Это было время, когда Ленин необычайно высоко оценивал творчество Чернышевского. Н. Валентинов, встречавшийся с Лениным примерно в те же годы, вспоминал, что Ленин тянулся «к революционному «динамиту» Чернышевского, к его решительности, экстремизму, левым взглядам, русскому якобинству»⁸. Может быть, поэтому мыслитель, «перепавший» всего Ленина, и получил столь возвышенную оценку в докладе Стеклова? Правда, под воздействием критики, Стеклов тогда же признавал: «Конечно, нельзя говорить, что Чернышевский был законченным марксистом и большевиком. Но он был нашим предтечей и в политике, и в философии, и во всех других областях... До марксизма он не дошел. В этом виновата русская жизнь, ее отсталость, а может быть, и преждевременная гибель Чернышевского»⁹.

Среди идейных предшественников большевизма Стеклов называл и Бакунина. «Можно смело сказать,— писал он,— что если бы она (программа Бакунина) была осуществлена, то революция 1848 года не окончилась бы таким позорным крахом и увлекла бы собой славянские, по преимуществу крестьянские народы. Но самой замечательной стороной бакунинского плана является то, что он предвосхищал существо Советской власти и как бы предсказывал в общих чертах ход великой русской Октябрьской революции 1917 года»¹⁰. В то время воззрения Стеклова были признаны

ошибочными и отвергнуты как несостоятельные. Но все ли, сказанное им, ошибочно? Ведь «осуждающая» методологическая аргументация еще не есть доказательство. Теоретические истоки большевизма до сих пор недостаточно изучены и трудно сказать, насколько верны или неверны положения Стеклова.

В начале 30-х подверглись критике и отдельные положения работ Стеклова по истории I Интернационала и Парижской Коммуны. Он отрицал вывод Маркса, будто Коммуна была «той давно искомой политической формой, в которой могло совершиться экономическое освобождение труда». Стеклов считал, что той формы, которая соответствует диктатуре пролетариата, Коммуна не дала. Потому он называл ее «сплошной ошибкой». Выводы, сделанные им в начале 20-х годов, Стеклов подтвердил и в феврале 1936 г., утверждая, что «воли к власти у парижского пролетариата не было, и даже Парижская Коммуна... в значительной мере явилась результатом глупых действий провокаторского правительства»¹¹.

Листая следственное дело Стеклова, я тщательно искал каких-либо обвинений, связанных с его работами. Их не было. Но, наверно, они создали ему своеобразное реноме у власть имущих.

28 января 1938 года старший лейтенант госбезопасности Л. Райхман представил на рассмотрение начальству справку: «По агентурным данным Стеклов враждебно настроен к руководству партии и советской власти. Систематически ведет контрреволюционную пропаганду, высказывая свое враждебное отношение к политике партии». И далее приводятся собранные и представленные в НКВД сексотом «высказывания» Стеклова (я взял слово «высказывания» в кавычки, так как никто не пытался установить их достоверность и принадлежность именно Стеклову). Стеклов будто бы говорил: «Даже эти гнусные продажные буржуазные конституции обеспечивают избирателям право вписывать в бюллетени любого кандидата, а у нас и этого нет. При буржуазных конституциях разрешают выбирать кого угодно, а у нас при таком демократизме изволь голосовать за одного кандидата... Обвинение в шпионаже и другой контрреволюционной деятельности используется партией в качестве предлога для устранения недовольных нынешним режимом и политикой партии. Если бы Маркс был жив в наши дни, то и его бы зажал Сталин... В этой волне арестов никто ничего понять не может, кого и за что арестовывают, впрочем, другого и ожидать было нельзя».

Говоря о работе газеты «Известия» и ее новой редакции,

заметил: «Посмотрим, как эти люди, поставленные ЦК, справятся с работой. Они испортят работу». Осуждая политику партии, утверждал: «В настоящее время научную работу можно вести только за границей, там книг не изымают. У нас в науке только и книг, что десять изданий Сталина».

К этим «высказываниям» приписка: из сообщений 1937 и 1938 годов. И резолюция: арестовать и обыскать. Дата: 3 февраля 1938 г.

В тот же день Стеклов был арестован, а в его квартире в гостинице «Метрополь» произведен обыск. Их было семеро, специалистов по обыскам и арестам людей, не смеющих оказывать сопротивление: Митюшин, Старовойтов, Рымченко, Сергеев, Яскин, Галкин, Гомозов. В качестве понятого присутствовал портье гостиницы М. Мельцер.

При обыске изъяли: партбилет № 1248428, паспорт, маузер, браунинг, патроны к ним, ружье, охотничий нож, именную печать «Известия ЦИК», записную книжку, письма, книги «контрреволюционных» писателей 105 «штук». Из четырех комнат три опечатали, в одной оставили жену и семью сына.

В анкете арестованного, заполненной в тот же день, значится: родился 4 августа 1873 г. в Одессе. Профессия — литератор и профессиональный революционер. Все время работал при ЦИК СССР, ныне, вследствие болезни, не работает, ждет назначения, занимается литературной работой. Отец был мелким торговцем. Образование высшее, юрист, историк, член ВКП(б) с 1893 г. Семья: жена — Софья Яковлевна, дочь — Мария (больна), сын — Владимир — инженер-экономист.

Допросы Стеклова и всех связанных с ним лиц вел особоуполномоченный 1-го отделения ГБ Григорий Федорович Шарок (1900 года рождения, в мае 1954 г. был уволен по возрасту в запас КГБ с правом ношения военной формы).

Из протокола допроса Стеклова (2 апреля 1938 г.):

— Вы арестованы как участник антисоветской группы, ведущей антисоветскую деятельность. Дайте показания о своих несогласиях с политикой и мероприятиями ВКП(б), о ваших связях и нелегальной деятельности.

— Несогласий с политикой и мероприятиями ВКП(б) у меня нет и не было. Никогда контрреволюционных взглядов я не высказывал и нелегальной деятельности не вел. Никогда ни к каким антисоветским группам не примыкал

и колебаний от генеральной линии ВКП(б) у меня не было,
— Вы говорите неправду... Вы хотите ввести в заблуждение следствие. Это вам не удастся сделать. Вы еще с 1925 года, после вашего снятия с работы в редакции «Известий» затаили злобу, культивировали ненависть к руководству ВКП(б)... Требуем от вас правдивых показаний.

— Никогда никакой злобы против руководства ВКП(б) и правительства у меня не было ни с 1925 года, ни позже, а потому ненависти против них я не мог сеять... В отдельных случаях у меня могли быть сомнения по отдельным вопросам. Например, о законе против абортот, который, как я опасался, способен был вызвать развитие тайных знахарств и тайных абортот... Сомнения вызывали у меня также перегибы в начальной стадии коллективизации сельского хозяйства, я опасался, что эти перегибы могут повредить союзу пролетариата с крестьянством. Но последовавшие вскоре разъяснения тов. Сталина изжили во мне эти сомнения... близких друзей у меня нет.

Стеклов просил следователя привести хотя бы один из фактов его антисоветских высказываний. Шарок вытащил из стола два листа. На первом был текст доноса, датированного 21 марта 1938 г. На втором — протокол допроса Мэри Моисеевны Гольдман, 1911 года рождения, комсомолки, студентки стоматологического института, жены сына Стеклова — Владимира.

Мэри Гольдман допрашивали 20 марта, а на следующий день (наверное, по совету следователя) был написан донос.
«— Вам известны политические взгляды Стеклова Ю. М.?

— Стеклов Ю. М. формально коммунист, а в действительности двурушник в ВКП(б), скрывавший до последнего времени свои контрреволюционные взгляды...

— В чем конкретно и по каким вопросам политики ВКП(б) Стеклов высказывал антисоветские взгляды?

— Стеклов почти каждое новое мероприятие ВКП(б) и правительства встречал злобной критикой... Он говорил: там настоящая демократия, а у нас в СССР ее нет... О происходящих арестах лиц, фигурировавших на прошедших процессах троцкистов и зиновьевцев, Стеклов говорил, что он не верит в их виновность, что этим хотят избавиться от старых настоящих революционеров... Он говорил, что у нас не разрешают писать правду в газетах... Такое положение в СССР, в оценке Стеклова, есть результат неправильного руководства...»

Гольдман все свои высказывания оформила заявлением: «Я знаю Стеклова Ю. М. с 1931 года. За все это время он проявил себя как человек чуждый Советской власти. Это выявилося в его постоянном недовольстве всеми мероприятиями партии и правительства. Нашу конституцию он считал существующей только на бумаге, т. к. считал, что каждый человек боится у нас говорить открыто то, что думает, под страхом быть снятым с работы и арестованным... Я считаю, что это человек явно анти-советский и отрицательно настроен».

Ко времени допроса Гольдман был арестован и ее муж, сын Стеклова — Владимир Юрьевич. Она была запугана и, очевидно, писала по подсказке следователя.

Стеков все обвинения отверг:

«— Категорически отвергая подобные обвинения, я заявляю, что напротив, в окружающих меня я всегда развивал любовь к идеям коммунизма и советской власти и возбуждал ненависть только к мировому фашизму, борьбу с которым считал и считаю первоочередной задачей. Обвинение относительно моих мнимых высказываний по поводу нашей избирательной системы я отвергаю столь же категорически, как явно клеветнические и принадлежащие не мне...»

В следственном деле — протокол очной ставки Стеклова с Гольдман от 4 апреля 1938 г. Из него видно, что Гольдман подтвердила то, что говорила и писала в заявлении, Стеков же заявил, что она говорит неправду.

Прошло много лет. 23 апреля 1956 года в связи с реабилитацией Стеклова, следователь КГБ вновь пригласил к себе Мэри Моисеевну Гольдман, живущую с дочерью в Москве. Она заявила, что помнит слышанные ею в 1932-1938 годах антисоветские высказывания Стеклова, так как они жили вместе, в одной квартире, но что очной ставки как таковой не было.

— Его приводили,— говорила Гольдман,— когда я давала показания. Но он был в течение двух-трех минут. Меня отпустили. Кто и как оформлял очную ставку, мне не известно.

Следователь Шарок, понимая, что одних показаний Гольдман недостаточно для «полноценного» обвинения, начал допрашивать тех, кто был вхож к Стекову.

2 апреля 1938 г., привлеченный в качестве свидетеля Борис Григорьевич Кузнецов (1903 года рождения, член ВКП(б) с 1925 г., исполняющий обязанности директора института истории науки и техники АН СССР), по-

казал, что знаком с сыном Стеклова, часто бывал у него на квартире.

«Что вы можете сказать о политических взглядах и убеждениях Стеклова?» — спросил его Шарок.

«Стеков явно антисоветский человек... Он издевался над сталинской конституцией и избирательным законом... Стеков осуждал политику ВКП(б) в области науки. Он говорил о том, что «понасаждали всюду невежд, которые мешают работать». О библиотеках и архивах Стеков говорил, что серьезную научную работу в настоящее время можно вести только в заграничных библиотеках. Там,— пояснял он,— ведь книг не изымают. Стеков отрицал возможности революции на Западе. Он говорил, что Муссолини достаточно было порции касторки, чтобы справиться со всяким революционным рабочим движением. Впрочем,— замечал Стеков,— наши методы работы там тошнотворны».

Для разъяснения своих показаний Кузнецов был вызван 24 апреля 1956 г. В то время он работал старшим научным сотрудником в институте истории, естествознания и техники АН СССР. Старший лейтенант КГБ Лунев, готовящий материалы для реабилитации Стеклова, спросил, верны ли его показания. Кузнецов подтвердил: Стеков возмущался арестами 1937 г. и отрицал их необходимость. Говорил, что Сталин во многом, как руководитель, уступал Ленину».

Следователь предъявил Кузнецову оригинал протокола подписанных им 2 апреля 1938 г. показаний. Кузнецов заметил: «Записанные высказывания Стеклова Ю. М. соответствуют действительности, но, как я сейчас думаю, не дают оснований квалифицировать Стеклова Ю. М. как антисоветского человека и его взгляды как контрреволюционные взгляды».

Шарок продолжал плести паутину.

2 апреля 1938 года он допросил еще одного знакомого Стеклова — Бориса Павловича Бархаша, 1911 года рождения, доцента МГУ, редактора философского отдела журнала «Книга и пролетарская революция». Бархаш знал Стеклова с 1928 года.

«Что вам известно о политических взглядах Стеклова?» — последовал вопрос Шарока.

«Стеков двурушник и окончательно разложившийся морально и политически человек в партии... В 1930 году Стеков, в связи с 60-летним юбилеем Рязанова, обращаясь к сыну, Владимиру Стекову, говорил: «Помяни мое слово. Сегодня его наградили орденом, а все равно его

съедают живым... Иначе не может быть. Сталин не простит ему. Достаточно вспомнить, как кипел Сталин, когда в 1926 г. Рязанов свими совершенно правильными репликами мешал делать доклад Сталину на 15-й Всесоюзной партийной конференции. Все равно Рязанова на чем-нибудь поймают...»

В 1931 году, в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором деятельность Деборина и его «компании» оценивалась как меньшевистствующий идеализм, Стеклов говорил, что Деборина свели с ума.

По словам Бархаша, Стеклову принадлежали следующие высказывания: «Вот до чего довела так называемая дискуссия на философские темы академика Деборина. Сталин думает, что подобные методы теоретических дискуссий, в результате которых люди сходят с ума,— способствуют развитию теории науки в нашей стране. Сталин должен, наконец, понять, что таким образом можно лишь разогнать научные кадры и развалить любую научную работу в нашей стране... У нас в стране заглохла общественная критическая мысль. Боятся люди дать объективную оценку такому несомненно крупнейшему событию, как выход в свет четырех томов из предполагаемого полного собрания сочинений Бакунина, издающегося под моим руководством... Совершенно непонятно, что делается сейчас в нашей стране. Поднялась какая-то муть. Всякие проходимцы-жулики занимают руководящие посты. Затем их ловят и сажают. Никогда еще в истории партии подобного не бывало. Мы, старые революционеры, иначе представляем себе социалистическое общество».

Повторного объяснения Бархаш не дал: в конце 1941 года, как значится в документе, он, будучи на фронте, пропал без вести.

Вытягивая из напуганных свидетелей различные высказывания Стеклова, следователь клеил им ярлык «антисоветские». Стеклов не признавал их таковыми или вообще отвергал. Но вот хранение дома револьвера признал незаконным, указав, впрочем, что тот принадлежал его покойному другу. Что касается альбома ЦИК 1923 года с портретами Троцкого, Зиновьева и Каменева, то Стеклов заявил, что альбом лежал у него в библиотеке и он забыл о его существовании.

23 апреля 1938 г. особое совещание НКВД СССР осудило Ю. М. Стеклова на 8 лет тюремного заключения. Ему предъявили обвинение в ведении антисоветской агитации и незаконном хранении огнестрельного оружия. Ви-

новным себя Стеклов ни в чем не признал. Его отправили в Тамбовскую тюрьму. Он написал кассационную жалобу, только 27 декабря 1939 года архивно-следственное дело Стеклова было направлено на дополнительное расследование, а сам осужденный был переведен в Орловскую тюрьму НКВД, а затем, в апреле 1941 г., в Москву, в распоряжение следственной части госбезопасности. К тому времени мастера-провокаторы из НКВД «состряпали» против него еще одно «дело». Действовали по принципу: «Мало тебе одного, возмущаешься, пришьем еще одно, но не выпустим, НКВД — орган, где не ошибаются».

Вместо расследования о незаконности осуждения Стеклова обвинили в том, что он продолжал заниматься антисоветской пропагандой в тюремной камере. Свидетели — осужденные сокамерники Стеклова (М. Бекиров, Н. Комаров, П. Галеев) заявили, что он их агитировал против Советов и клеветал на действия правительства. Насколько можно судить, «сокамерники» были сексотами, специально посаженными вместе со Стекловым, чтобы спровоцировать его и донести.

Во всяком случае, на такой вывод наталкивают хранящиеся в следственном деле письма-запросы начальника 2-го отделения Федора Петровского (после увольнения по возрасту из органов работал начальником хозчасти МВД РСФСР). Он предлагал допросить в Краснодарском управлении НКВД сексота по кличке «Старый», сидевшего со Стекловым в Орловской тюрьме; в Архангельском управлении — сексотов Маркина и Горлова, в Одессе — сексота Орловского, а в Орловской тюрьме — секретного агента под кличкой «Затвор». Ставилась задача взять у них показания о Стеклове.

Мустафу Бекирова, крымского татарина (до ареста — секретаря Судакского райкома партии) допросили 5 июля 1941 г. (шла война, но НКВД делал свое дело). Он показал, что познакомился со Стекловым в камере Орловской тюрьмы, и подтвердил, что Стеклов занимался антисоветской пропагандой, оскорблял «вождя народов», сочувствовал Троцкому и Бухарину, говорил о преимуществах буржуазной демократии.

Бывший политработник Комаров (1 июля 1941 г., Краснодар) пояснил, что сидел в одной камере со Стекловым и что последний будто бы говорил: «Большевики довели Россию до положения времен Василия Темного, что происходит культурное одичание страны, произвол и бесправие». Еще один бывший сокамерник, Галеев, утвер-

ждал, что Стеклов — «враг коммунистам» и что он якобы восклицал: «Зачем мне нужна была эта революция!»

Пока следователи собирали эти показания, Стеклова терзали на Лубянке. На сей раз им занимался Рафаил Александрович Гольдман (позже уволенный из органов «по фактам, дискредитирующим звание офицера»). Измученный Стеклов писал 22 мая 1941 года Сталину: «Снова меня, не знаю за что, посадили во внутреннюю тюрьму НКВД, но на сей раз обращение со мною гораздо хуже того, на которое я Вам жаловался в 1938 году». Он перечислял оскорбления, мат на допросах, угрозы физической расправы. И продолжал: «И. В., я прошу Вас избавить меня от такого ужасного обращения: ведь Вы это хорошо знаете, что всей своей жизнью я заслужил иное к себе отношение. Мне осталось жить недолго — я обречен на то, чтобы испустить дух в темнице, в ужасных условиях заточения и за что? Я уже страдаю 4-й год, семья моя разрушена... Этого не может и не должно быть. Дайте мне возможность окончить начатые мною работы (о Бакуanine¹², Чернышевском, Интернационале, Марксе и пр.), из которых 6 томов сданы в печать и пропадут,— я ничем другим, кроме чисто ученой, кабинетной работы, заниматься не намереваюсь. Пора, давно пора меня отпустить.

Заклученный внутренней тюрьмы НКВД (камера 33).

Ю. М. Стеклов, 68 лет».

Ответа на письмо Стеклов не дождался, хотя известно, память у Сталина была феноменальная.

На допросе 20 мая 1941 г., длившемся около 3 часов, Стеклов упорно заявлял, что «вражеской антисоветской работы не проводил». А 3-го июня снова подробно рассказывал о себе и только в конце допроса сообразил, с какой целью заставил его это делать следователь Гольдман.

Стеклов говорил о своих дореволюционных арестах: первый раз был арестован в 1894 году в Одессе жандармами. Обвинялся в революционной деятельности. Содержался под стражей до июля 1895 г. и был сослан в Восточную Сибирь на 10 лет. Был в Якутске, в конце 1899 г. бежал за границу, жил в Женеве и Париже. В Россию вернулся в ноябре 1905 г., арестован в декабре 1905 г. в Петербурге, сидел до мая 1906 г., освобожден. Третий раз арестован в феврале 1910 г. в Петербурге, обвинялся в принадлежности к РСДРП и в работе социал-демократической фракции 3-й Государственной думы. Весной 1910 г. был выслан за границу.

В 1908 г. был приглашен членом ЦК РСДРП Мешков-

ским¹³ для помощи социал-демократической фракции Думы в составлении документов и речей. В большевистскую партию вступил в июле 1917 г. (партийный стаж с 1893 г. был установлен ЦИК в 1921 г., так как он фактически все время работал с большевиками).

Следователь спросил Стеклова о Гучкове и Стаховиче, вернее, о том, ходатайствовали ли «эти монархисты» о его освобождении из-под ареста в 1910 г. Стеклов ответил, что знал А. И. Гучкова как члена Государственной думы, но личных отношений с ним не имел. Михаила Александровича Стаховича знал с 1906 г., познакомился с ним на квартире историка Максима Ковалевского. Это был земский деятель, представитель либерального течения. Стахович действительно ходатайствовал, чтобы Стеклова освободили из-под ареста на время родов жены. Принимал ли в этом участие Гучков, ему неизвестно. Здесь, наверное, Стеклов понял, что следователь «шьет» ему связь с кадетами или октябристами и стал заметно осторожнее.

Поскольку дополнительное расследование ничего нового не давало и, по определению следователя Гольдмана, «Стеклов о своей контрреволюционной деятельности ничего не показал», его перевели в Саратовскую тюрьму. Так Стеклов попал — хотя и вопреки своему желанию, — на родину одного из самых своих любимых героев — Чернышевского. Он и умер там, 15 сентября 1941 г., в больнице саратовской тюрьмы. Тюремное дело Стеклова было уничтожено, сохранилась лишь история его болезни с 21 августа 1941 г. в 3-м корпусе тюремной больницы. Из него видно, что он находился в больнице с 21 августа по 8 сентября 1941 г.: через два дня, 10 сентября, вторично госпитализирован. Дежурный врач Алексеев констатировал смерть от дизентерии и крайнего истощения больного. Смерть наступила в 4 часа утра 15 сентября от упадка сердечной деятельности.

7 октября 1941 г. лейтенант ГБ Гольдман «за смертью обвиняемого» дело Стеклова прекратил.

Вскоре от жены Стеклова — Софьи Яковлевны на имя Берии поступило заявление с просьбой пересмотреть дело мужа и хотя бы посмертно реабилитировать его. 20 февраля 1943 г. секретариат особого совещания НКВД в Свердловске рассмотрел это заявление и вынес вердикт, подготовленный старшим лейтенантом ГБ Веретенниковым: «Учитывая, что предъявленное Стеклову обвинение материалами дела доказано, а его жена в своей жалобе доводов, служащих основанием к пересмотру его дела, не приводит, постановил: жалобу оставить без удовлетворения, о чем через 1-й спец-

отдел сообщить жалобнице по указанному ею в жалобе адресу». Софье Яковлевне сообщили это решение 20 апреля 1943 г.

Вновь ходатайство о реабилитации Стеклова возбудил его сын — Владимир Юрьевич. В заявлении на имя Генерального прокурора страны Р. А. Руденко он писал (5 октября 1955 г.): «В феврале 1938 г. органами НКВД СССР был арестован мой отец — Стеклов Юрий Михайлович, член КПСС с 1893 года... По имеющимся у меня сведениям Стеклов Ю. М. скончался в тюремной больнице в Саратове... Мать моя, жена Стеклова — Софья Яковлевна Стеклова, была членом КПСС с 1898 г. и скончалась членом партии в Ташкенте, куда была эвакуирована с группой старых большевиков. Я был арестован через несколько дней после отца моего... 31 августа 1955 г. был реабилитирован и восстановлен в партии». 17 февраля 1956 г. Прокуратура СССР возбудила дело о реабилитации Ю. М. Стеклова.

Следователь КГБ допросил еще живущих свидетелей, запросил архивы. 27 апреля 1956 г. состоялся допрос сына Стеклова — Владимира Юрьевича, заместителя директора Московского филиала института «Оргэнергострой»¹⁴. Он сообщил, что отношения его отца и его бывшей жены Гольдман были враждебными, что объясняло показания последней. Что касается револьвера, то он был подарен Стеклову его другом и никто им не пользовался.

Были получены положительные отзывы о Стеклове от члена партии с 1905 г. О. Н. Мицкевич. Академик Г. М. Кржижановский свидетельствовал: «Знаю Стеклова Ю. М. с 1917 г. как активного участника революционного движения, члена компартии с 1893 г. Будучи создателем и редактором «Известий», Ю. М. Стеклов вел большую партийную работу по пропаганде ленинской политики нашей партии... Имею все основания считать, что Ю. М. Стеклов пал жертвой недругов нашей партии».

В деле подшиты справки из Центрального партийного архива — о революционной деятельности Стеклова; из Одесского областного архива — о дате и месте его рождения; из Ленинградского — выписка из личного дела студента университета. Любопытную справку 23 марта 1956 г. представил ЦГАОР: в документах французской контрразведки указано: «Нахамкис, он же Стеклов, еврей, член Совета с октября 1917 г., член большевистской партии со времени ее основания. Вместе с Бронштейном (Троцким) и Свердловым являлся душой еврейской фракции — самой энергичной в партии. Является близким другом Гольдендах-Рязанова».

Следователь КГБ Лунев, рассмотрев имеющиеся материалы и не обнаружив обвинительного заключения по делу Стеклова, предложил ходатайствовать перед Прокуратурой страны о его реабилитации. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР 13 июня 1956 г. рассмотрела протест Генерального прокурора по делу Стеклова и решила: постановление особого совещания при НКВД СССР в отношении Стеклова отменить и дело производством прекратить.

30 июня 1981 г. В. Ю. Стеклов просил Ю. В. Андропова вернуть рукописи отца: подготовленные им к изданию сочинения Бакунина (из 12 томов вышло 4), незавершенную работу по истории Интернационала и т. п. Ему сообщили, что поскольку все архивы тюрем до 1957 года уничтожены, пропали и рукописи его отца.

* * *

- ¹ Деятели СССР и революционного движения России /Энциклопедический словарь Гранат.— М., 1989.— С. 704.
- ² Стеклов Ю. Избранное.— М., 1973.—С. 13.
- ³ Подробнее об этом см.: Стеклов В. Ю., Филонович Ю. К. Юрий Михайлович Стеклов.— М., 1976.
- ⁴ Стеклов Ю. Избранное.—С. 109-110.
- ⁵ См.: Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917-1941 гг.—М., 1974.—С. 40.
- ⁶ Стеклов Ю. М. Чернышевский и его политические воззрения // Историк-марксист.— 1928.—Т. 8.—С. 129, 131.
- ⁷ См.: Очерки истории исторической науки в СССР.— М., 1966.— Т. IV.— С. 355.
- ⁸ Валентинов Н. Встречи с Лениным.— Вермонт, 1953.— С. 113, 119.
- ⁹ Историк-марксист.— 1928.— Т. 8.— С. 140.
- ¹⁰ Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность.—М., 1920.—Ч. 1.—С. 255.
- ¹¹ Дунаевский В. А. Указ. соч.— С. 128.
- ¹² Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828-1876.— М., 1934-1935,— Т. 14 / Под ред. и с прим. Ю. М. Стеклова.
- ¹³ И. П. Мешковский (псевдоним Иосифа Петровича Гольденберга (1873—1922). В 1909 г. один из руководителей ЦК РСДРП по работе думской фракции.
- ¹⁴ В. Ю. Стеклов был осужден особым совещанием НКВД 9 апреля 1938 года на 8 лет по обвинению в работе троцкистской организации в Главэнерго. Вернулся и был полностью реабилитирован. Следственное дело Ю. М. Стеклова № 13406. Есть и дополнительный томик № 5586, где находятся реабилитационные материалы.

РЫЖИЙ ПРОФЕССОР В «ОДИНОЧКЕ»

Николая Наумовича Эльвова (1901-1937) арестовали 10 февраля 1935 года. Следователь НКВД Татарии Сергей Царевский обосновал необходимость ареста тем, что тот, «будучи профессором общественных наук в высших учебных заведениях города Казани, пропагандировал среди студентов идеи контрреволюционного троцкизма, группируя для этой цели вокруг себя своих единомышленников». В тот же день в квартире № 9 по улице Толстого, д. 14, где жил тогда Эльвов, был произведен обыск. Изъяли документы профессора, переписку, рукописи статей, папки с различными материалами (программы семинаров, тезисы лекций), книги (многие из них с дарственными надписями).

В анкете арестованного значилось, что Эльвов родился 23 сентября 1901 г. в Киеве. Среди особых примет указано: волосы рыжие, кудрявые. Эльвов указал, что его отец — портной, а сам он живет с женой, Марией Семеновной Бычковой, и сыном Сергеем, пяти лет. И дальше о себе: большевиком стал в ноябре 1918 г., с того времени по 1921 год — в Красной Армии, воевал, последняя военная должность — комиссар полка. Затем учился в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова и институте красной профессуры на историческом отделении.

11 февраля 1935 года состоялся первый допрос Эльвова. Его вел также бывший участник гражданской войны, чекист Царевский.

— Следствию известно, что вы, как троцкист, на протяжении последних лет вели контрреволюционную двурушницкую работу. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я прибыл в Казань в апреле 1932 года, через несколько дней после моего восстановления членом ВКП(б); я был в 1931 году исключен из ВКП(б) за троцкистскую пропаганду в своих главах — учебника истории ВКП(б) под редакцией тов. Ярославского. Будучи восстановлен в партии, по путевке ЦК ВКП(б) я и прибыл на научную работу в Казань. Здесь я принял руководство кафедрой истории СССР в Татарском педагогическом институте, в институте марксизма-ленинизма заведовал секцией исто-

рии России. В 1933 г. я читал также лекции по истории народного хозяйства в финансово-экономическом институте и на курсах марксизма при областном комитете партии. С осени 1934 г. стал читать лекции в Казанском университете, а также во многих городских учреждениях... Я признаю себя виновным в том, что я как профессор истории не воспитывал массу студенчества... на разоблачениях себя как троцкиста... Троцкистской работы я не вел, но мое поведение способствовало этому.

— Следствию известно, что вами для научной работы привлекался чуждый элемент. Расскажите об этом.

— Ввиду моей усталости, прошу разбор этого вопроса перенести на следующий раз (допрос был закончен в 24 часа).

12 февраля Эльвов, по настоянию следователя, назвал ему фамилии тех, с кем он готовил к изданию сборник документов по истории Татарии. Разумеется, эти фамилии были известны, но, как позже вспоминали многие из подследственных Царевского, тот заставлял их подписывать заранее подготовленные тексты протоколов. Потому и этот протокол с часто употребляемыми эпитетами «контрреволюционный», «троцкистский» был, скорее всего, из таковых. Эльвов сообщил, что у него был наган, что он хотел застрелиться, но посчитал это недостойным. 18 февраля Эльвов твердо заявил, что «не был проводником троцкистских идей».

— Следствию точно известно, что вы на протяжении последних лет вели организованно контрреволюционную троцкистскую работу. Признаете ли вы себя виновным?

— Виновным себя не признаю, так как я контрреволюционной, троцкистской работы не вел (Из протокола допроса от 15 марта 1938 г.).

Эльвов подтвердил свое знакомство с казанским историком М. Корбутом, который подарил ему два тома своей книги по истории университета, и признался, что, узнав о его аресте, лист с дарственной надписью из тома вырвал. Он не отрицал своих связей с московскими и ленинградскими коллегами, но заметил, что ничего не знал об их «контрреволюционной работе».

По-видимому, Эльвов знал, что будет арестован. Прошли аресты многих его знакомых, он как мог остерегался, но чувствовал, что чаша сия его не минует. Незадолго до ареста разговаривал он с Евгенией Гинзбург, недавно вернувшейся из Москвы. Она сообщила ему об аресте Г. С. Зайделя, крупного специалиста по новой истории, о лишении его докторской степени, расстрелах студентов,

о том, что московские аспиранты не уверены, увидят ли они на следующий день своих научных руководителей.

... Эльвова приветливо встретили в Казани. Приехал он в город в 1932 г. после свердловской ссылки и восстановления в ВКП(б), по путевке ЦК партии. Ему предложили пост декана исторического факультета, руководство кафедрой истории СССР в Татарском педагогическом институте. Он был полон творческих замыслов, но всегда помнил, чем закончилось его участие в создании четырехтомной «Истории ВКП(б)», вышедшей в 1926–1929 гг. под общей редакцией Ем. Ярославского. В предисловиях Е. М. Ярославский отмечал роль Эльвова в её создании. С. А. Пионтовский записал в дневнике, как весной 1927 г. к нему зашел Эльвов и предложил «написать ряд глав для истории партии под редакцией Ярославского. Эльвов был занятный парень, большой, здоровый, рыжий, в очках, очень неглупый, а больше хитрый,— он производил довольно приятное впечатление, умел вовремя стусеваться, был в достаточной степени двуличным. Для написания истории партии Ярославского Эльвов собирал со всех концов людей. За меня сначала схватился зубами и руками, навьючил на меня гору статей».

Эльвов выступал в те годы не только организатором большого издания, он опубликовал несколько своих работ: в соавторстве с Н. Майорским — статью «К вопросу о характере и движущих силах Октябрьской революции» (Пролетарская революция.—1927.— № 11.— С. 34-73) и брошюру «Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции» (М.—Л., 1928); в 1929 г. вместе с П. Ташкаровым — монографию «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма».

Ярославский отмечал значение первоисточников при написании «Истории ВКП(б)» и то обстоятельство, что «соавтатели этого тома стремились дать особенно тщательную картину внутривнутрипартийных разногласий периода 1917–1920 гг. по вопросу о ленинской оценке движущих сил, ...считали своей задачей разоблачение тех «историков», которые пытались представить дело так, что в 1917 г. ленинская партия «идейно перевооружилась» и что у Ленина в 1905 и 1917 гг. было два стратегических плана по вопросу о перерастании революции буржуазной в революцию социалистическую»¹.

Эльвов писал о деятельности партии в 1905–1907 гг., участвовал в создании ее истории в пору революционных потрясений 1917 года. Каковы же были основные выводы Эльвова с соавторами (выводы, заслужившие одобрение

и консервативных историков 70-х годов²)? Майорский и Эльвов считали позицию большевиков в 1917 г. естественным и закономерным развитием их позиции 1905 г. Они подвергли критике утверждения Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева о «незавершенности» буржуазно-демократической революции в России, о том, что пролетариат будет не в состоянии отстоять власть, что страна к социалистической революции не готова, так как условием ее победы может быть только международная революция. Этого последнего утверждения, по мысли авторов, придерживались в 1917 г. и меньшевики и Троцкий³, т. е. это было то, что объединяло оппозицию Сталина в 20-е годы.

Авторы отмечали точки соприкосновения между Лениным и Троцким (оба были за взятие власти), но подчеркивали, что между Троцким, Каменевым и Зиновьевым таких совпадений было больше, ибо они не признавали социалистического характера революции. «Та принципиальная общность взглядов гг. Троцкого, Каменева и Зиновьева, которая существовала в 1917 г., оказалась исторически значительнее того совпадения действительных выводов, какое в этот период существовало между Лениным и Троцким. Именно эта принципиальная общность явилась той глубокой причиной, которая облегчила создание современного оппозиционного блока», — утверждали авторы⁴.

Вряд ли нужны иные доказательства того, что перед нами типичный для того времени политизированный текст, который мало что дает в исследовательском плане, являясь просто историографическим фактом развития необычайно идеологизированной исторической науки. Достаточно познакомиться с «Уроками Октября» Троцкого, с его «Сталинской школой фальсификации», чтобы убедиться в наличии иной — и хорошо аргументированной — точки зрения на описываемые события. Троцкий задолго до Ленина обосновал идею не только возможности, но и неизбежности победы социалистической революции в одной стране, причем в стране отсталой в социально-экономическом и политическом отношениях. Концепция Ленина в 1905 г. была другой. Ленин полагал, что победа над царизмом приведет к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и лишь после очищения страны от остатков средневековья станет возможным перевод революции на социалистические рельсы. В марте 1917 г. Ленин видоизменил свою точку зрения, обосновав курс на социалистическую революцию, в ходе которой вопросы буржуазно-демократической революции решались бы походя и мимоходом⁵.

В сентябре-октябре 1917 г. против восстания выступали, как известно, Каменев и Зиновьев. Противоположный полюс занимали Ленин и Троцкий⁶.

К блоку с Каменевым и Зиновьевым Троцкий пришел только в 1926 г., теоретически отстаивая положение о невозможности построения социализма в СССР в условиях капиталистического окружения, что на практике означало борьбу за власть со Сталиным. Брошюра Н. Майорского и Н. Эльвова была направлена на защиту сталинского курса и представляла собой попытку отыскать исторические корни объединенной оппозиции. С научной точки зрения она не выдерживает критики. Доказательства в виде надерганных из произведений Ленина, Каменева, Зиновьева, Троцкого цитат не могли ничего ни подтвердить, ни опровергнуть. Собственно говоря, брошюра была конъюнктурным вкладом авторов во внутрипартийную борьбу, свидетельством их приверженности «генеральной линии».

Свидетельством благонадежности режиму является и книга П. Ташкарова и Н. Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», представляющая собой большую, развернутую почти на 200 типографских страниц рецензию на книгу Ксенофонтова «К вопросу об идейных и тактических основах большевизма». Рецензенты упрекали Ксенофонтова в злоупотреблении цитатами и, это главное, в «ревизии ленинизма», которую усмотрели в допущенном автором разрыве ленинизма с марксизмом. Ксенофонтов не нашел у Маркса и Энгельса тезиса о возможности победы пролетарской революции в одной, отдельно взятой стране, поэтому заслуживал, по мнению рецензентов, обвинения в догматическом подходе к взглядам основоположников научного социализма, в троцкизме и приверженности к «правым»⁷. Ташкаров и Эльвов, исходя из конъюнктурных соображений, часто греша против истины, «доказывали», что, оказывается, вопрос о возможности построения социализма в одной стране был решен еще Марксом, Энгельсом и Лениным, в чем-де сомневалась оппозиция и Ксенофонтов...

Сохранившиеся протоколы дают представление о том, какую информацию хотели получить от Эльвова энкавэдэшники. В направленности задаваемых вопросов угадывается поиск «всесоюзной террористической организации» — на сей раз состоящей из историков. С одной стороны, Эльвов учился и работал в Москве, знал там многих. С другой, в начале 20-х историки охотно цитировали Троцкого и других, позже репрессированных политических деятелей. Теперь это им ставилось в вину — так «доказывалась» их

приверженность оппозиции. Сочувственно цитировал, положительно отозвался — следовательно, входил в «контрреволюционную организацию», тем более, что «троцкист» стало синонимом «врага народа».

Эльвова спрашивали о его встречах с московскими и ленинградскими историками и о тех, кто по обвинению в «троцкизме» был арестован в Казани. Эльвов подтвердил (смешно было бы отрицать) свое знакомство с заведующим кафедрой университета Тимофеем Семеновичем Ищенко⁸ и профессором Михаилом Ксаверьевичем Корбутом⁹. На предложение охарактеризовать историка Ефрема Медведева¹⁰ ответил: «С политической стороны считаю, что он молодой, довольно выдержанный, способный работник... Контрреволюционных, антисоветских разговоров с ним я не вел. В январе 1935 года Медведев был в Ленинграде, по возвращении рассказал Ищенко об арестах и высылках «троцкистов», сказал, что «и меня (т. е. Эльвова, — А. Л.) может постичь такая же участь, тем более», что многих в свое время исключали из партии после письма Сталина в редакцию «Пролетарская революция».

В конце апреля 1935 года в поведении Эльвова произошел перелом. 28 апреля он заявил, что готов «чистосердечно признаться» и своими «абсолютно откровенными признаниями» хочет помочь партии «разоблачить меня и тех, с кем я работал против партии». Он «вспомнил», что троцкистом стал еще в 1923 году, обучаясь в коммунистическом университете им. Свердлова в Москве, и объяснял это увлечением личностью Троцкого. Эльвов каялся в «крупнейшем преступлении против партии и тов. Сталина», состоявшем в том, что в 1929 г. он в соавторстве с П. Ташкаровым опубликовал брошюру «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма». Брошюра якобы «по существу была написана с точки зрения троцкистско-зиновьевских позиций по генеральной линии». Он рассказал, что по поводу этой брошюры Ташкаров был у Сталина, а также заручился поддержкой философа Я. Э. Стэна и К. А. Попова, что Ярославский к ее написанию не имел никакого отношения. Эльвов не сумел объяснить, в чем заключался, по его мнению, отход от «генеральной линии». Может быть, в том, что в брошюре ничего не говорилось о вкладе Сталина в учение Маркса, Энгельса, Ленина о возможности победы социализма в отдельной стране? Ведь в 1929 г. широко праздновалось 50-летие вождя и тогда появилась формула «Сталин — это Ленин сегодня». А тут выходит книга о марксизме-ленинизме, а имя сегодняшнего Ленина не упоминается вовсе...

В протоколе допроса от 28 апреля 1935 г. подробный рассказ Эльвова об обстановке в Коммунистической Академии и институте красной профессуры в конце 20-х — начале 30-х гг.¹¹. Обстановка, наверно, была не из лучших. Политиканство, желание «уцелеть» или сделать на «верности» карьеру выявляли далеко не лучшие моральные качества конфликтующих историков. Ехидный и желчный Пионтковский в своем дневнике повествовал о «необыкновенных нравах» той поры: «Пришел недавно ко мне Эльвов, путаник он, правда, страшный, молод еще, больше насчет женского общества прохлаждается, чем насчет науки. К теоретическим вопросам большой склонности не чувствует, но работает как вол и сидеть может часов по 14-ти в день... Написал он рецензию на препаршивую книжонку Шестакова. Книжка действительно никуда не годная... Шестаков узнал, рецензию как-то схапал и стал расправляться с Эльвовым. Вызвал его к себе и говорит: «Ты парень молодой, а пишешь про меня пакости, рано, братец мой». А потом звонит Дубровскому. У этого Эльвов учился и бывает. Говорит: «Знаете вы Эльвова?» Тот говорит: «Знаю, ученик мой и учился у меня». «А не замечали ли вы за ним аморальных поступков?..» Ну хорошо, что Дубровский знает Эльвова, а другой согласился бы... в один момент вымазал бы парнишку грязью. Даже и у буржуазной профессуры таких навыков не было...».

В начале 1931 г. Эльвова выслали в Свердловск. В ЦК ему сказали, что это вызвано не только тем, что на Урале нужны кадры, но и желанием как-то уменьшить в Москве склоку между группировками. Если верить его показаниям, он сумел оживить работу историков города, хотел провести конференцию с приглашением Минца, Пионтковского, Дубровского, но письмо Сталина, опубликованное в «Пролетарской революции», парализовало все начинания. В ход пошли карательные меры. 2 марта 1932 г. Эльвов решением Уральского ОК ВКП(б) был исключен из партии за то, что не дал «развернутой критики своих ошибок... не вскрыл и не дал оценки своей антипартийной работе в 4-х томнике истории ВКП(б) под редакцией Ярославского, что свидетельствует о его недостаточной искренности и неспособности в дальнейшей своей работе оправдать доверие партии»¹².

Эльвов рассказал, как работал в Свердловском истпарте, коммунистическом университете, редакции газеты «Уральский коммунист». В Свердловске ближе других он сошелся с историком Семеном Израилевичем Кузнецовым¹³. Среди свердловских знакомых Эльвов назвал также

Семена Владимировича Гингорна, Якова Рафаиловича Ельковича и Иосифа Соломоновича Когана¹⁴.

Эльвов признал, что при встречах с Минцем, Дубровским и Пионтковским резко осуждалось письмо Сталина в «Пролетарскую революцию», погромные выступления Кагановича и Мехлиса, и объяснял это тем, что его состояние и настроение тогда были крайне угнетенными. Когда его восстановили в партии и он уехал в Казань, там его встретили жесткой критикой за участие в работе над 5-томником по истории ВКП(б). Как и других авторов многотомника, его обвиняли в «троцкистском контрабандизме». Л. Мехлис заявил, что «... только наличием гнилого либерализма можно объяснить, как школка троцкиствующих историков — Эльвова, Кин, Минц и других — бесконтрольно протаскивала антипартийный хлам... Партактив и отделение общества историков-марксистов в Казани разоблачили попытки представить, что большевизм в Татарской Республике сложился на почве органического перерастания различных мелкобуржуазных течений в большевистское, что групповая борьба в татарской организации являлась исторически необходимым этапом и что «левые» были настоящими большевиками»¹⁵.

16 февраля 1935 г. Бауманский райком Казани исключил из ВКП(б) Марию Семеновну Бычкову, жену Эльвова, за «потерю классовую бдительности», недоносительство на мужа, «неразоблачение до конца двурушничества Эльвова». Вернувшись из лагерей и ссылки, 2 октября 1955 года Бычкова писала, вспоминая о том страшном времени, как в 1930 г. училась в Московском институте народного хозяйства, вышла замуж за Эльвова, была студенткой у него в семинаре. В 1932 г. вместе с мужем переехала в Казань, работала в аппарате советского контроля. «В 1935 году арестовали Эльвова. Меня начали вызывать в качестве свидетеля по делу мужа... Первое, что мне предложили, когда вызвали в НКВД, — написать отречение от мужа и опубликовать в печати... С первого допроса заявили: если буду отказываться в разоблачении мужа, то отберут ребенка, и через несколько дней сына выкинули из детского сада. На допросах держали сутками и изматывали бессонницей».

Ее заставили освободить квартиру и уехать к родственникам в Москву. Там вновь вызвали в НКВД. «В кабинете начальника Молчанова в присутствии многих работников НКВД устроили допрос. Много было задано вопросов и основной был — почему я не помогаю НКВД в разоблачении Эльвова».

16 июня Бычкову посадили под домашний арест в Москве, и уже 20-го она дала показания, обличающие мужа. На вопрос о знакомых Эльвова в Москве Бычкова назвала ученого секретаря редакции истории гражданской войны в СССР И. И. Минца, директора международного аграрного института С. М. Дубровского, его жену Б. Б. Граве, профессора МГУ С. А. Пионтковского. Сообщила, что присутствовала при их встречах в 1930-1931 гг., где говорилось о невежестве и вульгаризации, процветающих в исторической науке, деградации теоретической мысли, о том, что создалось положение, при котором творческая мысль заменялась аллилуйщиной, а людей выдвигали за их усердие в восхвалении руководства. Следовательно добился от Бычковой также показаний о том, что упомянутые историки критически отзывались о Сталине и Кагановиче.

Бычкова свидетельствовала: «По приезду в Казань Эльвов познакомился с историком Михаилом Корбутом, врачом Сергеем Диковицким, агрономами Винтайкиным и Щепериным. Он скептически оценил разносное письмо Сталина и иронически — свою «проработку». Незадолго до появления в печати письма Сталина в журнале «Пролетарская революция» Минц прислал Эльвову письмо, в котором предупреждал о готовящейся публикации письма Сталина и о том, что Сталин негативно воспринял 4-томник по истории партии. Письмо Минца закончилось фразой: «Не робей!» После опубликования письма Сталина Эльвов получил конверт с запиской от Дубровского и Граве, в которой они выражали ему свое сочувствие». Таким образом, Бычкова подтвердила многое из того, о чем уже говорил в своих показаниях ее муж.

Эльвову трудно было адаптироваться в новой обстановке, сложившейся в стране и в исторической науке. Он пытался стоять на своем, из-за чего, например, его первая лекция в пединституте (1932 г.) закончилась скандалом. Эльвов охарактеризовал древнекиевское государство как рабовладельческое. Поднаторевшие в политических дискуссиях и поисках врагов, студенты усмотрели в этом проявление «троцкизма». Ссылаясь на «Вопросы ленинизма» Сталина, они заявили, что в Киевской Руси господствовала феодальная формация. (И тут же донесли на сказанное Эльвовым в сердцах: «История покажет, кто был прав — Сталин или мы»). В 1933 году Эльвов вновь заявил, что в преподавании истории не допустит фальсификации и что 1905 год он понимает так, как изложил его в 4-томнике

истории ВКП(б). И это несмотря на все более ужесточавшуюся критику этой работы.

С другой стороны, коллеги Эльвова подчеркивали его осторожность. Фатых Камалович Сайфи¹⁶, редактор журнала «Яналиф», будучи допрошенным, показал, что знал Эльвова по печати еще до приезда его в Казань, затем работал вместе с ним, но «мне не удалось подметить в поведении Эльвова элементов контрреволюционного троцкизма... Он был исключительно изворотлив, умен и осторожен. В 1934 году я сам лично поднял антипартийный, антисоветский разговор о положении крестьянства, но он немедленно строго оборвал меня».

Под руководством Эльвова Сайфи участвовал в составлении сборника «История Татарии в документах и материалах». Первый том получил в Москве положительную оценку С. Пионтовского и Н. Рубинштейна. Второй — не был завершен из-за арестов составителей. Сайфи подтвердил: «Лично я за Эльвовым на кафедре не замечал никаких фактов его контрреволюционной троцкистской деятельности... Эльвов практически хорошо руководил кафедрой».

Газиз Салихович Губайдуллин¹⁷ сообщил следствию, что Эльвова знал с 1934 года, бывал у него на лекциях, но не заметил в них ни восхваления, ни критики троцкизма. Губайдуллин не удержался от замечания, что его реферат Эльвов слушать отказался, мотивируя тем, что теперь, после убийства Кирова, «начнутся следствие и репрессии, не до докулада тут».

Мухтарама Ахметовна Фаридова¹⁸, аспирантка Эльвова, показала, что «была поклонницей Эльвова, как талантливого профессора, о его контрреволюционной деятельности ничего не знала». Правда, впоследствии следователи вынудили Фаридову подписать подготовленные следователем протоколы, «признаться», что в 1932-1934 гг., во время обучения в аспирантуре, она была «участницей контрреволюционной троцкистской организации в Казани, которую возглавлял Эльвов».

Зугра Биляловна Надеева¹⁹, секретарь исторической кафедры института, на допросе 16 марта 1935 г. показала: «Мне известны только прошлые ошибки Эльвова, сделанные им в 4-х томнике истории ВКП(б) под редакцией Ярославского. Как известно, Эльвов эти ошибки признал в свое время. Других фактов протаскивания Эльвовым троцкизма в процессе своей научно-педагогической работы я не знаю».

После исключения из партии и газетных оскорблений Эльвов понял, что настал его черед. Он стал уничтожать

документы, рукописи, запретные книги с автографами авторов. 6 февраля 1935 года сжег личную переписку, официальные справки, организационные материалы 4-томника истории ВКП(б), фотографии и даже старые планы и программы курсов. Позже факт уничтожения бумаг и книг подтвердит жена Эльвова и домработница.

В Казани Эльвова допрашивали с 10 февраля по 15 июня 1935 года, затем спецконвоем переправили в Сокву, поскольку, как выяснилось, его «контрреволюционная деятельность» связана с «целым рядом лиц», там проживающих.

Эльвов показывал, что в Казань его пригласил Исхак Рахматуллин, заведующий отделом культуры Татарского ОК ВКП(б). Пионтковский, старый казанец, рекомендовал ему Корбута, с которым он и познакомился по приезду в город. Эльвов дал политическую характеристику преподавателей педагогического института, разделив их на группы шовинистов и националистов, левых и правых, признал, что не всегда ответственно относился к работе, но категорически отрицал «наличие троцкистской контрабанды в своем преподавании».

Главным своим делом в Казани Эльвов полагал подготовку материалов по истории Татарии, которые готовил вместе с сотрудниками института истории Коммунистической академии в Москве. Он всячески выгораживал Надееву и Е. Медведева, которые ему были «очень преданы» и ни в чем не повинны. «Я погубил их своими разговорами», — сокрушался он.

Особо подробно остановился Эльвов на обстановке в редакции газеты «Красная Татария», где он еще недавно вел отдел международной информации, а теперь на страницах газеты подвергся беспардонной критике.

«Красная Татария», 2 февраля 1935 г. Сообщение о том, что в педагогическом институте состоялась конференция «О контрреволюционной зиновьевской группе и ее подонках». В актовом зале, вместившем около 600 студентов и преподавателей, был разыгран весьма характерный для того времени фарс. Заведующий отделом культуры горкома партии Шикаев «для дискуссии» предложил кому-либо из студентов выступить в защиту позиции Г. Е. Зиновьева с тем, чтобы другие его разоблачали. В роли Зиновьева выступил студент истфака Рафиков, однако «дискуссия» шла так вяло, что оппонентов Зиновьева-Рафикова обвинили в недостаточной активности. Среди прочих выступил и Эльвов, причем сорвал аплодисменты, что не помешало горкому партии исключить Шикаева

из ВКП(б), а партком пединститута распустить как «незрелый». 10 февраля в «Красной Татарии» появилась статья «Покровители Эльвова», в которой руководители финансово-экономического института обвинялись в том, что просто уволили Эльвова, а не разоблачили его как троцкиста.

В этом же номере — заметка «Троцкистский последыш и его покровители», в которой говорилось: «В результате потери классово-революционной бдительности и зажима самокритики троцкистский последыш Эльвов мог до последнего времени руководить в пединституте кафедрой».

Корреспонденции из «Красной Татарии» были в сокращенном виде перепечатаны в «Правде» с комментарием. 11 февраля «Красная Татария» опубликовала постановление объединенного бюро Татарского обкома и Казанского горкома партии. В нем признавалось ошибкой отсутствие контроля за деятельностью «троцкистского контрабандиста Эльвова». Всем партийным организациям предлагалось обсудить опубликованные статьи, осудить Эльвова, т. е. разоблачить «собственных троцкистов». В этом же номере «разоблачался» профессор университета Т. С. Ищенко как «двурушник» и друг Эльвова. 12 февраля передовая статья газеты призывала показать «отвратительный облик Эльвова, этого троцкистского последыша, двурушника, рвача, наглого зажимщика самокритики, дезорганизатора учебной работы». Сотрудников Эльвова спрашивали, как это они могли «не заметить его антисоветской сущности и подрывной работы». 2 мая 1935 года, завершая ответы на вопросы следователя, Эльвов итожил: «Я не злостный контрреволюционер, не враг...».

М. С. Бычкова, жена Эльвова, на допросе 17 апреля 1935 г. рассказывала: «Резкое изменение настроения у Эльвова наступило после его возвращения из последней поездки в Москву и Ленинград в январе. Был он очень раздражителен и ни на какие расспросы не отвечал. В день приезда все твердил, что должен видеть Ищенко, ушел к нему часов в 9 вечера (приехал же он в 7 вечера) и возвратился часам к 11-ти. В этот вечер ничего мне Эльвов не рассказал. Только на второй день, когда я пришла с работы, Эльвов рассказал о том, что он делал в Москве и Ленинграде и о своих настроениях. Был у Берты Граве, справлялся насчет выпуска тома по истории Татарии, но там получил ответ о том, что даже последние 10 листов, набранные в типографии, предложили разобрать в силу того, что ЦК решил не выпускать его книги. Жаловался Эльвов на то, что Граве, всегда встречавшая его приветливо, даже домой не пригласила. Затем в Казани проводился

ряд собраний по проработке событий, связанных с убийством Кирова. С этих собраний Эльвов приходил очень удрученным. После конференции в пединституте 31 января и выступления студента Рафикова, Эльвов вернулся в несколько лучшем настроении, сообщал, что выступал и ему даже аплодировали. Когда же была опубликована статья в «Красной Татарии» с разоблачением Эльвова, настроение его резко ухудшилось, и он стал требовать, чтобы я с сыном немедленно уехала из Казани. Эльвов говорил мне, что хочет покончить с собой и спрашивал, не осужу ли я его за это, так как он не видит никаких перспектив своего будущего. Бумаги, фотографии и книги он сжег. Ему звонили из партколлегии 9 февраля, но он туда не пошел, так как из партии его исключили. О том, что делалось в редакции газеты, Эльвов всегда знал от Евгении Гинзбург, с которой его познакомил Корбут».

В 1933-м Эльвова стали критиковать за выступления на партактиве города, где он заявил, что относится к «мирным троцкистам», делавшим лишь литературные ошибки (т. е. до конца «не разоблачился»). В начале 35-го от него отвернулись, отступились, предали те, кто еще совсем недавно работал вместе с ним. Поэтому Эльвов не удивился, когда доцент кафедры Евгений Грачев (еще не зная, что вскоре тоже будет арестован) написал на него донос. В нем шла речь о невозможности работать с «троцкистским контрабандистом» и предлагалось сурово осудить его. Нет, не зря Эльвов назвал в свое время Грачева «политическим спекулянтom и склочником»...

7 февраля состоялось заседание парткома института марксизма-ленинизма, в котором Эльвов состоял на партийном учете. Ни у кого не нашлось доброго слова в его адрес. Ни у И. Рахматуллина, пригласившего его на работу в Казань, ни у профессора Ищенко, одного из наиболее близких Эльвову людей. Каждый поносил его, надеясь этим спасти себя. Напрасно. Скоро предали и их. Теперь же все дружно обвиняли Эльвова в «халтурщине, никчемных научных работах, двурушничестве». Оказывается, он в своих лекциях проповедовал троцкизм, это проявлялось в том, что «в вопросе об общественных формациях он «опровергал Ключевского, не вскрыл сущности буржуазных взглядов Ключевского и не дал марксистско-ленинского обоснования учения о формациях». Оставалось неясным, в чем же заключался «троцкизм»?

Решение об исключении Эльвова из партии было принято единогласно. 10 февраля закрытое партсоборание института это решение утвердило, указав, что Эльвов исключает-

ся за «протаскивание в преподавательской работе троцкистской контрабанды, игнорирование роли Сталина в развитии марксистско-ленинской философии, протаскивание и неразоблачение меньшевистского идеализма».

Удивительно, что партком и собрание исключали его из партии, как бы забыв, что он уже был исключен партийной комиссией при ЦК ВКП(б). Решение парткомиссии, избилующее «чугунными» формулировками, ему зачитали по телефону: «В связи с заметкой в «Правде» от 5 февраля с. г. установлено, что Эльвов не разоблачил антисоветскую затею Шикаева, Григорьева и других, подготовивших студента Рафикова, который повторил контрреволюционную клевету зиновьевцев-троцкистов на партию. Эльвов не дал большевистского отпора этой контрреволюционной вылазке двурушников вследствие того, что он сам лишь формально, на словах признавал свои «литературные» ошибки, а на деле, в своей научной и преподавательской работе не прекращал пропаганды троцкизма, выхолащивая роль партии из истории народов СССР, отрывая роль партии от истории народов страны, покрывал идеологически чуждых и их вредительскую работу на идеологическом фронте, зажимал самокритику.

Эльвов, признавая свою вину только в зажиме самокритики и срывах учебных занятий, на все остальные обвинения давал уклончивые ответы: «опоздал», «далеко стоял», «не слыхал», «не знал», «не читал», чем доказал свою неискренность и даже в анкете не упомянул, что исключался из партии. Потому постановили: Эльвова из партии исключить как двурушника».

Эльвов сидел дома, жег бумаги, ждал ареста и решал, стоит ли ему жить дальше. Он боялся идти к Ищенко, чтобы его не подвести, послал к нему Надееву с вопросом — что делать? И получил осторожно-уклончивый ответ — обратиться в обком... 23 февраля 1935 г. самого Ищенко исключат из партии с той же формулировкой, что и Эльвова — «как двурушника-троцкиста». Он уедет из Казани подальше, устроится контролером Восточно-Сибирской конторы «Заготзерно». Но и там его отыщут и под конвоем привезут в Казань...

29 мая 1935 г. состоялась очная ставка Эльвова с Ищенко. Им был задан вопрос, верно ли, что они надеялись в Казани «легче отсидеться» в связи с «проработками», начавшимися после убийства Кирова. Оба ответили утвердительно. Еще одна очная ставка состоялась 1-го июня. Эльвов и Ищенко подтвердили дружескую близость,

основанную на сходных политических воззрениях и совместной работе в институте марксизма-ленинизма.

У Зюгры Надеевой следователи выспрашивали о знакомых Эльвова. Она назвала Ищенко, Е. Медведева, Ф. Сайфи, М. Корбута, Евгению Гинзбург. Последняя «часто обращалась к Эльвову в целях консультации по отдельным вопросам газетной работы. Ее Эльвов привлекал к составлению первого тома истории Татарии, к написанию учебника истории для школ второй ступени. Эльвов говорил, что он бывал у Гинзбург на квартире. В начале 1933 года Гинзбург была на квартире у Эльвова, цель посещения мне не известна». Не удержалась Надеева, посплетничала: «По слухам, между Эльвовым и Гинзбург имелись интимные отношения. Гинзбург говорила, что за ней сильно ухаживает как за женщиной Эльвов». И все же Надеева категорически отрицала факт каких-либо антисоветских и антипартийных высказываний Эльвова.

2 мая 1935 года Эльвов на казанском допросе вновь вернулся к своим московско-ленинградским связям. Возможно, тем самым он пытался подчеркнуть свою значимость в глазах провинциальных следователей. Он рассказывал о встречах с Семеном Григорьевичем Томсинским, которого знал с 1926 г. и который говорил ему о выселении из Ленинграда т. н. «неблагонадежного элемента»; с Андреем Ильичем Мальшевым, заместителем директора ленинградского отделения Коммунистической академии. По наблюдениям Эльвова, среди историков царил атмосфера страха и растерянности. Томсинский говорил ему: «Смотри, что делается в партии — ребята боятся собраться на вечеринку. Панкратова — боится у себя, Ванаг — у себя...» Только М. М. Цвибак, узнав об интересе Эльвова к истории Татарии, предложил ему принять участие в коллективной работе по истории народов СССР.

Это настроение повергло Эльвова в панику. Он признался, что еще в Ленинграде хотел сам идти в НКВД и отдал знакомой свою записную книжку и примечания к тому по истории Татарии. Но передумал и уехал в Москву, где делился своими переживаниями с Пионтковским и Дубровским. Те посоветовали опасаться Мехлиса (и редактируемой им «Правды»), отсидеться в Москве. На допросе он не раз возвращался к ощущению своей обреченности после издания совместной брошюры с Ташкаровым, полагая, что Сталин ему не простит. И повторял: «Я не злостный контрреволюционер...»

20 мая 1935 г. на допросе зашла речь о В. И. Невском и его учениках П. И. Анатольеве и П. П. Парадизове,

также к тому времени находившихся под следствием. Эльвов признал, что знал Невского, но встречался с ним редко, что вокруг него группировались историки, относящиеся критически к Покровскому и его ученикам. Невский дал положительный отзыв о его работе «Партия накануне революции 1905 года в России и на международной арене», в которой не находил ошибочной его, Эльвова, оценку высказываний Розы Люксембург о революции 1905 года. В то же время сослался на слова Пионтковского, который говорил о негативном отношении Невского к письму Сталина в журнал «Пролетарская революция».

В четырехтомнике истории ВКП(б) не указаны авторы разделов, но из допросов Эльвова явствует, что им были написаны главы II тома о социально-экономических и политических предпосылках революции 1905 года и об отношении к революции лидеров II Интернационала; в IV томе — теоретическая часть о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Здесь Эльвов выступал против троцкизма, идеализировал взгляды и действия Ленина, однако, в начале 1929 г. на заседании научно-исследовательской группы Института Ленина, защищая положения совместной брошюры с Майорским, назвал Троцкого революционером²⁰. Взгляды Эльвова во многом совпадали с точкой зрения Ярославского, но как профессионал-историк, не занимавший важных политических постов, он был более свободен в своих высказываниях. Теперь ему все это припомнили...

7 июня 1935 года Эльвову предложили остановиться на его связях с Петром Николаевичем Ионовым, заведующим сектором иностранной литературы Гослитиздата; Григорием Самойловичем Фридляндом, деканом исторического факультета Московского университета; Николаем Николаевичем Ванагом, заместителем директора института истории народов СССР АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР Борисом Михайловичем Гессеном. (Все они были к тому времени арестованы, в 1937 г. расстреляны, позже реабилитированы). В Москве дело Эльвова вел следователь Петровский. 20 июня он допросил Бычкову, 22 июня — Эльвова.

Эльвов был уже сломлен.

— Следствию известно, что вы на протяжении ряда лет и вплоть до своего ареста вели активную контрреволюционную работу. Подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю. Я действительно на протяжении ряда лет, вплоть до своего ареста вел активную контрреволюционную работу.

Он подписал протокол, в котором «признавался», что с 1929 г. входил в «контрреволюционную» московскую группу историков (С. М. Дубровский, С. А. Пионтковский, Б. Б. Граве, И. И. Минц, Н. Л. Рубинштейн, А. Л. Сидоров)²¹. При этом Эльвов категорически отрицал наличие какой-либо антипартийной группы в Свердловске, где он недолго проработал. Он признал, что регулярно переписывался с членами московской группы, встречался с ними. Минц называл кампанию, развернувшуюся после письма Сталина в журнал «Пролетарская революция», «свистопляской». В подобных выражениях отзывались о ней Дубровский и Граве. В Казани, признал Эльвов, он вместе с другими «вел борьбу с недостатками местного руководства», хотя эта борьба ограничивалась разговорами. В 1932 г. у Дубровского обсуждали исключение из партии Зиновьева, дело Рютина, при этом Дубровский высказал мнение, что с Зиновьевым и Каменевым просто расправляются и что Сталин повинен в репрессиях.

После подписания протоколов допросов, где он признавался во всем, в чем ему предлагалось признаться, чем, по сути, «потянул» за собой наиболее близких ему людей, Эльвов почувствовал себя скверно. 22 августа 1935 года он обратился с заявлением на имя начальника секретного политического отдела НКВД Г. А. Молчанова, где отказывался от пищи, прогулок, книг и пользования очками. «Все это для того, — объяснял он, — чтобы скорей покончить с той пошлой жизнью, которую я веду в настоящее время и которую больше уже выносить никак не могу, да и не вижу необходимости. 10 февраля 1935 г. жизнь моя окончилась».

Он хотел умереть. «Проведя без малого семь месяцев в одиночном заключении, обдумав все и снова передумав, я пришел к убеждению, что жизнь моя, безусловно, окончена, что перспектив у меня никаких... Я подвергнут крайне суровому режиму (нет свиданий, нельзя написать — получить письма, необходимые вещи, хотя это не запрещается правилами тюрьмы. Даже подушки лишен, очки и книжки получил — буквально зубами вырвал)... Ни жизни, ни работы, ни семьи мне не видать. То, что влачу сейчас, что предстоит в будущем — терпеть больше не могу — это свыше моих сил. Жизнь моя окончена и оставшиеся силы я хочу приложить на то, чтобы ускорить этот конец». Эльвов объявил, что начинает голодовку с 23 августа. Но через день, 24 августа, решил, что аннулирует свои предыдущие требования и возвращается к обычной жизни заключенного.

Вскоре он был ознакомлен с обвинительным заключением, подписанным следователями В. Петровским, Г. Луловым и завизированным Г. Молчановым. Эльвов обвинялся в том, что являлся членом антипартийной группы историков, которая распространяла «клевету по адресу тов. Сталина».

15 октября 1935 года Особое совещание при НКВД рассмотрело дело казанцев. Эльвов и его жена Бычкова «за участие в контрреволюционной троцкистской группе» были сосланы на 5 лет в г. Шенкурск; З. П. Винтайкин — на 5 лет в Каракалпакию; Г. П. Шеперин — на 3 года в Казахстан; Е. И. Медведев и З. Б. Надеева — лишены права проживания в режимных городах на 3 года. Вскоре приговоры пересмотрели: 27 мая 1936 г. Эльвова из Шенкурска переправили в ГУЛАГ, на Колыму, в Севвотлагеря была отправлена и Бычкова.

В 1937 году стали выявляться «новые обстоятельства». Ужесточение карательной политики повело к тому, что в лагерях и ссылках стали «отлавливать» бывших «троцкистов». Эльвова вновь этапировали в Казань. Этого испытания его психика не выдержала: 3 апреля 1937 г. он был помещен в казанскую психбольницу и пробыл там несколько месяцев.

В последнем следственном деле Эльвова единственный протокол допроса. 15 сентября 1937 г., больной и измученный, он предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР и снова заявил в последнем слове, что виновным себя не признает, террористической работы не вел и никакой контрреволюционной организации не сколачивал. Приговор был заготовлен заранее — высшая мера наказания. В ночь с 15 на 16 сентября 1937 г. Эльвов был расстрелян.

Прошли годы. Жена и сын Эльвова возбудили дело о реабилитации. Были подняты дела двадцатилетней давности, вызваны оставшиеся в живых свидетели, постарались «озвучить» голоса мертвых.

Александр Антонович Диковицкий, казанский врач: «В качестве обвинения мне предъявлялось участие в троцкистской группе Корбута и Эльвова. Фактически же никакой организационной деятельности в Казани этой группой лиц не проводилось».

Николай Николаевич Майорский, соавтор Эльвова (вместе они в 1927 г. написали брошюру «Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции»), был спецкором «Правды» в Париже, расстрелян 13 августа 1937 г. Показывал, что сотрудничал с Эльвовым и при написании 4 томника истории ВКП(б). Ни в чем его не обвинял.

И, наконец, противоречивые показания Ищенко (1936 г.).

По его мнению, в коммунистическом университете Татарии, где они с Эльвовым работали, шла групповая борьба за руководство институтом, которой придали политическую окраску. «Взгляды Эльвова до января 1935 года я не расценивал как троцкистские... разговоры с ним я не расценивал как контрреволюционные». В январе 1935 г. Ищенко в горкоме дали понять, что Эльвову «нельзя доверять». Ищенко обо всем рассказал Эльвову, и они решили на время дружеские встречи прервать...

Обозревая дело Эльвова с реабилитационными целями в 1958 году, следователь писал, что основанием к его осуждению послужили «признания» ряда знавших его лиц. Проверка установила «несостоятельность собранных в отношении его материалов». К делу Эльвова была приобщена копия показаний свидетеля Ф. М. Майорова, из которых видно, что он говорил не об Эльвове, а о директоре областной базы пушмехсырье Львова. Однако в протоколе фамилия Львов исправлена на фамилию Эльвов, путем приписки буквы «Э». Следователь КГБ Татарии капитан Татуркин предложил дело Эльвова прекратить за отсутствием состава преступления. 18 марта 1958 г. военная коллегия Верховного суда СССР с этим выводом, поддержанным прокуратурой, согласилась, добавив суждение о невиновности Эльвова.

* * *

¹ История ВКП(б).— М.—Л., 1930.— Т. IV.— С. 5, 6. Пятый том «Истории ВКП(б)» был написан, сдан в типографию, но не вышел.— РЦХИДНИ.—Ф. 89.— Оп. 7.—Д. 69.—Л. 10-11.

² См.: Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк.— М. 1976.— С. 97, 106.

³ Пролетарская революция.—1927.—№ 11.—С. 46, 49, 51, 53, 67.

⁴ Пролетарская революция.—1927.— № 11.— С. 68, 69. Брошюра Н. Майорского и Эльвова «Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции» (М.—Л., 1928) повторяла основные выводы их статьи.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 44.—С. 147.

⁶ Подробнее см.: Панцов А. В. Л. Д. Троцкий // Вопросы истории.— 1990.—№ 5.—С. 71, 73.

⁷ Ташкаров П., Эльвов Н. Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма.—М.—Л., 1929.—С. 17, 61, 114, 140, 187.

⁸ Тимофей Семенович Ищенко (1903-1938), профессор-философ, выпускник Коммунистического университета им. Свердлова в Москве, большевик в 1920-1935 гг. В 1935 г.—заведующий кафедрой философии Казанского университета. Арестован 20 мая 1936 г. по обвинению в троцкизме. Осужден на 5 лет лагерей. Умер в заключении 1 декабря 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁹ Михаил Ксаверьевич Корбут (1899-1937), профессор-историк, окончил Казанский университет, большевик в 1919-1933 гг. Главный труд—История Казанского университета в 2-х томах (Казань, 1930). Был арестован в феврале 1933 г. по обвинению в троцкизме, сослан в

Казахстан. В декабре 1936 г. возвращен в Казань и вновь обвинен как «правый». 1 августа 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в июле 1956 г. «за отсутствием состава преступления».

- ¹⁰ Ефрем Игнатъевич Медведев (1903-1983)—профессор-историк, арестован 12 февраля 1935 года как ученик Эльвова. Освобожден из заключения по болезни через 3 с половиной месяца. Реабилитирован 20 октября 1955 г. В заявлении о реабилитации Медведев писал (декабрь 1954 г.): «11 февраля 1935 года в Казани по делу профессора Эльвова Николая Наумовича, у которого я состоял аспирантом, меня вызвали в НКВД Татарии, где следователю Музафарову недостойными методами удалось заставить меня подписать заготовленные им заранее протоколы допроса... Я в это время был управляющим архивами Татарской республики, доцентом по кафедре ленинизма финансово-экономического института... За время 3-х месячной изоляции мне приписывали ярлыки: враг, троцкист, вредитель, будто я приглашал на работу в музей бывшего казанского губернатора и крупного муллу... После лечения в психбольнице меня выслали из Казани в Куйбышев...»

В подписанном Медведевым протоколе отрицалась осведомленность о какой-либо контрреволюционной деятельности Эльвова, но приводились слова, будто бы сказанные им: «На Новой площади похоронен Ленин, а на Старой — ленинизм»; «Сталин любит эффект, а Ленин был скромный»; «Вольфович угробил хорошего работника Слепкова, такого специалиста, как он, теперь в Казани нет».

Моисей Абрамович Вольфович (1888-1938), комиссар времен гражданской войны, партийный работник, с 1927 г.— ректор Татарского коммунистического университета. Редактор многих работ по истории революционного движения в Татарии. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

- ¹¹ По поручению Ярославского Эльвов, Минц и Пионтковский составляли тезисы к 25-летию первой русской революции, в соавторстве с Дубровским и Граве — тезисы о «Народной воле». В ИКП он вместе с Минцем И. И., Дубровским С. М., Граве Б. Б., Пионтковским С. А. и другими решал вопрос о том, кто станет автором истории ВКП(б). Об обстановке в ИКП в то время см. также: Авторханов А. Технология власти.— М., 1991.

- ¹² Получив ободряющие письма от Минца, Дубровского и Граве, Эльвов подал заявление в ЦК партии с просьбой о восстановлении в рядах ВКП(б).

- ¹³ 31 июля 1937 г. Кузнецова осудят за то, что он с 1931 г. являлся «участником антисоветской организации правых, действовавшей на Урале и занимался вредительством в области народного образования». Он был расстрелян 31 июля 1937 г., реабилитирован в марте 1956 г.

- ¹⁴ И. С. Коган, 1897 г. р., историк, арестован 25 октября 1936 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». Приговорен к 10 годам лагерей. Реабилитирован в феврале 1958 г.

С. В. Гингорн, 1896 г. р., историк, арестован 20 января 1936 г. по идентичному обвинению. Расстрелян 21 марта 1937 г. Реабилитирован в сентябре 1957 г.

Я. Р. Елькович, 1896 г. р., ответственный редактор «Уральской советской энциклопедии» и свердловской областной газеты «Колхозный путь». Был обвинен в приверженности троцкизму, в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой проводил антисоветскую деятельность». Приговорен к 15 годам лагерей. Во время реабилитационной проверки в 1956-1957 гг. выяснилось, что хотя Елькович «троцкистом» не был, но была доказана его виновность «в провокаторской деятельности, как секретного агента органов

НКВД, в фальсификации протоколов допросов арестованных, в даче ложных показаний на целый ряд партийно-советских работников, несомненно репрессированных органами НКВД». Елькович был единственным из свердловских знакомых Эльвова, кто назвал его «участником антипартийной группы». В 1936 г., будучи арестованным, Елькович стал камерным агентом НКВД и совместно с сотрудником органов Строминным «составлял фальсифицированные протоколы допросов и давал вымышленные показания» на 140 человек, в том числе на В. К. Блюхера, Б. Куна, И. Б. Лapidуса и др., за что получил более 16 тыс. руб.

¹⁵ Мехлис Л. За ликвидацию отставания исторического фронта//Большевик.—1932.—№ 5-6.—С. 12.

¹⁶ Ф. К. Сайфи, историк и писатель, 1888 г. р., арестован 18 сентября 1936 г., расстрелян 3 августа 1937 г. Автор многих книг и статей по истории Татарии. «Материалы и документы по истории Татарской АССР с древнейших времен до реформы 1861 года» вышли в Москве в 1937 году под общей редакцией Н. Рубинштейна, но без фамилий составителей и редактора.

¹⁷ Г. С. Губайдуллин (1887-1937) —историк, профессор. По делу Эльвова допрашивался как свидетель.

¹⁸ М. А. Фаридова-Рахматуллина, 1901 г. р., арестована 15 мая 1937 г., осуждена 2 августа 1937 г. на 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. 16 декабря 1955 г. была реабилитирована по личному заявлению, в котором сообщала, что на допросах в 1937 г. оговорила себя «в результате физического воздействия следователя».

¹⁹ З. Б. Надеева, 1907 г. р., арестована 12 февраля 1935 года, освобождена 22 марта 1935 г. с подпиской о невыезде из Казани. Дело прекращено 15 октября 1935 г.

²⁰ Пролетарская революция.— 1929.— № 5.— С. 182.

²¹ Сергей Митрофанович Дубровский, 1900 г. р., большевик с 1918 г., профессор, декан исторического факультета Ленинградского университета, 25 декабря 1936 г. осужден на 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в политических правах. В 1948-1949 гг. жил в Казани, работал в Госмузее Татарии. На предварительном следствии и суде Дубровский ни в чем себя виновным не признал. Показания Эльвова против себя назвал «нелепыми». Был реабилитирован в феврале 1954 г.

Берта Борисовна Граве, 1900 г. р., член партии большевиков с 1920 г., профессор-историк, руководитель исторической редакции Соцэкиза. Жена Дубровского. 8 марта 1941 г. была осуждена на 8 лет лагерей. Виновной себя ни в чем не признала. Реабилитирована в июне 1954 г.

Исаак Израилевич Минц, 1896 г. р., большевик с 1917 г., историк-академик, лауреат Сталинских и Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. К какой-либо судебной ответственности не привлекался. Умер в 1990 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

XX век держит первенство по массовым репрессиям. Происходили они прежде всего в европейских странах с тоталитарным режимом: Германии, СССР, Италии, Испании — там, где существовали диктаторские деспотии. Их история показала бесперспективность тоталитаризма, невозможность построить «тысячелетний рейх» на насилии.

Ныне вряд ли можно понять историю России, Октября 1917 г. вне европейского контекста, без понимания того, что любые ограничения инакомыслия, запрет демократических институтов непременно приводили к большому террору, что представления Ленина, Сталина, их соратников о социализме и методах его достижения характерны для радикальных марксистов. Состояние исторической науки было частью советской системы той поры. Сталинизм — сущность, но и частность подобного режима, имевшего в разных странах свои национальные традиции и специфику.

Даже простой перечень деформаций исторической науки при национал-социализме в Германии¹ демонстрирует общее с положением историков в СССР. И там, и здесь профессионалов-историков в партиях, шедших к власти, вначале было немного. Историки всюду почти не оказывали сопротивления режимам, наоборот, одними из первых подверглись репрессиям, высылкам и ссылкам. В Германии для этого использовался расовый принцип, в СССР — пролетарское происхождение и революционная целесообразность. Бреши заполнялись не столько профессионалами, сколько честолюбивыми защитниками режимов. Они унифицировали науку, приводили ее в соответствие с идеологическими запросами и предписаниями вождей. Мало кому удалось в те годы ограничиться рамками специальных исследований и как-то спастись от посягательств властей. В результате историческая наука оказалась морально ответственной за происшедшее, так как ее представители оправдывали существование и деяния бесчеловечных режимов. Историки способствовали легитимации утопических идей, проводившихся в жизнь людьми, оказавшимися у власти, утверждали законность существования такой власти.

Массовые репрессии 30-х годов лишь завершили процесс формирования тоталитарного государства. Кризис советской исторической науки, начало которого многие датируют концом 20—началом 30-х гг.², возник намного раньше. Кризис был инициирован созданием марксистских исторических учреждений и периодики, поощрением идеологически благонадежных для властей исследований, постепенным запретом инакомыслия. 20—начало 30-х гг.— это лишь этап форсирования процесса превращения историков в сподвижников тоталитаризма, когда их профессионализм стал определяться не знанием источников и методов анализа документов, а знанием цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма. Ситуация для тех, кто действительно профессионально хотел заниматься историей, стала безысходной. Подобное происходило и позже. При расцвете тоталитарных структур власти прибегли во второй половине 40-х гг. к массовой идеологической обработке и очередной волне репрессий (1948-1949 гг.). Те же процессы наблюдались в 60—70-е годы, когда наяву стали проглядываться признаки распада тоталитаризма. Именно тогда ожесточилась борьба с диссидентством, началась высылка и ссылка историков, их неопубликованные труды стали предметом резкой критики (пример тому — обсуждение исследования А. А. Зимина о времени написания и авторстве «Слова о полку Игореве», выводы которого расходились с официальной версией).

Безусловно, у Ленина и его последователей было право на свое понимание истории. Но такое же право на иное понимание обязательно должно было быть предоставлено и тем, кто думал иначе. Этого сделано не было. Это — исток трагедии и кризиса. Проповедь единомыслия, монополия на истину, поддерживаемая карательными методами, означала гибель науки как таковой. Заряд разрушения, неиссякаемая энергия, направленная на создание нового миропорядка, принесла свои негативные плоды и в области изучения истории. Пещерная ненависть к иному мнению, страсть к растаптыванию оппонента никогда не могли быть научным доказательством правоты. Это было в государстве, где несогласие с точкой зрения власть имущих грозило суровой карой. Это было в стране, где рассуждения о происходящем ужасе середины 30-х были похожи на мысли героя романа Артура Кестлера «Слепящая тьма» комбрига Рубашова, заключенного в советскую тюрьму: «Партия — порочная святыня — возможно ли это? Где и когда к высоким целям шли такими низменными путями? Если они действительно правы и партия творит волю истории, значит,

сама история — порочна!»³. Комбриг понял, когда беда коснулась лично его, что история античеловечной быть не может, и ужаснулся.

Тоталитарный режим нуждался не в соратниках, а исполнителях. Тому, кто не изменялся по подобию системы, не приспособлялся к этим изменениям, — шансов уцелеть было немного. На многих работах той поры — даже самых ортодоксальных, — печать обреченности.

Ныне можно и нужно говорить и спорить о путях выхода исторической науки из кризиса. Видеть их в новых теоретических и методологических разработках, решении источниковедческих проблем, в ломке привычных стереотипов и устоявшихся схем⁴. Но всего этого недостаточно для преодоления существующего положения. Для этого нужен пересмотр нравственной позиции каждым, ибо без принципа «жить не по лжи» кризиса не преодолеть. Это доказывает и показывает вочию происшедшее. Оно вызывает к состраданию и предупреждает.

* * *

¹ Моммзен В. Историография и социология при национал-социализме // Вопросы истории. — 1990. — № 11.

² Barber J. Soviet Historia Crisis, 1928-1932. — L., 1981; Соловей В. Д. Историческая наука и политика в СССР 20-30-е гг. // Историческое значение нэпа. — М., 1990. — С. 159; и др.

³ Нева. — 1988. — № 7. — С. 136.

⁴ См.: Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. — 1991. — № 2-3.

Литературно-художественное издание

Алексей Львович Литвин

БЕЗ ПРАВА НА МЫСЛЬ

(Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб)

Редактор *Г. Хасанова*
Художник *Б. Чукомин*
Художественный редактор *Р. Шамсутдинов*
Технический редактор *И. Зайнуллина*
Корректор *А. Хамитова*

ИБ № 6523

Сдано в набор 3.03.94. Подписано в печать 2.08.94. Формат 84X108^{3/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08+форз. 0,21. Усл. кр.-отг. 11,34. Уч.-изд. л. 11,22+форз. 0,31. Тираж 10000 экз. Заказ С-61.

Татарское книжное издательство.
420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфическое-производственное объединение им. К. Якуба
Министерства информации и печати Республики Татарстан.
420111. Казань, ул. Баумана, 19.

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИН

**БЕЗ ПРАВА
НА МЫСЛЬ**

